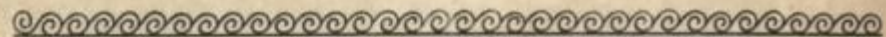
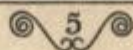
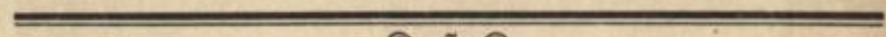

У(38)
Б 680

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

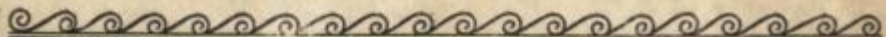

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ
В
АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И
И И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И М А Т Е Р И А Л Ь Н О Й К У Л Ь Т У Р Ы

П Р И Ч Е Р Н О М О Р Ь Е В А Н Т И Ч Н У Ю Э П О Х У

Под редакцией
проф. В. Н. Д Ъ Я К О В А

В ы п у с к 5

В. Д. Б Л А В А Т С К И Й

З Е М Л Е Д Е Л И Е
В А Н Т И Ч Н Ы Х Г О С У Д А Р С Т В А Х
С Е В Е Р Н О Г О
П Р И Ч Е Р Н О М О Р Ь Я

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА-1953

ВВЕДЕНИЕ

Земледелие обычно являлось важнейшей статьей в экономике античных полисов, состоявших из городов с прилежащими к ним сельскохозяйственными территориями. К. Маркс отмечает, что «история классической древности — это история городов, но история городов, основанных на земельной собственности и на земледелии»¹. Поэтому без изучения земледелия представление о хозяйстве античных государств неизбежно будет страдать значительной неполнотой.

Между тем вопрос об античном земледелии в Северном Причерноморье до сего времени крайне мало привлекал внимание исследователей. Иногда в специальных статьях бегло освещались те или иные материалы, связанные с данной темой. Однако ни один из исследователей не сделал попытки не только разрешить, но хотя бы во всей широте поставить данный вопрос. Показательны в этом отношении общие работы по истории Северного Причерноморья. В них исследователи, как правило, ограничиваются только изучением торговли сельскохозяйственными продуктами: описанием вывоза из Причерноморья хлеба и ввоза вина, в лучшем случае касаясь вопроса о местном виноделии. В силу этого довольно многочисленные, хотя и отрывочные данные по вопросам античного земледелия в Северном Причерноморье по-прежнему продолжают оставаться не систематизированными и не обобщенными. Между тем, даже простая сводка свидетельств древних авторов, памятников латинской и керамической эпиграфики, нумизматических и различных археологических источников могла бы во многом способствовать решению данного вопроса.

Существенная трудность, которая возникает при исследовании античного земледелия в Северном Причерноморье, связана с тем обстоятельством, что до сего времени не написана

¹ К. М а р к с . Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, 1940, № 1, стр. 15.

история северо-понтитских государств, которая в полной мере удовлетворяла бы требованиям современной науки. Ведь история Северного Причерноморья представляет собою весьма сложную и многообразную картину.

Внешняя обстановка и условия существования различных античных государств Северного Понта были далеко не одинаковыми, а в силу этого по-разному складывалась и их история. Между тем, до сего времени во многом еще не разрешен вопрос о характере взаимоотношений античных и местных элементов в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре, а равно и об отношениях населения этих государств с их ближайшими соседями. Разработка этой проблемы задерживается тем обстоятельством, что среди исследователей Северного Причерноморья еще не изжит явно устаревший взгляд на все местное население как на единый массив, совершенно однородный в этническом и культурном отношении, массив, в котором все местные племена и народности бесследно растворяются в общем наименовании скифов. Не приходится говорить о том, насколько ошибочна подобная точка зрения. Древние племена и народности имели свою экономическую базу и жили своей жизнью, даже входя в состав рабовладельческих империй. Тем в большей мере это относится к племенам и народностям, независимым в политическом отношении.

Различные племена Северного Причерноморья отличались друг от друга своим экономическим укладом, политическим строем и культурным развитием. Так, например, исследования скифских и таврских поселений свидетельствуют о глубочайших различиях в экономической и культурной жизни этих племен; да и другие обитатели Северного Причерноморья: каллипиды, скифы, савроматы, меоты и прочие обладали значительными своеобразием и самобытностью. Без учета этих особенностей никогда не удастся выяснить по-настоящему, каким было местное окружение, каковы были возможности обшений и характер связей с ним античных городов Северного Понта. А ведь это местное окружение и определяло во многом черты своеобразие различных северо-понтитских государств: Ольвии, Херсонеса и Боспора.

Как мы уже отмечали, до сего времени эта проблема еще не ставилась, однако результаты археологических исследований последних лет позволяют говорить не только о возможности, но даже о настоятельной необходимости ее решения. Изучение античных городов Северного Причерноморья и их периферии уже

¹ Нечеткость этого понятия хорошо осознавалась и в древности. На это указывают свидетельства Страбона и Плиния (Strab., I, 2, 27; Plin. N. H. IV, 81).

начинает постепенно приоткрывать завесу, скрывавшую от взглядов исследователей разнородное местное население причерноморских степей. Намечается наличие теснейших экономических связей скифов и меотов с античным миром, а равно и значительное проникновение античных строительных приемов в Нижнее Прикубанье еще в V в. до н. э., т. е. во времена, предшествующие включению этих племен в Боспорское государство. Совершенно иным представляются экономический строй и бытовой уклад ближайших соседей Херсонеса, горных обитателей — тавров, избегавших сколько-нибудь существенных связей с античным миром. Весьма показательно производившееся в последние годы изучение ольвийской периферии. Оно показало, что тесные связи с античным миром характерны лишь для ближних окрестностей Ольвии. Можно предполагать, что упоминаемые Геродотом каллипиды ("Ελληνες Σκύθαι") занимали небольшую территорию и были сравнительно немногочисленны; что же касается соседивших с каллипидами алазонов, то последние в значительно меньшей мере были втянуты в экономические и культурные связи с античным миром. Не менее интересны для понимания истории крымских скифов во II в. до н. э. раскопки Неаполя, производившиеся в 40-х годах текущего столетия. Они показали наличие тесных экономических связей скифов с античным миром через посредство греческих городов. Это делает особенно понятным стремление скифов выйти к морю путем захвата античных гаваней.

Все сказанное заставляет нас еще раз подчеркнуть, что условия, в которых находились главные античные центры Северного Причерноморья, были весьма различными. Во многом по-разному складывалась и их история. Поэтому и в сельском хозяйстве этих государств, в масштабах и характере его производства могли быть существенные различия. Отсюда следует, что, касаясь того или иного неясного для нас вопроса, в том числе связанного и с историей земледелия, мы далеко не всегда можем делать выводы лишь на основе аналогий с другими припонтитскими государствами. Все это, разумеется, затрудняет задачу исследователя, препятствуя заполнению и без того многочисленных «белых пятен» в нашем иной раз довольно скудном материале.

Настоящий очерк, посвященный античному земледелию в Северном Причерноморье, отнюдь не претендует ни на окончательное решение всех связанных с данной проблемой вопросов, ни на исчерпывающую полноту. Попытаемся в этой работе собрать лишь самые основные материалы и наметить главные вехи для решения данной проблемы. Сделать большее

¹ Herod., IV, 17.

затруднительно, ввиду того, что письменные источники довольно скудны и отрывочны, а археологические данные весьма случайны, и к тому же по большей части либо должным образом не опубликованы, либо добыты экспедициями, проводившимися на недостаточно высоком научном уровне. В силу этих обстоятельств в очень многих случаях пришлось прибегнуть к предположениям, иной раз, может быть, довольно гадательным. Однако без таких предположений пришлось бы ограничиться изложением отдельных мелочных фактов, и оказалось бы совершенно невозможным наметить общую картину исторического процесса. Необходимо также особо подчеркнуть, что неоднократно встречающиеся в данной работе цифровые подсчеты обычно весьма приблизительны и могут дать лишь примерное представление о действительности. Однако мы полагаем, что даже такая статистика лучше, чем полное отсутствие последней. При всяких обстоятельствах можно надеяться, что предлагаемые подсчеты могут стать отправным пунктом для более точных вычислений наших преемников.

Несомненно, еще очень многое необходимо сделать для изучения истории сельского хозяйства античных государств Северного Причерноморья. При этом дальнейшая разработка истории античного земледелия настоящим образом требует проведения больших экспедиционных работ, направленных на исследование хоры — сельскохозяйственной территории античных городов, так как только новые археологические материалы, добытые экспедициями, стоящими на уровне современных приемов полевой работы, позволят во всей полноте исследовать данный вопрос.

1. ЗНАЧЕНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ. ТОРГОВЛЯ ХЛЕБОМ. ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ КУЛЬТЫ

Земледелие и торговля продуктами сельского хозяйства играли весьма значительную роль в экономической жизни античных городов на северном побережье Понта. В настоящее время с достоверностью установлено, что возникновение постоянных торговых связей Северного Причерноморья с греческими городами Эгейского бассейна относится еще к VII в. до н. э. Уже в это время на Березани, в Ольвии и на Боспоре возникли первые торговые фактории — эмпории. Что получали в это время греческие купцы в обмен на свои товары, доподлинно неизвестно, ввиду полного отсутствия источников, освещающих древнейший период истории Северного Понта. Однако вряд ли имеются серьезные основания сомневаться в том, что и тогда из Северного Причерноморья вывозились продукты сельского хозяйства — хлеб¹, скот и кожи, занявшие столь видное место в понтийском экспорте последующих периодов.

В VI в. до н. э. на местах прежних северо-понтийских эмпориев возник ряд городов типа эллинских полисов. Занятия населения этих полисов, видимо, не ограничивались только ремеслом и торговлей. И в эллинской метрополии часть населения городов занималась земледелием². Плодородие почвы Северного Причерноморья, о котором говорят и античные источники³, должно было способствовать развитию земледелия в этих полисах. Вместе с тем северо-понтийские города были цент-

¹ Отголоском первых случаев проникновения северо-понтийского хлеба на берега Эгейского моря, возможно, являются сказания о дарах гипербореев в храм Аполлона на острове Делосе (Б. И. Надель, рец. на книгу А. А. Иессена. Греческая колонизация Северного Причерноморья. ВДИ, 1948, № 3, стр. 122 и сл.).

² См. Thucyd., II, 5, 4.

³ Herod., IV, 53; Strab., VII, 4, 4.

рами транзитной торговли, из них хлеб отправлялся в эллинскую метрополию.

Первое надежное свидетельство о вывозе понтийского хлеба в Грецию, сообщаемое нам Геродотом¹, относится к 480 г. до н. э. Древнегреческий историк сообщает о кораблях, на которых шел хлеб на Эгину и в Пелопоннес. У Геродота же мы находим весьма важное свидетельство о скифах-пахарях (Σκῆθαι ἀροτρῆς)², которые сеют хлеб для продажи, очевидно, грекам.

В 424 г. до н. э., по словам Фукидида³, лесбияне, готовясь к восстанию против Афин, ожидали прибытия с Понта транспорта хлеба и стрелков-лучников. В дальнейшем экспорт хлеба из Северного Причерноморья, видимо, все более возрастал и в IV в. до н. э. достиг грандиозных размеров. По словам Демосфена⁴, во времена Левкона (389/8 — 349/8 гг. до н. э.) с Боспора ежегодно вывозилось в Афины 400 000 медимнов (около 16 700 т) хлеба. Если принять во внимание, что цена медимна пшеницы в Афинах в IV в. до н. э. обычно была 5—6 драхм, а иногда и поднималась значительно выше этой суммы, то тогда окажется, что стоимость боспорского хлеба, ежегодно отправляемого Левконом, должна была быть не менее 333—400 талантов.

По свидетельству Страбона⁷, тот же правитель однажды послал из Феодосии в Афины 2 100 000 медимнов (около 87 500 т) хлеба. Такой транспорт стоил не меньше 1750—2100 талантов.

Эти цифры наглядно показывают, что торговля хлебом с Афинами являлась весьма важной статьей в хозяйстве Боспора. Для надлежащего обеспечения своих интересов Боспор путем подкупа привлекал на свою сторону популярных политических деятелей Афин, причем расплачивался также хлебом. Динарх⁸ сообщает нам в своей речи, произнесенной в 324 г. до н. э., что знаменитый оратор Демосфен получал ежегодно от боспорских тиранов по 1000 медимнов (около 42 т) хлеба.

Однако вывоз боспорского хлеба отнюдь не ограничивался одной Атикой, наглядным доказательством чему может слу-

жить найденная в Митиленском акрополе надпись¹; в ней говорится об установлении Левконом и его сыновьями особого тарифа пошлин на пшеницу для митиленян.

Вывоз такого количества зерна стал возможным с того времени, когда в Боспорское государство вошли значительные земельные районы восточной части Крыма и Нижнего Прикубанья, дававшие большое количество экспортного хлеба. К северо-понтийским городам вполне приложимы слова Цицерона², что они barbarorum agris quasi attexta videtur. Соседя с независимыми местными племенами, античные полисы Северного Причерноморья поддерживали с ними постоянные сношения. В силу этого хлеб поступал в северо-понтийские города и от ряда причерноморских племен, специально производивших его на продажу уже во времена Геродота³ и, нужно думать, сильно расширивших это производство в последующие века.

Доступные нам данные письменных источников о хлебопашестве и хлебной торговле Херсонеса и Ольвии в рассматриваемую эпоху значительно более скудны, чем для Боспора. Однако наличие земледельческого хозяйства Херсонеса не может вызвать сомнений. Об⁴ этом говорит упоминаемое в гражданской присяге херсонесцев запрещение вывозить хлеб из равнины в иное место, кроме Херсонеса. Вряд ли можно сомневаться в том, что Ольвия была центром довольно обширной транзитной торговли хлебом, поступавшим туда из хлеботорговых районов Прибужья и Приднепровья. О накоплении значительных хлебных запасов в Ольвии свидетельствует наличие в этом городе хлебного склада (τὸ σιτοβολόν), существовавшего уже⁵ в III веке до н. э. и упоминаемого в декрете в честь Протогена⁶. Каким количеством хлеба мог располагать в эту эпоху один хлеботорговец, свидетельствует показание того же декрета о поставках Протогеном хлеба для Ольвии во времена неурожая и дороговизны; в одном случае у него было 2000 (84 т), в другом—2500 медимнов (105 т).

Помимо хлебопашества, в IV в. до н. э. в античных государствах Северного Причерноморья получили значительное развитие и специальные культуры, особенно культура винограда. Как показывает местное производство специальной тары для

¹ Herod., VII, 147.

² Там же, IV, 17.

³ Thucyd., III, 2, 2.

⁴ Demosth. adv. Lept. 32 (речь была произнесена в 355/4 г. до н. э.).

⁵ Медимн — около 52 л.

⁶ A. Jardé. Les céréales dans l'antiquité grecque. Париж, 1925, стр. 179.

⁷ Strab., VII, 4, 6.

⁸ Din. adv. Demosth. 43.

¹ IG, XII, 2, 3; Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии, № 32 (БДИ, 1939, № 3); С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития Боспорского государства. ИОН, 1934, № 8—9, стр. 604, прим. 1.

² Cicer. De re publ. II, 4.

³ Herod., IV, 17.

⁴ IOSPE, I2, № 401.

⁵ Там же, № 32.

вина — остродонных амфор, тогда же на Боспоре и в Херсонесе развилось и виноделие.

О хлебной торговле Боспора в III в. до н. э. мы знаем весьма мало. Несомненно, что в это время боспорскому хлебу пришлось столкнуться с сильной конкуренцией египетской пшеницы, в большом количестве выбрасываемой Птолемеями на средиземноморский рынок. Однако это вовсе не означает прекращения вывоза боспорского хлеба. Весьма показательно свидетельство одной из аттических надписей¹ 286 г. до н. э. об отправке афинянам боспорским царем Спартакон 15 000 медимнов (около 630 т) хлеба. На первый взгляд, этот транспорт производит впечатление небольшого. Но нужно принять во внимание, что эти 15 000 медимнов были присланы в дар афинянам. Это количество хлеба несколько превосходит по величине даже те 13 333 медимнов, которые, согласно Демосфену², Левкой ежегодно дарил афинянам в качестве освобождения от пошлины. Не приходится говорить о том, что столь щедрый подарок Спартака был возможен только при достаточно тесных экономических связях Боспора с Афинами, которые прежде всего должны были выражаться в хлебной торговле.

Ввоз хлеба из Северного Причерноморья в Афины не прекращался и в последующее время. Об этом говорит хотя бы надпись³, поставленная вскоре после 176/5 гг. до н. э., в честь одного купца, торговавшего с Понтом.

Очень ценное свидетельство о торговле сельскохозяйственными продуктами между Средиземноморьем и Понтом мы находим у историка середины II в. до н. э. — Полибия⁴. По словам этого автора, в припонтские страны ввозилось вино и масло, а оттуда вывозился скот; что же касается хлеба, то последний был то предметом экспорта, то импорта в Понт. Исходя из указания Полибия, мы можем заключить, что во II в. до н. э. в неурожайные и, вероятно, в неспокойные в военном отношении годы хлеб ввозился в припонтские страны.

¹ С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития Боспорского государства, ИОН, 1934, № 9, стр. 670.

² IG, II, 311; IG II², 653; Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии..., № 4 (ВДИ/1939, № 3).

Необходимо, однако, отметить, что количество хлеба, присланного Спартакон, было значительно больше того, что послали в Афины в 80-х годах того же столетия Лисимах или царь пеонов Авдолеонт. Именно, Лисимах отправил 10 000 медимнов (СИА, II, 314), а Авдолеонт — 7500 медимнов (IG, II, 312).

³ Demosth. adv. Lept., 32.

⁴ IG, II, 903.

⁵ Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии..., № 5 (ВДИ, 1939, № 3, стр. 243 и сл.).

⁶ Polyb., IV, 38, 4—5.

Там потребность в хлебе, наверно, была особенно сильна, ибо ряд городов Северного Причерноморья в этот период достиг значительных размеров; усиление ремесленного производства именно к этому времени свидетельствует о наличии большого количества рабочего и торгового люда в этих городах.

Однако, несмотря на некоторое снижение понтийского хлебного экспорта, производство сельскохозяйственных продуктов в Северном Причерноморье продолжало оставаться еще весьма значительным. По словам Страбона¹, понтийский царь Митридат Евпатор в первых десятилетиях I в. до н. э. ежегодно получал в числе дани со своих северопричерноморских владений по 180 000 медимнов хлеба (около 7500 т).

Весьма интенсивна в это время была и торговля Северного Причерноморья с Эгейским бассейном. Об этом говорят многочисленные обломки малоазийской керамики, находимые при раскопках северо-понтийских городов. Одна из родосских надписей² начала I в. до н. э. свидетельствует об участии боспорского купца в торговом товариществе, в которое входили родосцы и малоазийцы.

В последующую эпоху господства Сарматской династии роль земледелия на Боспоре, по всей видимости, еще более усиливается. По свидетельству Страбона³, сооружение царем Асандром вала, перерезавшего Таврический полуостров, обезопасило от нападений кочевников значительный сельскохозяйственный район.

Не менее примечательно усиление роли сельского хозяйства в жизни городов в рассматриваемый период. Раскопки Мирмикия и Дии-Тиритаки показали, что уже в III—II вв. до н. э. виноделие играло известную роль среди занятий населения этих городов. То же можно сказать и о Пантикапее, во всяком случае нам известно о наличии там виноделия в I в. до н. э.⁴ Находки ножей виноградарей в слоях первых веков нашей эры свидетельствуют о том, что в этот период среди населения Пантикапея были не только виноделы, но также и виноградары. В дальнейшем, в III—IV вв. н. э., этот город подвергся значительной рустификации, и на территории его находились большие сельскохозяйственные усадьбы с зерновыми ямами.⁵

¹ Strab., VII, 4, 6.

² IG, XII, 1, 11; Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии..., № 59 (ВДИ, 1939, № 3).

³ Strab., VII, 4, 6.

⁴ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М. — Л., 1949, стр. 103 и сл., стр. 106 и сл.

⁵ В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея (1947 г.). КСИИМК, XXVII, стр. 33 и сл., стр. 35.

⁶ В. Д. Блаватский. Северо-понтийские города в конце II—I вв. до н. э. Вестн. Московск. ун-та, 1949, № 7, стр. 60.

Таким образом, история развития сельского хозяйства и связанной с ним торговли в античных государствах Северного Причерноморья представляется нам довольно сложной, несмотря на всю отрывочность доступных нам данных. Вместе с тем остается несомненным, что названные выше отрасли сельского хозяйства были главнейшими в экономической жизни Северного Понта.

Не менее показательно, чем изложенные сведения о торговле продуктами сельского хозяйства, широкое развитие земледельческих культов в северо-понтских государствах.

Значительное распространение культа Деметры уже в VI в. до н. э. надежно засвидетельствовано находками терракотовых изваяний этой богини в Ольвии¹ и на Боспоре². Об особой распространенности почитания Деметры на Боспоре свидетельствует изготовление там терракотовых изображений этой богини, начиная с VI столетия до нашей эры³. В последующее время протомы Деметры, Кору и других женских божеств, персонифицировавших плодородную силу природы, встречаются в большом числе. Подобные же изображения известны и в пантикапейских архитектурных терракотах, а также в росписи⁴ склепа кургана «Большая Близница» (на Таманском полуострове) и на золотых пластинах⁵ из того же кургана. Весьма убедительные исследования А. А. Передольской⁶ показали тес-

¹ Б. В. Фармаковский. Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг. ИАК, вып. 13, 1906, стр. 169 и сл., рис. 115—117; стр. 178 и сл., рис. 128, 129.

Весьма показательно также наличие святилища Деметры на расположенном недалеко от Ольвии Гипполаевом мысу (между Днепровским и Бугским лиманами). Как показывает свидетельство Геродота, это святилище существовало уже в первой половине V в. до н. э.

² МИА, № 4, 1941, стр. 29 и сл., рис. 30а и 30б; В. Ф. Гайдукевич и ч. Раскопки Мирмекия и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937—1939 гг. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 306 и сл., рис. 7; его же. Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия. ВДИ, 1947, № 3, стр. 192, рис. 2; Г. Д. Белов. Хроника научно-исследовательской работы в области древней истории и археологии в университетах, педагогических институтах и музеях СССР (1950—1951 гг.). Античный отдел Государственного Эрмитажа. ВДИ, 1951, № 4, стр. 237; М. А. Наливкина. Терракоты Мирмекия и Тиритаки (из раскопок 1933—1940 гг.). МИА, № 25, 1952, стр. 329 и сл.

³ Установлено М. М. Кобылиной.

⁴ ДБК, СПб., 1854, табл. LXIX, 4; МИА, 3» 4, 1941, стр. 26 и сл., рис. 25—37; Сб., «Тр. Отд. истор. иск. и культ. антич. мира, Гос. Эрмитаж», т. I. Л., 1945, табл. XV.

⁵ М. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913, стр. 15 и сл., табл. VII, рис. 2 и табл. VIII.

⁶ Там же, табл. IX, рис. 1 и 2.

⁷ А. А. Передольская. О сюжетах трех терракотовых статуэток, найденных в кургане Большая Близница. СА, XIII, 1950, стр. 255—271.

Рис. 1. Протома Деметры из терракоты

ную связь «непристойных» терракотовых статуэток, также найденных в кургане «Большая Близница», с мистериальным культом элевсинской Деметры, что свидетельствует о проникновении его на Боспор еще в конце V в. до н. э.

Найденные на Боспоре посвященные надписи времени Археанактидов, и особенно Спартокидов, свидетельствуют

Рис. 2. Плита с изображением Деметры или Коре из кургана «Большая Близница» (роспись)

о большой роли культов женских божеств, олицетворявших производящую силу природы и тесно связанных с жизненными интересами той части населения Боспора, которая занималась сельским хозяйством. Возможно, что эти культы, отчасти исконно местные, восходят еще к киммерийцам и в известной мере сохраняют древние традиции. Нам известны посвящения Артемиде, Деметре, Афродите и Матери богов.

К V в. до н. э. относится посвящение Артемиде¹ бронзового предмета из Пантикапея. Там же была найдена лапидарная посвященная надпись² Артемиде Эфесской времени Пери-

¹ В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея (1949 г.) КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 224.

² IOSPE, II, № 11.

Рис. 3. Золотая пластина с изображением Деметры из кургана «Большая Близница»

Рис. 4. Золотая пластина с изображением Коре из кургана «Большая Близница»

сада¹ (349/8—310/9 гг. до н. э.). Другая посвятельная надпись² Артемиде Агротере, также исполненная при Перисаде I, была обнаружена на Таманском полуострове около станицы Ахтанизовской.

Из Пантикапея происходят посвящения Деметре, относящиеся одно к временам Левкона I³ (389/8—349/8 гг. до н. э.), другое — к IV в. до н. э.⁴, третье — к правлению Спартока⁵, сына Евмела (304/3 — 284/3 гг. до н. э.).

Еще более многочисленны надписи в честь Афродиты, встречающиеся как в Пантикапее, так и в азиатской части Боспора. Они датируются IV⁶, III⁷ и III—II⁸ вв. до н. э. Наконец, следует упомянуть пантикапейские надписи III в. до н. э. и времени Перисада, сына Спартока, посвященные Матери богов⁹ и Матери Фригийской¹⁰.

В меньшем числе дошли до нас посвятельные надписи Херсонеса и Ольвии. Однако следует сказать, что главная покровительница Херсонеса, богиня Дева, посвятельные надписи которой нам известны, начиная с IV в. до н. э.¹¹, несомненно была божеством производящей силы природы.

Культ Деметры в Ольвии, помимо упоминавшихся выше теракотовых изображений, засвидетельствован также данными нумизматики¹². На ольвийских монетах голова Деметры встречается на литой меди¹³ с середины IV в. до н. э., а на чеканном серебре¹⁴ немного позднее. Несколько раньше, в последнем десятилетии первой половины IV столетия до н. э., начала чеканить серебро Тира с изображениями головы Деметры, нередко в венке из хлебных колосьев¹⁵.

К III—II вв. до н. э. относится найденная в Ольвии посвятельная надпись¹⁶ Артемиде.

О культе Диониса свидетельствуют найденные в Пантикапее две посвятельные надписи: одна Дионису Арейю, датируемая IV в. до н. э.¹⁷, другая — Дионису, относящаяся к вре-

мени Спартока, сына Перисада¹⁸. К началу IV в. до н. э. относится случайно обнаруженная в Пантикапее мраморная статуя¹⁹ юного Диониса с пантерой, вероятно, некогда стоявшая в святилище этого божества. С дионисийским кругом также связаны

Рис. 5. Ольвийская медная монета с изображением головы Деметры

изображения голов²⁰ бородатых силенов и юных сатиров на лицевых сторонах пантикапейских монет, первые выпуски которых относятся к началу IV в. до н. э. Особенно примечательны головы Силена, нередко неправильно именуемого «Паном», и, вероятно, связанного с местным божеством производящих сил природы. Также, начиная с IV в. до н. э., изображения Диониса получают распространение и в боспорских терако-

¹ IOSPE, II, № 334.

² Там же, № 7.

³ Там же, № 20.

⁴ Там же, № 13.

⁵ Там же, № 343 и 347; IV, № 418.

⁶ Там же, № 349 и 22.

⁷ Там же, № 19 и 21.

⁸ Там же, № 16.

⁹ Там же, № 17.

¹⁰ Там же, I², № 407—409.

¹¹ G. M. Hirst. Ольвийские культы. ИАК, вып. 27, 1908, стр. 99.

¹² А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 123

и сл., табл. XXXI, 4.

¹³ А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 126 и сл., табл. XXXII, 2, 3.

¹⁴ Там же, стр. 111 и сл., табл. XXVIII, 2.

¹⁵ Там же, стр. 111 и сл., табл. XXVIII, 2.

¹⁶ IOSPE, I, № 190.

¹ IOSPE, IV, № 199.

² Там же, II, № 18.

³ В. Д. Блаватский. Материалы по истории Пантикапея. План города. МИА, № 19, 1951, стр. 38, № 32.

стр. 171 и сл., табл. XL, 1 и сл.

Рис. 6. Ольвийская серебряная монета с изображением головы Деметры; над головой богини хлебный колос (сильно увеличено)

тах¹. Образы божеств дионисийского круга встречаются и среди костяных поделок III—I вв. до н. э.; в Мирмикии², Диитиритак³ и Фанагории⁴ были найдены костяные рельефные пластины, представляющие голову Силена.

¹ Ср. М. А. Наливкина. Терракоты Мирмикии и Тиритаки (из раскопок 1933—1940 гг.). МИА, № 25, 1952, стр. 334 и сл.

² В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви и Е. О. Прушевская. Раскопки северной и западной частей Мирмикии в 1934 г. МИА, № 4, 1941, стр. 112 и сл., рис. 3.

³ Т. Н. Книпович и Л. М. Славин. Раскопки юго-западной части Тиритаки. МИА, № 4, 1941, стр. 44, рис. 63.

⁴ В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг. Сб. «Тр. Гос. Истор. Музея», выи. XVI, М., 1941, стр. 11, табл. II, рис. 1.

Рис. 7. Рельеф с изображением актера, одетого Силеном (Пантикапей)

К III в. до н. э. относится херсонесская надпись¹, в которой упоминается о нападении неприятелей во время «несения Диониса», очевидно, загородной процессии, связанной с празднеством виноградарей². В херсонесской коропластике встречаются

¹ IOSPE, p. № 343.

² Должно, однако, отметить, что наличие культа Диониса еще не может служить бесспорным доказательством существования в то время в данном государстве виноградарства и виноделия. В этом отношении весьма показательной является Ольвия. По свидетельству Геродота (Herod., IV, 79), в Ольвии совершались вакханалии, в которых при-

изображения божеств дионисийского круга. Известна также форма из терракоты для оттискивания маски бородатого Диониса¹.

Вероятно, земледельческий² характер, хотя бы в известной мере, имел и культ Кабиров, известный в различных центрах

Рис. 8. Пантикапейская монета с изображением на лицевой стороне головы бородатого божества, а на обратной — грифа и пшеничного колоса. IV в. до н. э. (увеличено)

Северного Причерноморья. Головы Кабиров (на лицевых сторонах) наряду с изображением хлебного зерна (на обратных) нам известны на фанагорийских монетах IV в. до н. э.³ Голова Кабира представлена также на одном из клейм⁴ мерного сосуда — ойнохои, хранящегося в Керченском музее; там божество изображено безбородым, в островерхом головном уборе. В Ольвии на наличие культа Кабиров указывает посвяtitельная

нимал участие скифский царь Скил. Одна из ольвийских надписей IV в. до н. э. говорит о праздновании Дионисий в театре (IOSPE, I² № 25); относящаяся к тому же времени другая надпись представляет собою посвящение Дионису (В. В. Латышев. Эпиграфические новости из южной России (находки 1905 г.). ИАК, вып. 18, 1906, стр. 108 и сл., № 13). Между тем, упоминание в декрете в честь Протогена о закупке архонтами по дешевой цене (на 300 золотых) вина для населения города заставляет думать, что в III в. до н. э. в Ольвии не было своего виноделия и вино приходилось приобретать извне (IOSPE, I² № 32).

¹ Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948, табл. V, рис. 1.
² Об аграрном характере этого культа см. Н. И. Новосадский. Культ Кабиров. Варшава, 1891, стр. 30 и сл., 66 и сл., 70 и др.
³ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 170, табл. XXXIX. 43—45.

⁴ В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Фанагории в 1938—1940 гг. М ИА, № 19, 1951, стр. 219. прим.

надпись¹ Самофракийским богам, относящаяся к III—II вв. до н. э.

По-видимому, все названные культы божеств производящих сил природы продолжали сохранять свое значение в античных государствах Северного Причерноморья и в сарматскую эпоху.

Рис. 9. Костяная пластина с изображением головы Силена (Мирмий, III—II вв. до н. э.)

Рис. 10. Светильник, из Пантикапея, украшенный маской Силена

Это подтверждается надписями, изображениями на монетах, в скульптуре и другими памятниками искусства.

Нам известны ольвийские посвяtitельные надписи Деметре (?)² и Матери богров³, а также херсонесские надписи, упоминающие Афродиту⁴ и особенно часто богиню Деву⁵. Эпиграфические памятники Боспора и Танаиса представляют собою посвящения Афродите⁶ Артемиде⁷ и Матери богов⁸.

Довольно многочисленны изображения божеств производящих сил природы и на монетах того времени. Таковы образы

¹ IOSPE, I², № 191.

² Там же, № 169.

³ Там же, № 170 и 192.

⁴ Там же, № 440.

⁵ Там же, № 357—359, 407—412.

⁶ Там же, II, № 28 и 352.

⁷ Там же, № 421; В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея (1949 г.). КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 225 и сл. рис. 74, 3.

⁸ IOSPE, II, № 31.

Рис. 11. Статуя Кибелы из Пантикапея

Деметры, Кибелы и Диониса на монетах Тиры¹, Кибелы в ольвийской чеканке богини Девы (и ее монограммы), часто встречающиеся в нумизматике Херсонеса². Изображения Афродиты Урании (или Апатуры)³, а также Деметры, Артемиды и Диониса известны на боспорских монетах.⁴

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 118 и сл.²

² Там же, стр. 140.

³ Там же, стр. 154 и сл., табл. XXXVII.

⁴ Там же, стр. 193, 209, табл. XLV, 12—14, табл. L, 11—13.

⁵ Там же, стр. 195.

Рис. 12. Боспорская ритуальная фигурка с подвешенными конечностями

Далее следует упомянуть монументальные мраморные изваяния, обнаруженные в Пантикапее — статую Кибелы² и голову Афродиты³, росписи пантикапейских склепов с изображением Деметры и мифов о Коре, а также терракотовые фигурки и рельефы светильников из круга Афродиты и Диониса, ритуальные глиняные фигурки — фаллические гротески с подвесными конечностям⁴ и статуэтки актеров и различные прилепы, представляющие театральные маски, возможно, связанные с культом Диониса.

Приведенные материалы о вывозе хлеба из Северного Причерноморья и распространении там культов земледельческих божеств наглядно свидетельствуют о большой роли сельского хозяйства в жизни населения этих стран.

2. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТЕРРИТОРИЯ СЕВЕРО-ПОНТИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ. ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Вопросы, связанные с землевладением и организацией сельскохозяйственной территории, легче всего поддаются изучению в Херсонесском государстве. Как отмечалось выше, Херсонес располагал значительным сельскохозяйственным районом. В херсонесской присяге¹, помимо городов и укреплений, принадлежавших херсонесцам, упоминается о прочей земле (*τας άλλας, χώρας*) и, кроме того, говорится о равнине (*το πεδιον*) откуда вывозился хлеб.

Расположенная к югу и юго-западу от Херсонеса обширная территория Гераклеяского полуострова была в древности сельскохозяйственным районом, который очень интенсивно использовался. Вероятно, сельскохозяйственные районы были также и в окрестностях других городов, входивших в Херсонесское государство, — Керкинитиды² и Прекрасной гавани, но для суждения о них имеются лишь крайне скудные данные.

Для изучения истории сельского хозяйства в античную эпоху совершенно исключительное значение имеет Гераклеяский полуостров, и без обстоятельного исследования его нам представляется невозможным правильное решение данной проблемы. Между тем, перед изучающим замечательные памятники этого района встают весьма значительные

¹ IOSPE, I², № 401.

² Местонахождение древней Керкинитиды около нынешней Евпатории, между Карантином и Биюк-Майнакским озером, установлено раскопками Н. Ф. Романченка и находками керкинитских (и херсонесских) монет (Н. Ф. Романченко. Раскопки в окрестностях Евпатории. ПАК, вып. 25, 1907, стр. 186 и сл.; В. В. Латышев. Эпиграфические новости из южной России (находки 1901—1903 гг.). ИАК, вып. 10, 1904, стр. 18 и сл., № 13). О роли хлебопашества в хозяйстве Керкинитиды с начальных времен ее существования свидетельствуют находки обломков терракотовых фигурок и протом Деметры, начиная с конца VI в. до н. э. (Н. Ф. Романченко. Раскопки в окрестностях Евпатории. ИАК, вып. 25, 1907, стр. 176 и сл.).

¹ А. Ашик. Боспорское царство, ч. III, Одесса, 1849, стр. 51. рис. XCIX.

² В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея (1949). КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 225 и сл., рис. 74, 2.

³ АДЖ, СПб., 1913, стр. 164 и сл., 204 и сл., 231 и сл., 353 и сл., табл. XLIX, I, табл. LVI.2, табл. LVII—LVIII, табл. LIX, I, табл. LXIII; В. Д. Блаватский. Склеп Деметры. Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. М.—Л., 1948, стр. 4 и сл.

⁴ ДБК, Атлас, табл. LXXI, 7—8.

трудности. Археологические работы на Гераклейском полуострове велись крайне недостаточно, по большей части случайно и нередко на невысоком научном уровне. Результаты этих раскопок обычно публиковались лишь в виде более или менее кратких статей ИЛИ заметок, которые не могут заменить надлежащих отчетов. К тому же ряд последних работ В. П. Лисина, П. И. Репникова и С. Ф. Стржелецкого до настоящего времени не опубликован и поэтому не вошел в научный обиход. Поэтому, работая в настоящее время над материалами с Гераклейского полуострова, мы не можем сделать всех тех выводов, которые были бы возможны, если бы этот памятник подвергся обстоятельному археологическому изучению.

По вопросу о времени возникновения сельскохозяйственных усадеб херсонесцев на Гераклейском полуострове в нашей специальной литературе существует некоторое¹ разногласие. Согласно прежней датировке П. М. Печенкина², подкрепленной определениями Б. В. Фармаковского и А. К. Маркова, эти усадьбы существовали, начиная с IV в. до н. э. В последующее время были предложены иные, более поздние даты. Так, И. Н. Бороздин³ датировал возникновение этих памятников III—II вв. до н. э., Л. А. Моисеев⁴, по-видимому, склонялся к IV или III в. до н. э. Близкую последней дату возникновения сельскохозяйственных сооружений на Гераклейском полуострове предложил Г. Д. Белов⁵, отнесший их к концу IV—III в. до н. э.

Для решения данного спорного вопроса потребовался просмотр обширного собрания Херсонесского музея, в котором хранятся археологические коллекции экспедиций, работавших на Гераклейском полуострове. Этот просмотр показал, что наиболее ранние из находок Н. М. Печенкина на Маячном полу-

¹ Н. М. Печенкин. Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса. ИАК, вып. 42, 1911, стр. 122—124, 126.

² И. Н. Бороздин. Археологические раскопки на Гераклейском полуострове. М., 1925, стр. 29.

³ Л. А. Моисеев. Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклейском полуострове. «Зап. Крымск. об-ва естествоиспыт. и любит. природы», IX, 1926, стр. 117.

⁴ Впрочем должно отметить, что точка зрения Л. А. Моисеева по данному вопросу не вполне ясна, ибо в той же статье, в другом месте, явно искаженном опечаткой или оговоркой, он говорит о находках на Гераклейском полуострове керамики конца V или начала VI в. до н. э. (Л. А. Моисеев. Там же, стр. 116).

⁵ Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 32.

⁶ Несколько особняком стояла датировка К. Э. Гриневича, который, исходя из предложенного им определения одного фрагмента керамики, отнес возникновение раскопанного им комплекса зданий ко времени около 450 г. до н. э. (К. Э. Гриневич. Раскопки Гераклейской экспедиции 1928 г. Сб. «Крым», № 2 (8), вып. II. М.—Л., 1928, стр. 56).

острове представляют собою единичные обломки аттических чернолаковых блюд для рыбы конца V — начала IV в. до н. э. Что же касается черепков чернолаковой посуды IV в. до н. э., то последние в упомянутой коллекции встречаются нередко.

Близкую картину дали коллекции из раскопок 1928—1929 гг. одной из усадеб около Монастырской балки¹. Там оказались единичные находки чернолаковой керамики V в. до н. э., конца V — начала IV в. до н. э. В значительно большем числе встречались черепки IV в. до н. э.; преобладали же предметы III—II вв. до н. э. и более позднего времени.

Итак,^ следует думать, что сельскохозяйственные усадьбы Гераклейского полуострова появились примерно в то же время, когда возник и Херсонесский полис (422—421 гг. до н. э.)². Вместе с тем вполне вероятно, что наиболее интенсивная жизнь на Гераклейском полуострове началась несколько позднее, примерно с III в. до н. э.

Как называли херсонесцы территорию Гераклейского полуострова, мы не знаем. Вряд ли можно предполагать, и особенно рискованно было бы категорически утверждать, что под τῷ πεδίῳ — равниной, упоминаемой в гражданской присяге херсонесцев, подразумевалось именно плато Гераклейского полуострова. Правда, довольно ровное в местах, которые не прорезаны балками, это плато сравнительно невысоко поднимается над уровнем моря, особенно, если сопоставить его с гористым берегом южного Крыма. Однако эти топографические особенности Гераклейского полуострова совершенно не устраняют главного препятствия для отождествления его с τῷ πεδίῳ гражданской присяги херсонесцев. Дело в том, что, являясь по преимуществу виноградарским районом³, Гераклейский полуостров вряд ли играл сколько-нибудь существенную роль в снабжении Херсонеса хлебом. В силу этого весьма сомнительно, чтобы слова присяги: «οὐδέ σίτον ἀπό τοῦ πεδίου ἀ[πα]γώγῃον ἀποδωσοῦμαι οὐδέ ἐξ[α]ίξω ἀλλὰ ἀπό τοῦ πεδίου, ἀλλ[ή] [ἢ] εἰς] Χερσόνασον»⁴ (т. е. «хлеба вывозного с равнины не буду продавать и вывозить с равнины в другое место, но (только) в Херсонес») — могли относиться к Гераклейскому полуострову. К тому же расположение Гераклейского полуострова таково, что оттуда было бы

¹ К. Э. Гриневич. Отчетная выставка результатов раскопок Гераклейского полуострова. Севастополь, 1929.

² Эта дата возникновения Херсонесского полиса — колонии гераклетов — убедительно доказана акад. А. И. Тюленевым («Херсонесские этюды». ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 245 и сл.).

³ IOSPE, I², № 401.

⁴ тех данных, которые побуждают считать виноградарство преобладающим в сельском хозяйстве Гераклейского полуострова.

⁵ IOSPE, I², № 401, 47—50.

весьма трудно везти хлеб или иные сельскохозяйственные продукты в какой-либо иной город, минуя Херсонес. Другое дело земледельческие районы около Керкинитиды или Прекрасной гавани. С хлебородных полей этой части херсонесской хоры зерно можно было легко отправлять даже за море, минуя Херсонес. В силу этого представляется более вероятным искать то $\tau\acute{o}\ \pi\epsilon\delta\acute{\iota}\omicron\nu$ херсонесской присяги в западной части Крыма. Однако окончательное решение этого вопроса станет возможным лишь после надлежащего исследования этой территории.

Как показывает дошедшая до нас надпись на базе статуи, воздвигнутой в III в. до н. э. херсонесцами в честь Агасикла, сына Ктесия, одной из заслуг этого магистрата было то, что он размежевал виноградники на равнине — $(\text{O})\rho\acute{\iota}[\xi]\alpha\nu\tau\iota\ \tau\acute{\alpha}\nu\ \epsilon\pi\iota\ \tau\omicron\upsilon\ \pi\epsilon\delta\acute{\iota}\omicron\nu\ \acute{\alpha}\mu\pi\epsilon\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha\nu^1$. Это позволяет заключить, что херсонесское виноградарство, видимо, сильно разрослось в III в. до н. э., и для упорядочения его потребовалось вмешательство государственных органов, под руководством которых и было произведено размежевание виноградников. Роль «виноградников на равнине» в экономической жизни Херсонеса того времени, очевидно, была велика. Этим обуславливается то значение, которое придавали размежеванию органы государственной власти. В перечне восьми заслуг Агасикла размежевание виноградников названо на втором месте (после устройства гарнизона и перед строительством крепостных стен и агоры, а также исполнением обязанностей стратега, жреца, гимнасиарха и агораномы).

Где находились «виноградники на равнине», упомянутые в надписи в честь Агасикла, мы не знаем. Вполне возможно, что $\acute{\alpha}\mu\pi\epsilon\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha\ \epsilon\pi\iota\ \tau\omicron\upsilon\ \pi\epsilon\delta\acute{\iota}\omicron\nu$ следует отождествлять с Гераклейским полуостровом. Некоторым подкреплением этого предположения может служить совпадение по времени размежевания виноградников Агасиклом с появлением в гераклейских усадьбах массового археологического материала, начиная с III в. до н. э.

Однако более вероятно предположение о том, что то $\tau\acute{o}\ \pi\epsilon\delta\acute{\iota}\omicron\nu$ надписи в честь Агасикла следует отождествить с то $\tau\acute{o}\ \pi\epsilon\delta\acute{\iota}\omicron\nu$, упоминаемым в херсонесской присяге. Выше уже отмечалось, что равнина, о которой говорится в гражданской присяге херсонесцев, скорее была расположена не на Гераклейском полу-

¹ IOSPE, I², М 418.

Говорить об отсутствии виноградарства у херсонесцев ранее III в. до н. э. и предполагать, что здесь идет речь о первоначальной заимке земли под виноградники, у нас нет достаточных оснований, хотя бы потому, что херсонесское виноделие возникло не позднее середины IV в. до н. э. К этому времени относятся самые ранние херсонесские остродонные амфоры, служившие тарой для вина (ВДИ, 1947, № 1, стр. 173).

острове, а в западной части Крыма. Наблюдения А. И. Шмакова¹, производившиеся в 30-х годах прошлого столетия в районе Прекрасной гавани, показали наличие там древних сельскохозяйственных участков, близких по своему устройству гераклейским, что делает вполне допустимым предположение о существовании там в древности не только полей, но и виноградников.

Весьма существенный вопрос о том, кто владел сельскохозяйственной территорией Херсонеса: государство, сдававшее ее в аренду отдельным предпринимателям, или частные владельцы земли, может быть разрешен благодаря одной счастливой находке. В 1878—1890 гг. в Херсонесе были обнаружены обломки большой сильно поврежденной надписи², относящейся к концу III — началу II в. до н. э. Очень плохая сохранность надписи побудила даже такого большого ученого, как В. В. Латышев, воздержаться от перевода последней и ограничиться очень обстоятельным комментарием. Исследователи Херсонеса, писавшие позднее, не уделили должного внимания этому замечательному эпиграфическому документу.

Как будет видно из дальнейшего, эта надпись является государственным актом, скрепляющим продажу земельных участков. Она вырезана на обеих сторонах довольно тонкой мраморной плиты. При этом текст, написанный на обратной стороне, несколько позднее по времени, чем на лицевой.

Ввиду исключительной важности рассматриваемой надписи, мы даем текст и перевод последней, пользуясь транскрипцией и восстановлениями В. В. Латышева. Восстановление цифр также дано по В. В. Латышеву, который, отмечая, что трудно предложить иную шкалу, сам высказывал некоторое удивление большой величине денежных сумм.

Приведенный перевод наглядно показывает фрагментарность херсонесской надписи и совершенную невозможность ее полного восстановления, если только счастливая находка не даст нам недостающих обломков. Однако текст надписи даже в настоящем своем виде дает возможность сделать целый ряд существенных выводов.

Именно эта надпись позволяет заключить, что в конце III — начале II в. до н. э. в Херсонесе состоялась продажа

¹ Сообщение А. И. Шмакова. Пирамидки из глины, найденные при Лкмететской бухте. ЗООИД, I, 1844, стр. 630 и сл. Подробнее на этих наблюдениях А. И. Шмакова мы остановимся ниже.

² IOSPE, I«, № 403; IV, № 80.

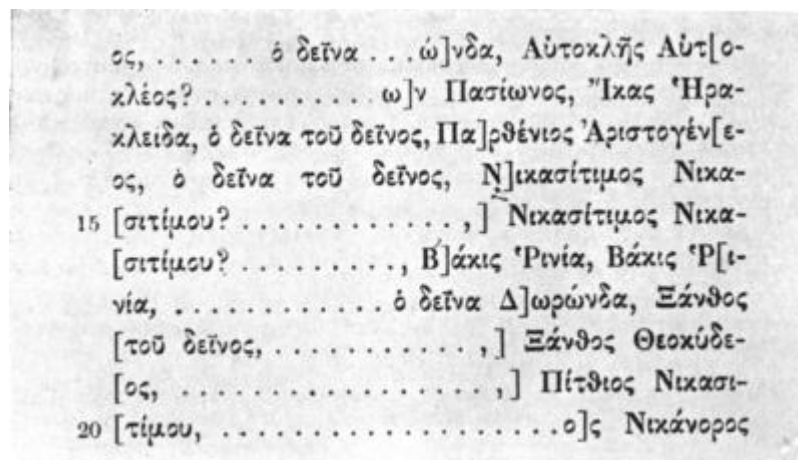
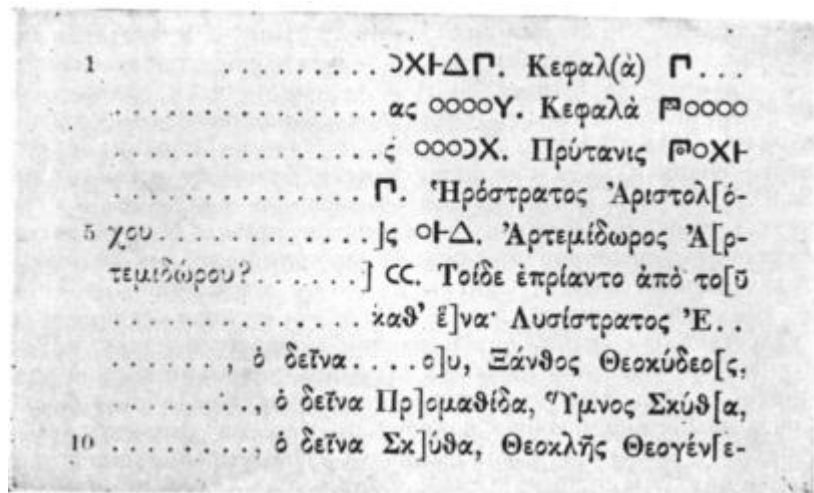
Как указал В. В. Латышев, упоминаемый в этой надписи Гимн, сын Скифа², значится в списке дельфийских проксенов 195/4 гг. до н. э. (IOSPE, I, стр. 363). Это обстоятельство не только уточняет дату рассматриваемого документа, но вместе с тем свидетельствует о значительном богатстве Гимна, ибо малоимущий гражданин никак не смог бы стать проксеном, к тому же столь прославленного полиса, как Дельфы.

Текст надписи

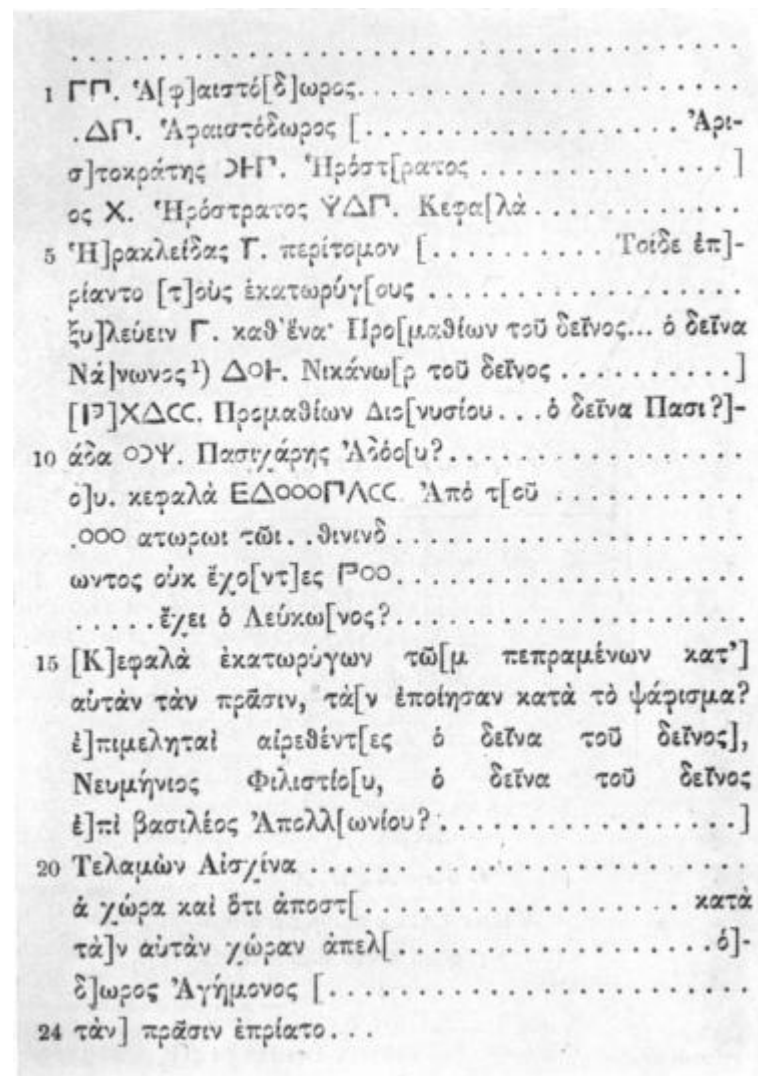
Обломок А

Лицевая сторона

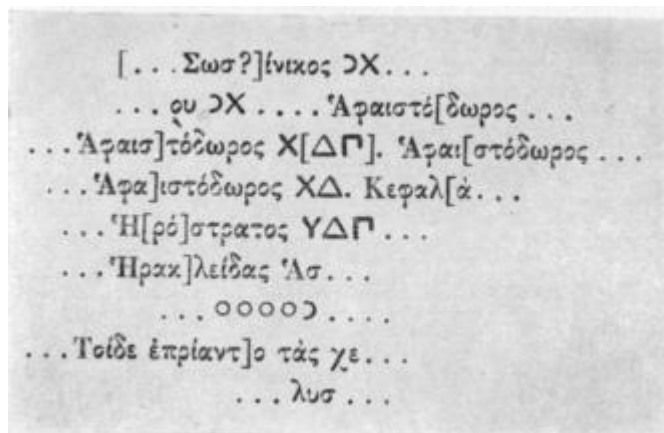
(более ранняя часть надписи)

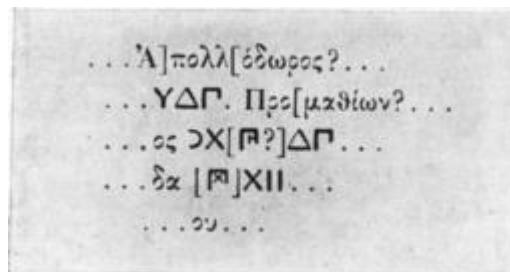
Обратная сторона
(более поздняя часть надписи)

Обломок В
Лицевая сторона

Обратная сторона

Перевод

Обломок А

Лицевая сторона

(более ранняя часть надписи)

1. 6115. сумма...
- 40050. сумма 90000
- 36 000. Притан 61 100
- Герострат, сын Аристо-
5. ха,] 1110 Артемидор, сын Ар-
- темидора (?).] Такие-то купили у

- но] одному: Лисистрат Е
- Ксанф, сын Феокида,
- сын Промафида, Гимн, сын Скифа,
10. сын Скифа. Феокл, сын Феогена,
-] Автокл, сын Авто-
- кла] сын Пасиона, Икас, сын Гера-
- клида,] Парфений, сын Аристоген-
- а] Никаситим, сын Ника-
15. ситима (?),] Никаситим, сын Ника-
- ситима (?),] Бакис, сын Риния, Бакис, сын Ри-
- ния (?),] сын Доронда, Ксанф,
-] Ксанф, сын Феокид-
- а] Питфий, сын Никаси-
20. тима] сын Никанора.

Обратная сторона

(более поздняя часть надписи).

1. Гефэстодор
- Гефэстодор [. Ари-
- стократ 5105. Герост[рат
- 1000. Герострат 65. сумма
5. Гераклид Т. нарезанное [поле Такие-то ку]-
- пили гекаторюги [.
- дабы ру]бить лес Г. По одному: Про[мафий,
- сын На]нона, 110 100 Никанор,
- 61 012. Промафий, сын Дио[нисия, сын Паси-
10. да, 15 050. Пасихар, сын Адоя, [.
- сумма 1 130 002 (?) У.
- не имеющие
- имеет сын Левкона (?)
15. число гекаторюгов, которые [предназначены по
- столько-то (т. е. за такую-то цену) к продаже [произведенной по
- постановлению (?)
- Избранные эпимелеты
- Неимений, сын Филистия,
- при царе Аполлонии
20. Теламон, сын Эсхина,
- согласно с
- Земля и что [.
- той самой землей]
- сын Агемена
24. продажа состоялась

Обломок
Лицевая сторона

(более ранняя часть надписи).

..... 6000 (?) Гефэстодор
 Гефэстодор 1015 (?) Гефэстодор
 Гефэстодор 1010. Сумма
 Герострат 65 (?)
 Гераклид, (сын?) Ас
 Такие-то купи[лн]

Обратная сторона
(более поздняя часть надписи).

..... Аполлдор
 65. Промахий (?)
 6515 (?)

(πρᾶσις) участков земли, вероятно, произведенная государством и частными лицами. Как показывает большое количество имен покупателей, сопровождаемых цифрами, можно думать, что продажа носила массовый характер¹. При этом цены продаваемых участков были весьма различные, по всей видимости, среди них были и большие. Однако следует заметить, что истолкование чисел спорно, и надпись в целом, как уже отмечалось, читается с большим трудом.

¹ Отмечаемый факт массовой продажи земельных участков в Херсонесском государстве в конце III — начале II в. до н. э., несомненно, имеет большое значение не только для истории северо-понтйского земледелия, но также и для истории общественных отношений. Видимо, в рассматриваемый период в социально-экономической жизни Херсонеса имели место существенные перемены, приводившие к значительным перемещениям земельной собственности. Малая разработанность и без того скудных источников по истории Херсонеса указанного периода весьма затрудняет истолкование этих явлений, в силу чего можно выдвигать только предположения, и притом весьма гадательные. Скорее всего в это время в Херсонесе, как и в ряде других мест античного мира в IV — II вв. до н. э., происходило обеднение части землевладельцев (преимущественно мелких) и связанная с этим концентрация значительных наделов в руках более богатых землевладельцев. Однако насколько справедлива эта гипотеза, могут показать только дальнейшие углубленные исследования социально-экономической истории Херсонеса.

Таким образом, из сказанного можно сделать следующие выводы. Участки обрабатываемой земли были частной собственностью владельцев. Продажа таких участков скреплялась соответствующим государственным актом. Размеры участков, видимо, были различные, причем значительная часть их, вероятно, стоила весьма дорого.

С какой территорией должно связать рассматриваемую надпись — с Гераклейским полуостровом или иными херсонесскими землями, — с уверенностью сказать крайне трудно, ввиду отсутствия каких-либо надежных данных. Однако вряд ли имеются достаточно серьезные основания оспаривать предположение, что характер землевладения, отраженный в этой надписи, вполне допустимо распространить и на сельскохозяйственный район Гераклейского полуострова.

Из всех античных сельскохозяйственных районов Гераклейский полуостров дошел до нашего времени в наилучшей сохранности. И теперь по всему полуострову встречаются многочисленные развалины усадебных построек¹, а также следы древних оград и межей. Развалины этих сооружений, а равно и результаты раскопок их в текущем столетии показывают, что в гераклейских усадьбах обычно возводились монументальные башни, которые и ныне ясно заметны на значительном расстоянии.

Число гераклейских усадеб, несомненно, было весьма значительным. Е. В. Веймарн, производивший подсчет этих усадеб в 20-х годах настоящего столетия, насчитал их 91. Пополнен-

¹ Эти сооружения, равно как и другие древности в окрестностях Севастополя, привлекали внимание русских государственных деятелей и ученых еще в первые годы после присоединения Крыма (А. Л. Бертье-Делагард. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса. МАР, № 12, 1893, стр. 5—7). Еще в 1786 г. Анания Строчков составил план Гераклейского полуострова, на который были нанесены следы древних разрушенных зданий, а также остатки древних межей. В конце XVIII в. эти древние сооружения видел акад. Паллас, посланный в Крым русским правительством (см. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах. ЗООИД, XII, 1881, отд. I-е, стр. 108 и сл.). В 1822 г. было опубликовано описание Гераклейского полуострова и издан упомянутый выше план 1786 г. (Е. О следах древнего греческого города Херсона, донные видимых в Крыму. «Отечественные Записки», 1822, февраль, № 22, стр. 158 и сл., план после стр. 434). В 40-х годах XIX в. была опубликована работа Фр. Дюбуа де Монпере, в которой автором было уделено значительное внимание Гераклейскому полуострову, его укрепленным усадьбам, межам и стенам (Fr. Dubois de Montpéreux. Voyage autour du Caucase chez Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Париж, 1843, т. VI, стр. 183 и сл. Atlas, 1-re Serie, табл. XX). Немного позднее появилось основательное описание гераклейских сооружений, составленное З. А. Аркасом (З. А. Аркас. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. ЗООИД, II, 1848, отд. I-е, стр. 259 и сл.).

ное новыми данными, дополнительно собранными С. Ф. Стржеleckим, это число возросло до 127, но и оно, несомненно, со временем увеличится. Во всяком случае, при однодневном объезде Гераклеяского полуострова, произведенном в начале сентября 1950 г., в котором, совместно с Г. Д. Беловым и С. Ф. Стржеleckим, довелось участвовать и мне, была обнаружена одна, ранее не известная, хорошо сохранившаяся монументальная башня усадьбы, расположенной на морском берегу около Круглой бухты.

Помимо описанных усадеб, но всему пространству Гераклеяского полуострова на площади примерно в 60 км² встречаются многочисленные остатки больших межей и древних оград¹, обрамлявших отдельные владения-клеры, а равно и менее значительных межей, деливших владения на более мелкие участки. При этом иногда из земли выступают ряды камней и даже довольно хорошо сохранившихся каменных кладок, но чаще древние межи имеют вид валов. Межевые валы, обрамляющие древние владения-клеры, разделяются проемами в несколько метров шириной, по этим проемам некогда проходили дороги². Как правило, все межи клеров, как внешние, так и внутренние, идут по прямым линиям, которые пересекаются обычно под прямыми же углами, образуя прямоугольные участки. Реже встречаются зубчатые очертания, а равно тупые и острые углы, однако и в последнем случае участки обычно имеют форму правильных параллелограммов или ромбов. Остатки древних межей хорошо заметны на западной оконечности Гераклеяского полуострова³, около Казачьей, Камышевой, Круглой и Стрелецкой бухт, а также в районах Стрелецкой, Карантинной и Юхариной балок.

Ограды Гераклеяских клеров и обрамлявшие их дороги были особенно хорошо заметны в XVIII в. Анания Строчков,

¹ Эти ограды были известны еще в конце XVIII в. (ЗОИД, XII, 1881, отд. 1-е, стр. 97). обстоятельные сведения о них сообщает З. А. Аркас (Описание Ираклейского полуострова и древностей его. ЗОИД, II 1848, отд. 1-е, стр. 260, табл. V). См. также о них план А. М. Ойеца и др. Система ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклеяском полуострове. «Зап. Крымск. об-ва естествоиспыт. и любит. природы», 1926, т. IX, стр. 116 и сл.

² Наличие древних дорог на Гераклеяском полуострове отмечалось еще З. А. Аркасом (Описание Ираклейского полуострова и древностей его. ЗОИД, II, 1848, стр. 260). В его время они прослеживались на 6 верст в длину.

План западной оконечности Гераклеяского полуострова, именуемой Херсонесским мысом, или Маячным полуостровом, с нанесением остатков древних межей и дорог был опубликован Н. М. Печениным (Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса. ИАК, вып. 42, 1911, табл. III).

составлявший в 1786 г. план Гераклеяского полуострова¹ нанес на него сеть прямых, пересекавшихся под прямыми углами улиц, или, вернее, дорог, ограничивавших прямоугольные наделы. Таких участков — клеров, судя по плану А. Строкова, было свыше 220. Размеры клеров различны, но в основном они имели по 300 сажен в длину и по 200 сажен в ширину², т. е. площадь их была равна примерно 27 га. Однако не исключена возможность, что план А. Строкова отличается некоторым схематизмом. Во всяком случае, распределение земельных наделов у Камышевой и Круглой бухт, где древние межи довольно хорошо сохранились до настоящего времени, дает нам несколько более сложную картину. Данный район был обследован и нанесен на план С. Ф. Стржеleckим, установившим, что в этой части Гераклеяского полуострова находилось 33 клера (разделенных внутренними межами на поля). Самый большой из клеров (размером 1000 X 600 м) достигал 60 га, а наименьший (200 X 150 м) — всего 3 га. Большая же часть клеров имела площадь около 20 га. Заслуживает внимания, что такие же примерно участки земли, как гераклеяские клеры, размеры которых колебались от нескольких гектаров до нескольких десятков гектаров, характерны и для землевладения метрополии³. Близкая картина наблюдалась также и в Великой Греции⁴.

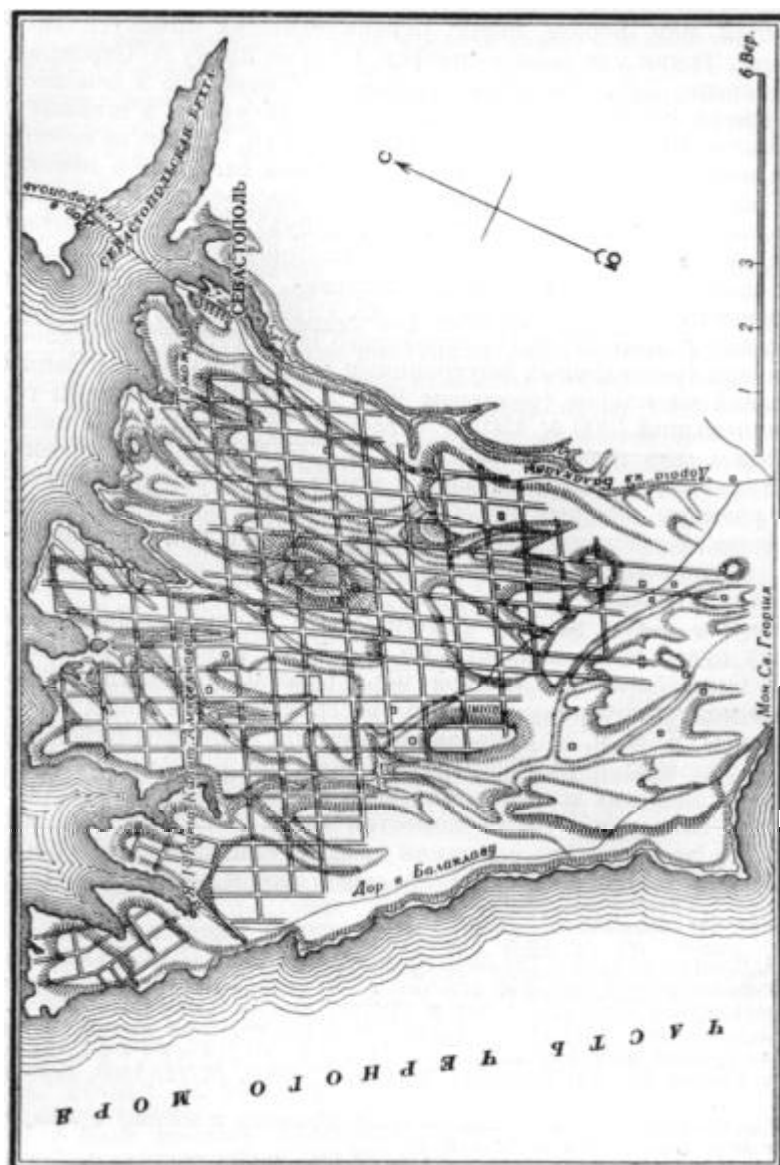
Вместе с тем должно отметить, что распределение земли между отдельными владельцами в районе, нанесенном на план С. Ф. Стржеleckим, в полной мере отвечает тем данным, которые можно почерпнуть из херсонесской надписи конца III — начала II в. до н. э. о продаже участков земли под виноградники. Размеры и стоимость этих участков весьма различны, причем среди них встречаются очень большие владения. Разумеется, владельцы таких поместий были богатыми людьми, в связи с чем достойна внимания находка слитка чистого серебра в виде довольно толстой пластины весом около 2—2¹/₂ кг.

в архиве Одесского историко-археологического музея. Как отмечает А. Л. Бертъе-Делагард, этот план в уменьшенном виде был издан в «Отечественных записках» (1822 г., № 22, после стр. 434). А. Л. Бертъе-Делагард называет автором этого плана Стрелова или Строкова (А. Л. Бертъе-Делагард. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса. МАР, № 12, 1893, стр. 6, прим. 3).

² Длинными сторонами наделы были обращены к востоку и западу, ооленные короткими — к северу и югу.

³ A. Jardé. Les céréales dans l'antiquité grecque. Paris, 1925, стр. 121.

⁴ Billiard. L'agriculture dans l'antiquité d'après les Géorgiques de Virgile. Paris, 1928, стр. 22.

По словам А. Л. Бертье-Делагарда¹, этот слиток был обнаружен среди прочих находок античного времени в развалинах древнего здания, открытого в 1903 г. около деревни Корань, близ Георгиевского монастыря. Стоимость такого слитка серебра в различные времена существования Херсонеса должна была колебаться примерно в пределах от 400 до 650 драхм², составляя довольно большую сумму для античной эпохи.

Среди древних поместий, находившихся к югу от Круглой бухты (4 км к юго-западу от Херсонеса), исключительного внимания заслуживает один клер³, обнаруженный С. Ф. Стржелецким. Этот клер дошел до нашего времени в настолько хорошей сохранности, что и теперь хорошо видны не только остатки наружных оград, но также и внутренних, разделявших клер на отдельные поля, даже стенок (или конденсационных

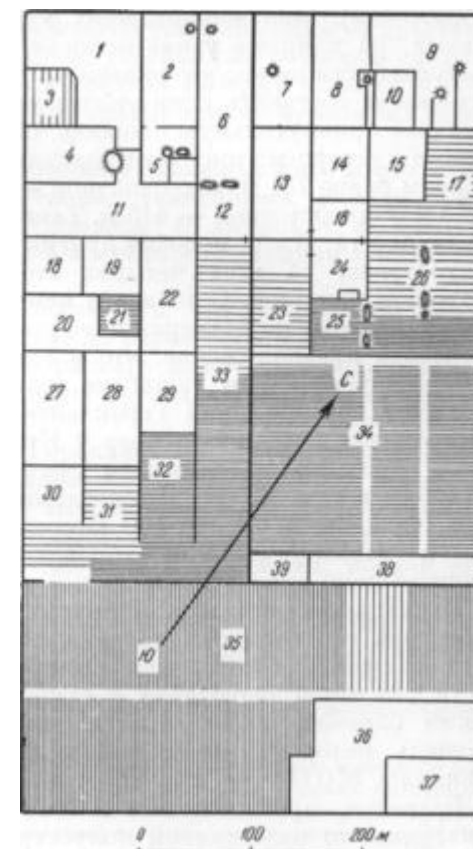

Рис. 14. План клера у Круглой бухты на Гераклеюм полуострове.

Участии: № 21, 25, 32, 34 и 35 — виноградники; № 3, 17, 23, 26, 31 и 33 — сады; № 1, 2, 4, 6—16, 18—20, 22, 27—30, 36 и 37 — поля; № 5, 24, 38 — участки подсобного назначения; № 39 — усадьба. Частые параллельные линии на виноградниках и садовых участках соответствуют в натуре дренажным стенам

¹ А. Л. Бертье-Делагард. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса. ЗООИД, XXVI, 1906, стр. 250 и сл.

² А. Л. Бертье-Делагард. Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского. НС, т. II, М., 1913, стр. 67—70.

³ С. Ф. Стржелецкий. Клер Херсонеса Таврического. ВДИ, 1951, № 3, стр. 85 и сл.; его же. Херсонес-Корсунь. Симферополь, 1950, табл. III.

сооружений), разграничивавших участки, занятые виноградниками, на длинные узкие полосы. Следы этих сооружений выступают так четко, что оказалось вполне возможным в основных чертах составить план этого поместья. Описываемый клер занимает прямоугольную площадь, обращенную длинными сторонами к северо-востоку и юго-западу. Длина северо-восточной стороны равна 731 м, юго-западной — 733 м, северо-западной — 418,5 м, юго-восточной — 415 м. Таким образом, площадь клера равна 30,5 га. Клер, подобно другим участкам Гераклеяского полуострова, со всех четырех сторон обрамлен дорогами, около 5 м шириной. С запада к нему примыкает клер, аналогичный первому по размерам и очертаниям. В силу этого можно высказать предположение, что в ближайшем соседстве могли быть и другие клеры такой же величины.

Таким образом, план Гераклеяского полуострова подпоручика Анании Строкова и клер у Круглой бухты, обмеренный С. Ф. Стрелецким, дают нам участки сравнительно близкой величины в 27 и 30,5 га. Примечательно, что не намного меньшую площадь, а именно 100 югеров (т. е. 25,182 га) Катон считал необходимой для хорошего имения, в особенности занятого под виноградник.

Несколько отличалась от других частей Гераклеяского полуострова его западная оконечность — Маячный полуостров. Соединяющаяся с материком нешироким перешейком, в древности она была ограждена с суши оборонительной стеной. Таким образом, было отделено значительное пространство, площадь которого, по подсчету А. Л. Бертье-Делагарда, равнялась 850 000 кв. сажень, т. е. около 380 га.

Разведки, произведенные в 1910 г. Н. М. Печенкиным, показали, что на Маячном полуострове в древности, по всей видимости, было около сотни отдельных зданий, разбросанных в разных местах. Если это наблюдение правильно, то можно думать, что и число усадеб достигало этой цифры. Судя по плану Н. М. Печенкина, клеры Маячного полуострова, по всей ве-

¹ Cato, I, 7; II, 1.

² К. Косцюшко-Валюжинич. Важное археологическое открытие в Крыму. ИТУАК, № 13 (год пятый), Симферополь, 1891, стр. 58; А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе. ИАК, вып. 21, 1907, стр. 195.

³ А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе. ИАК, вып. 21, 1907, стр. 197, 198.

⁴ Н. М. Печенкин. Археологические разведки в местности Страбонского старого Херсонеса. ИАК, вып. 42, 1911, стр. 125.

⁵ Н. М. Печенкин. Указ. соч., табл. III.

План, снятый Н. М. Печенкиным, к сожалению, крайне схематичен и составлен в слишком малом масштабе, чтобы, пользуясь им, можно было бы успешно вычислить размеры наделов на Маячном полуострове.

роятности, несколько отличались по величине один от другого. Однако в общем они значительно уступали по размерам другим гераклеяским клерам. Ведь в среднем на одну усадьбу Маячного полуострова приходится сравнительно небольшая площадь — 3,8 га.

Такое количество земли занимает промежуточное место между нормами для одного работника, указанными Колумеллой¹ (25 югеров, т. е. 6,25 га) и Сазерной² (8 югеров, т. е. 2 га), и нужно думать, вполне могло быть обработано одним земледельцем.

Таким образом, можно заключить, что на Маячном полуострове были совсем небольшие по размерам клеры. Напомним, что они примерно равны по размеру наименьшим (величиной в 3 га) из известных нам клеров других частей Гераклеяского полуострова.

С вопросом о размерах Гераклеяских клеров тесно связан и вопрос о тех мерах площадей, в которых они были размежеваны. Какие-либо выводы об этом возможны лишь с известными оговорками, так как производившиеся до сего времени обмеры Гераклеяских клеров, за редкими исключениями, носили несколько суммарный характер и дают округленные цифры (в сотнях сажень или, в лучшем случае, десятках метров). Поэтому все наши расчеты, связанные с измерениями клеров, как в данном случае, так и в дальнейшем, имеют только предварительный характер. Категорические утверждения станут возможными

В 1931 г. была произведена съемка западной оконечности Маячного полуострова. Хотя она и была выполнена в значительно большем масштабе, однако мало что дает нам для выяснения вопроса о размерах клеров. Составленный план, вполне пригодный с землемерной точки зрения, не отвечает археологическим требованиям: на нем надлежащим образом не выявлены валы наружных межей между полями; на Гераклеяском полуострове эти межи в большинстве случаев вполне установимы. Поэтому планом 1931 г. приходится пользоваться с большой осторожностью. Во всяком случае, размеры участков, которые могут быть признаны клерами, по этому плану вряд ли превосходят $2\frac{1}{3}$ — $3\frac{1}{2}$ га. Следовательно, материалы 1931 г. отнюдь не опровергают тех выводов о небольших размерах клеров Маячного полуострова, которые были сделаны на основе прежних данных. План 1931 г. и описание его см. проф. К. Э. Гриневич. Исследование подводного города в 1930—1931 годах. М., 1931, стр. 17—18, табл. № 2.

¹ Colum. De re rust., II, 12, 7.

² Varr. De re rust., I, 18.

Должно, однако, отметить, что в Средиземноморье земельные наделы могли быть значительно меньше этих размеров, а именно в $7\frac{1}{4}$ и даже 2 югера, т. е. около $1\frac{3}{4}$ и даже $\frac{1}{2}$ га (Plin., N. H., XVIII, 7, 18, 20). С этим обстоятельством, возможно, связано несколько дидактическое замечание Плиния, по словам которого в старину полагали необходимым ограничивать размеры имения, считая, что «лучше меньше сеять и лучше пахать» (Plin., N. H. XVIII, 35).

Рис. 15. План клеров на Маячном полуострове (по Н. М. Печенкину)
 1 — определенные разведкой здания; 2 — колодцы-цистерны; 3 — улицы-дороги;
 4 — раскопанные здания; 5 — раскопки

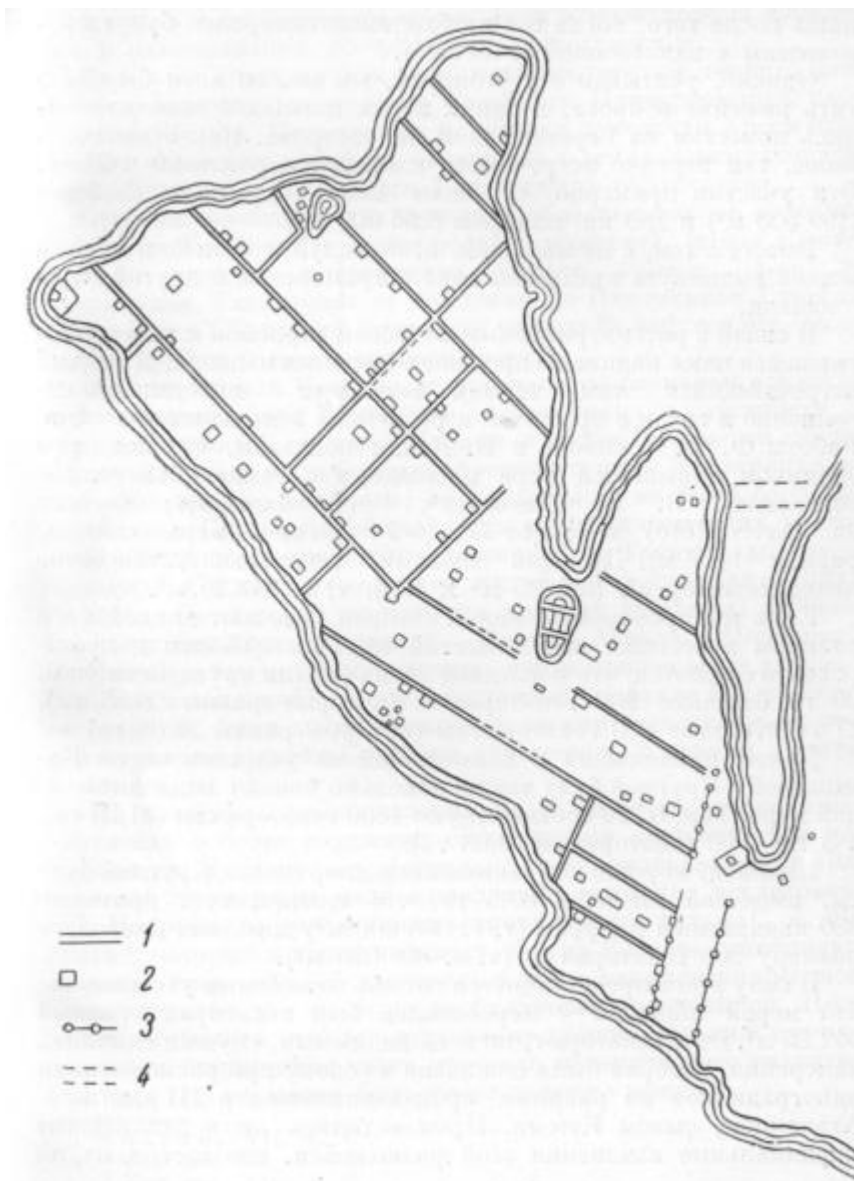

Рис. 16. План Маячного полуострова (по Г. Д. Белову)
 1 — древние межи; 2 — остатки древних зданий; 3 — крепостные стены и башни;
 4 — место плотины

лишь после того, когда все необходимые измерения будут произведены с надлежащей точностью.

Однако, учитывая эту оговорку, мы можем хотя бы наметить решение вопроса, в каких мерах площадей вымежовывались поместья на Гераклейском полуострове. Как отмечалось выше, там нередко встречаются клеры размером в 20 и 27 га. Эти участки примерно отвечают 210 квадратным плефрам (199 500 м²) и 280 кв. плефрам (266 000 м²).

Вместе с тем, с не меньшим, а, пожалуй, с большим правом можно выдвинуть предположение о применении и другой меры площади.

В связи с рассматриваемым вопросом вернемся к уже разбиравшейся нами надписи о продаже земельных наделов. Дважды встречающийся там термин *ἐκαστόριος* находится несомненно в связи с продажей и расценкой земельных участков. Работы Ф. Ф. Соколова и Б. Кейля показали, что под этим термином скрывается мера площади, и с таким объяснением согласился В. В. Латышев¹. Слово *ἐκαστόριος* состоит из *εκατόν* (сто) и *όρο-ία* = *όρουα* (оргия — мера длины, равная 1,85 м). Другими словами, гекаториог равен сотне квадратных оргий (3,4225 м² X 100), т. е. 342,25 м².

Если мы проверим, в какой степени отвечают данной мере размеры известных нам поместий на Гераклейском полуострове, то окажется, что последние очень близки круглым числам: 20 га отвечают 600 гекаториогам (которые равны 20,53 га), 27 га отвечают 800 гекаториогам (которые равны 27,38 га).

Далее, наибольший и наименьший из участков около Камышевой и Круглой бухт также довольно близко подходят к такой мере. Так, 60 га соответствуют 1800 гекаториогам (61,59 га), а 3 га — 90 гекаториогам (3,08 га).

Наконец, хорошо сохранившийся клер около Круглой бухты, имеющий площадь 30,5 га, что соответствует примерно 320 квадратным плефрам (т. е. 304 000 м²), довольно близок по размеру 900 гекаториогам (т. о. 308 025 м²).

В силу этого представляется вполне возможным утверждать, что мерой площади у херсонесцев был гекаториог, равный 342,25 м². Этот гекаториог, по всей видимости, служил единицей измерения, которая была положена в основу при размежевании виноградников на равнине, производившемся в III в. до н. э. Агасиклом, сыном Ктесия. Производились ли в дальнейшем кардинальные изменения этой размежевки, неизвестно, но, по

всей вероятности, в основном деление на участки оставалось прежним, а в последующее время если и происходили изменения в размежевании, то лишь малосущественные.

Наиболее значительной сельскохозяйственной территорией из всех античных государств Северного Причерноморья располагал Боспор. Письменные источники древности преимущественно освещают вопросы, связанные с земледелием западной части Боспора — нынешнего Керченского полуострова.

Страбон сообщает, что за горной областью тавров находится город Феодосия с плодородной равниной (*πεδίων ευχαιον*) и затем следует плодородная страна (*ευχαιος χώρα*) до Пантикапея. Расстояние от Феодосии до Пантикапея Страбон определяет в 530 стадий (примерно равных 98 км); вся эта земля богата хлебом и имеет деревни (*κώμαι*).

Западной части Боспора не уступала по размерам и восточная, охватывавшая Таманский полуостров (в древности — группа островов), низовье Кубани и более или менее значительную область по побережью Азовского моря. Эта территория была большой по величине, но границы ее не были особенно устойчивы. Страбон сообщает, что «из всех азиатских меоты одни подчинялись владельцам торжища на Танаиде, другие — боспорянам, а иногда то один, то другой народ отпадали от (них). Нередко Боспорские повелители владели (землями) до Танаиды, в особенности последние — Фарнак, Асандр и Полемон»².

Вместе с тем следует отметить, что и прилежащие территории, как к западной³, так и к восточной⁴ окраине Боспорского государства, были заняты земледельческим населением во всяком случае во времена Страбона (примерно, в первые десятилетия I в. н. э.).

По вопросу о землевладении на Боспоре мы располагаем значительно более скудными отрывочными данными, чем для Херсонеса. Поэтому неудивительно, что землевладение в Боспорском государстве мало привлекало внимание исследователей. Подробно на этом вопросе останавливался только С. А. Жебелев⁵, который пришел к выводу, что на Боспоре преобладала крупная земельная собственность и для возникновения мелкого землевладения там не было необходимых предпосылок. Необходимо отметить, что это положение грешит большой суммарностью и отсутствием учета процесса исторического развития. Поэтому оно не может быть безоговорочно принято.

² Strab., VII, 4, 4.

³ Там же, XI, 2, 11.

⁴ Там же, VII, 4, 6.

⁵ Там же, XI, 2, 4.

С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития Боспорского государства. ИОН, 1934, стр. 596.

¹ IOSPE, I², № 403. В. Pars postica. 6, 15.

В. В. Латышев. Дополнения и поправки к надписям, изданным в сборнике: «Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini» тт. I, II и IV. ИАК, вып. 10, 1904, стр. 96 и сл., № 80.

Уже отмечалось, что возникновение античного земледелия на Боспоре относится еще к первым временам существования там греческих городов, к VI в. до н. э. Среди греческих переселенцев — основателей боспорских городов, видимо, были не только купцы и ремесленники, но в немалом числе и крестьяне; последних, разумеется, прежде всего должно было привлекать плодородие причерноморских земель. Основанные этими крестьянами хозяйства, конечно, не могли быть большими, и такие переселенцы не были крупными землевладельцами. Да и вообще все доступные нам археологические данные заставляют думать, что в хозяйстве боспорских городов VI и в значительной мере V в. до н. э. весьма большую роль играли мелкие производители. Это сказывается и в отсутствии очень богатых погребений на некрополе, которые столь характерны для IV в. до н. э., а также последующих столетий и в преобладании сравнительно скромных находок в городских слоях данного времени и, наконец, в превалировании очень мелких номиналов в монетной чеканке доархеанактидова и археанактидова периодов. Предполагаемое нами наличие мелких сельских хозяев в раннее время не исключает, однако, возможности существования и в этот период отдельных более крупных землевладельцев из числа представителей городской знати.

Позднее в эпоху расцвета Боспора, в IV в. до н. э., когда были присоединены обширные территории, заселенные местными племенами, можно думать, что правители Боспора, Спартокиды, не только считались собственниками всей земли, но и были крупнейшими землевладельцами.

В качестве верховного собственника Боспорского государства (ἀρχὸν καὶ βασιλεύων) мог распоряжаться землей по своему усмотрению. Так, возможно, следует понимать слова Полиена о том, что Левкон во время войны с гераклеотами вручил власть над селами (κῶμαι) родственникам триерархов. Вероятно, на таких же началах получил в надел Кены афинянин Гелон, передавший Нимфей правителям Боспора; известие об этом факте передает Эсхин¹.

Свидетельство Демосфена² в его речи против Лептина о том, что весь хлеб, отвозившийся в Аттику с Боспора, шел от имени его правителей, рисует последних крупнейшими землевладельцами.

¹ Polyae. Strat. VI, 9, 3.

² Aeschin. III, 171.

³ Demost. adv. Lept. 31; С. А. Жебелев (Основные линии экономического развития Боспорского государства. ИОН, 1934, стр. 606, прим. 3) считает возможным в термине *κῶμος* видеть даже прямое указание на то, что Левкон был «хозяином» боспорского хлеба; более вероятно, однако, толковать это слово в смысле «властитель страны».

Помимо Спартокидов, на Боспоре были и другие крупные владельцы земель. Исократ¹ упоминает об одном крупном боспорском землевладельце Сопэе, который мог отправить в Аттику два судна с хлебом.

Таким образом, на Боспоре в эпоху его расцвета нам известны крупные землевладельцы, которые были представителями боспорской городской и местной племенной знати, о богатстве которой свидетельствуют большие курганы некрополя Пантикапея, других боспорских городов, а равно и боспорской периферии. Так, в IV—III вв. до н. э. крупное землевладение играло очень большую роль в сельском хозяйстве Боспора, однако не следует думать, что оно полностью вытеснило мелкое.

По свидетельству Диодора², царь Евмел предоставил на Боспоре тысяче каллатийцев землю, разделив ее на наделы (τὴν χώραν κατεκλήρουχῆσεν). Каллатия, как известно³, была в значительной мере сельскохозяйственной колонией и переселившиеся на Боспор каллатийцы, можно думать, были преимущественно земледельцами. Едва ли можно сомневаться в том, что выделенные Евмелом клеры представляли собою небольшие участки. Для подкрепления этого предположения можно добавить и некоторые косвенные доказательства. По словам Диодора, местность, предоставленная Евмелом каллатийцам, именовалась Псоей (Ψοα). В. В. Латышев⁴ в специальном исследовании убедительно показал, что дошедший до нас текст Диодора подвергся искажению при переписке и вместо τὴν ονομαζομένην Ψοαν καὶ τὴν χώραν κατεκλήρουχῆσεν следует читать τὴν δνομαζομένην θιανῆριν χώραν κατεκλήρουχῆσεν, т. е. «так называемую Фианнитскую область разделил на клеры».

Эта Фианнитская область может быть сопоставлена с Фианнеями (θιάννεα), упоминаемыми в одной фанагорийской надписи⁵. Судя по месту находки надписи около хутора Семеники, можно предполагать, что Фианнеями именовалось урочище, примыкавшее к восточной окраине Фанагории⁶. Если предположение справедливо, то, руководствуясь данными исторической географии, мы можем примерно рассчитать, какова

¹ Isocr., XVII, 3.

² Diod., XX, 25.

³ Т. В. Блаватская. Западнопонтские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, стр. 31, 36, 118.

⁴ В. В. Латышев. Заметки по древней географии северного и восточного побережья Черного моря. Сб. «PONTIKA», СПб., 1909, стр. 171—173.

⁵ IOSPE, II, № 353.

⁶ Косвенным подтверждением этого предположения может служить находка другой фанагорийской надписи о посвящении стелы Аполлону в Диоклеях (IOSPE, II, № 351). Последняя надпись была обнаружена

могла быть площадь тех земель, которые Евмел роздал в качестве клеров каллатийцам. Дело ведь в том, что в древности Фанагория лежала на острове, входившем в число островов, составлявших архипелаг на месте нынешнего Таманского полу-

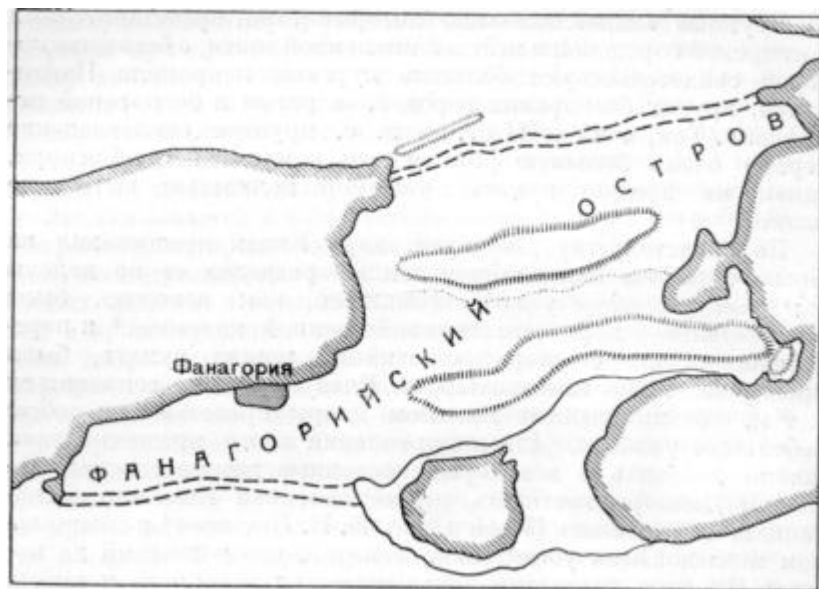

Рис. 17. План средней части Таманского полуострова («Фанагорийский остров»)

По словам Страбона, вместе с Фанагорией, простирались за пределы Фанагорийского острова, а тогда оно не могло быть большим, ибо и весь-то этот остров был невелик. Судя по нынешнему рельефу и по данным Стра-

около хутора Шапиро (бывшего Боровика), т. е. возле западной окраины Фанагории. Таким образом, можно предполагать, что к Фанагории примыкали два урочища: с запада — Диоклеи, с востока — Фианнеи.

Видимо, древний остров, на котором находилась Фанагория, был ограничен с востока водами нынешнего Ахтанизовского лимана, а с запада — Таманского залива. Южной границей острова служил проток Кубани, проходивший от юго-западной оконечности Ахтанизовского лимана через озеро Яновского и падь, тянущуюся от последнего к Шимарданской бухте. Этот проток, возможно, является высохшим рукавом реки Антикита, упоминаемой Страбоном (Strab., XI, 2, 9). Северная же граница Фанагорийского острова, по всей видимости, проходила по высохшему протоку, расположенному непосредственно к югу от Киммерийского вала.

бона¹, площадь его была никак не больше 6000 га². Правда, большая часть этой площади, примерно около 5000 га, расположена к востоку от Фанагории и, следовательно, может быть отнесена к Фианнейской земле.

Неизвестно, вся ли земля в Фианнеях была роздана каллатийцам Евмелом или часть ее оставалась у других владельцев. Нам известно, что в значительно более позднее время, в середине II в. н. э., земли в Фианнеях (γῆς ἐν θιαννείῳς) принадлежали богине, т. е. были храмовыми землями. Но даже если бы все урочище целиком и перешло в руки каллатийцев (что, повидимому, согласуется и с текстом Диодора³), то при общей площади его около 5000 га размер одного клера в среднем равнялся 5 га. Вспомним, что на Гераклеюмском полуострове нам пришлось встретиться с клерами различной величины, от 3 до 60 га, причем большая часть из них была величиной 20—30 га. На Маячном же полуострове, повидимому, преобладали другие, более мелкие, наделы, средняя величина их была всего 3,8 га. Подобные наделы, вероятно, обрабатывались преимущественно трудом их владельцев.

Наделы переселившихся на Боспор каллатийцев, видимо, были близки по своей величине этим мелким гераклеюмским клерам. Нужно думать, что и каллатийские переселенцы, ставшие на Боспоре мелкими сельскими хозяевами, обрабатывали свою землю преимущественно личным трудом.

Едва ли допустимо предположение, что, наделая каллатийцев землей, Евмел возрождал на Боспоре уже совершенно отжившую и утратившую свой смысл форму хозяйства — мелкое

Фанагорией на том же острове из городов Азиатского Боспора был расположен лишь один — Келы (Strab., XI, 2, 10).

Об изменениях, которые потерпел Таманский полуостров с древних времен, см. К. Герц. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870, стр. 20 и сл.; С. Ф. Войцеховский. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднему времени. «Зап. Сев.-Кавказск. кр. об-ва арх. и этн.», кн. I (том III), вып. 5—6, Ростов, 1929, стр. 5 и сл.

³ Diod., XX, 25.

В связи с этими мероприятиями Евмела, способствовавшими укреплению мелких землевладельцев на Боспоре, весьма интересно свидетельство Диодора (Diod., XX, 24) о шагах, которые предпринял Евмел, чтобы расположить к себе народ, раздраженный насилиями узурпатора. Евмел «восстановил прежний образ правления τὴν πατρίαν πολιτείαν ἀποκατέστησε и согласился на сохранение беспопытности (ἀτέλεια), которую пользовались жители Пантикапея при его предках». Гарантии, данные Евмелом, видимо, представляли собою восстановление прав граждан боспорских полисов, возможно, в противовес той племенной знати, которая, судя по доступным нам сведениям, поддерживала Евмела в его борьбе против старшего брата Сатира (Diod., XX, 22).

землевладение¹ Гораздо более вероятно предположить, что и во времена Евмела мелкое землевладение еще продолжало существовать, хотя вполне возможно, что оно уступало по своему значению крупному хозяйству. Таким образом, в землевладении Боспора IV в. до н. э. выступают черты, характерные для землевладения эллинистических монархий Птолемеев, Селевкидов или Атталидов².

Можно думать, что на Боспоре крупное землевладение продолжало сохранять свое значение и в последующую за периодом Спартокидов эпоху Сарматской династии. До нас дошел один очень интересный эпиграфический документ II в. н. э., в котором точно определялись границы большого земельного участка, расположенного, по всей видимости, на западном берегу Керченского пролива. Плохая сохранность памятника затрудняет его точное восстановление, но общий смысл его совершенно ясен⁴.

Уже говорилось о том, что крупными землевладельцами на Боспоре были прежде всего боспорские цари, а также окружавшая их городская аристократия и племенная знать, представители которой погребались в больших боспорских курганах. Мелкими наделами владела часть боспорских граждан. Кроме того, владельцами земель на Боспоре были и храмы. На это указывает уже упоминавшаяся нами, найденная в Фанагории надпись⁵, датированная 151 г. н. э. Согласно этому документу, царь Тиберий Юлий Ремиталк увеличил до прежних пределов посвященные богине земли в Фианнеях (γῆας ἐν Φιαννέοις), которые с течением времени уменьшились в своих размерах. Вместе с тем, согласно данной надписи, царь увеличил и количество обрабатывавших эту землю пелатов, что заставляет думать о значительных размерах храмового сельскохозяйствен-

ного участка, позволяя сближать его с хорошо известными аналогичными наделами малоазиатских храмов.

Таковы доступные данные о характере землевладения Херсонеса и Боспора. При этом, к сожалению, наиболее неясным остается вопрос о землевладении у местных племен, входивших в Боспорское государство.

Не лучше обстоит дело с Ольвией, несомненно, располагавшей сельскохозяйственной территорией, как об этом свидетельствует обломок почетного декрета¹ конца III — первой половины II в. до н. э., в котором, возможно, имеется упоминание о пастушеском поселении ἐκ Νομίας κώ[μης]. Очевидно, в хору Ольвии входила область γλαία (Полесье), куда, согласно свидетельству декрета² в честь Никерата, сына Папиева, переправлялись ольвийские граждане. Однако территория, принадлежавшая Ольвии, можно думать, была невелика.

Весьма примечательно, что ольвийские псефисмы³ о даровании проксении представляют привилегии только чисто торгового характера и не заключают каких-либо данных о разрешении приобретать землю или какую-либо недвижимость. Между тем подобные привилегии γῆς καὶ οἰκίας εὔκτησιν (приобретать землю и дом) или εὔγειον ἵκησιν (приобретать недвижимость) нередко встречаются в постановлениях о проксении других эллинских полисов. В соседнем Херсонесском государстве предоставляемое проксенам право приобретать землю, вероятно, заключалось в следующей формуле: μετοχάν τε πάντων τῶν ἐν [τ]ῇ πόλει, ὧν καὶ Χερσονασεῖταις μέτεστι (т. е. «участие в государстве во всем, в чем участвуют и херсонесцы»).

Отсутствие в ольвийских псефисмах каких-либо аналогичных указаний на разрешение владеть землей заставляет думать, что земельная собственность, а следовательно, и земледелие не были обычными для ольвиополитов. Вероятно, и ольвийские проксены не были сколько-нибудь заинтересованы в занятии сельским хозяйством на территории Ольвийского полиса.

Выводяемому нами предположению о небольших размерах ольвийской хоры не противоречат и данные археологических исследований, производившихся в 30-х и 40-х годах текущего столетия и получивших⁵ предварительные публикации лишь в самое последнее время. Сопоставив и соединив материалы, опубликованные И. В. Фабрициус и Л. М. Славиным, мы по-

¹ Впрочем, не исключена возможность, что наделение Евмелом каллатийцев земельными участками имело своей целью привлечение их к военной службе. Раздача клеров военным поселенцам, как известно, практиковалась в эллинистических монархиях. (В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., 1949, стр. 75).

Увеличение числа своих вооруженных сил особенно должно было отвечать планам Евмела, замышлявшего, согласно Диодору, покорение всех племен, обитавших вокруг Понта (Diod., XX, 25).

² В. Тарн. Эллинистическая цивилизация М., 1949, стр. 135 и сл., 155 и сл., 174 и сл.

³ IOSPE, II, № 313; В. В. Латышев. Дополнение к IOSPE, II, М 313. ИАК, вып. 37, 1910, стр. 11—13.

⁴ В. В. Латышев так восстанавливает текст этой надписи: «до холма и варварской дороги; от холма и варварской дороги до второго поворота (изгиба, излучины), потока и моря; от моря местность к западу до ложинной дороги и от ложинной дороги до...» (ИАК, вып. 37, 1910, стр. 12).

⁵ IOSPE, II, № 353.

¹ Сб. «Ольвия», т. I, Киев, 1940, стр. 259 и сл., № 1.

² IOSPE, I², № 34.

³ Там же, № 20—23, 27 и 28.

⁴ IOSPE, I², № 357. См. также IOSPE, I², № 358 и 364.

⁵ И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951, стр. 65 и сл.; Л. М. Славиным. Древний город Ольвия. Киев, 1951, стр. 62 и сл.

пытались составить схематическую карту древних поселений в районе Ольвии, которую и публикуем в настоящей работе. Показанные на этой карте многочисленные поселения, лежащие по берегам Бугского и Днепровско-Бугского лиманов, по большей части относятся к догетскому времени, хотя часть их несомненно существовала и в первых веках нашей эры.

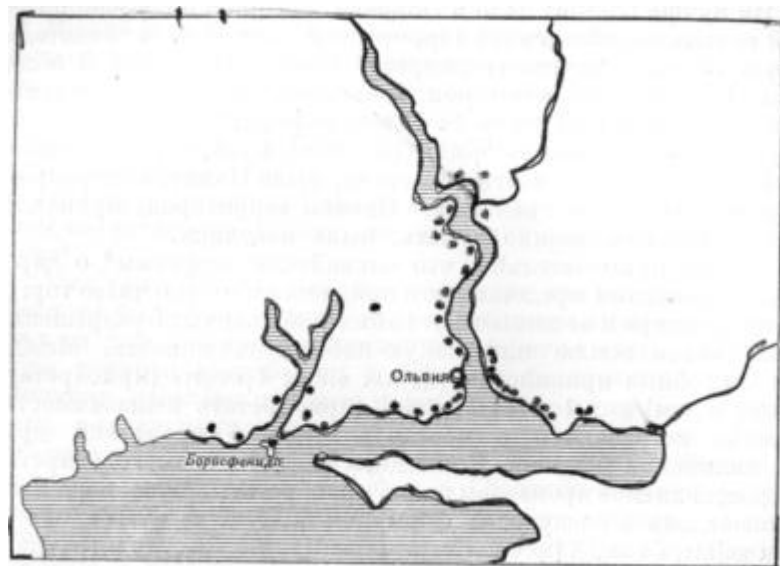

Рис. 18. Схематическая карта древних поселений в районе Ольвии (по данным И. В. Фабрициус и Л. М. Славина)

По вопросу о принадлежности названных поселений изучавшие их исследователи высказали различные точки зрения. Л. М. Славин все ранние поселения именует скифскими, за исключением поселения у Закисовой балки, которое он считает греко-скифским. И. В. Фабрициус по большей части воздерживается от определенных высказываний по данному поводу, но некоторые из рассматриваемых памятников именует греческими.

¹ Л. М. Славин. Древний город Ольвия. Киев, 1951, стр. 62 и сл.

² И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951, стр. 65, § 143; стр. 66, § 145; стр. 73, § 157. Так определены могилы около Куцуруба, бывшего пригорода Очакова, колодец в Петуховке и поселение у села Александровки к северу от мыса Станиславского.

³ Иосиф, № 32, 4.

Нам представляется более правильным считать, что рассматриваемые поселения принадлежали каллипидам, за исключением ближайших к Ольвии населенных пунктов, например у Широкой и Закисовой балок, относившихся к ольвийской хоре. Это предположение мы высказываем, исходя из известного свидетельства Геродота, который пишет: *ἀπὸ τοῦ Βοροσθενείτεω ἐμπορίου (τοῦτο γάρ τῶν παραθαλάσσιων μεσαίτατόν ἐστι πάσης τῆς Σκυθίας), ἀπὸ τούτου πρότεροι Καλλιπίδας νέμονται ἔοντες Ἕλληνες Σκύθαι*. «Отец истории» определенно указывает, что от эмпория борисфенитов первыми жили каллипиды; поэтому они должны были быть ближайшими соседями Ольвии. Характер культуры каллипидов кратко, но выразительно определяется Геродотом, именуя их эллино-скифами. Вероятно, каллипиды были местным племенем, воспринявшим ряд черт эллинского быта, что полностью отвечает характеру рассматриваемых поселений.

С эллино-скифами Геродот, повидимому, идентичны миксэллыны⁴ декрета в честь Протогена; о них там говорится следующее: *ἐφοῦρθαι... τοὺς τῇ παρῳρείᾳ οἰκοῦντας Μισέλληνας, οὐκ ἐλάττους ὄντας τὸν ἀριθμὸν χιλίων καὶ πεντακοσίων, τοὺς ἐν τῷ προτέρῳ πολέμῳ συμμαχοῦσαντας ἐν τῇ πάλει*, («...пограничные миксэллыны, числом не менее 1500, бывшие в предыдущую войну союзниками, в городе были соврашены врагами...»). Этим указывается на наличие по соседству с ольвийской хорой пограничных миксэллынов числом не менее 1500. Очевидно, помимо этих пограничных миксэллынов были и другие, жившие несколько дальше. Особенно же для нас важно свидетельство Протогенова декрета о том, что миксэллыны могли быть то союзниками, то врагами Ольвии, следовательно, они не находились у последней в подчинении. Из этого можно сделать вывод, что воспринявшее ряд особенностей эллинской

характер поселения у Закисовой балки, расположенного в 4 км к югу от Ольвии. Большие многокомнатные дома, относящиеся к IV—III вв. до н. э., сооружены из камня и сырцового кирпича согласно ольвийским строительным приемам. Встречаются там и очень характерные для Ольвии «слоевые субструкции». Наличие многочисленных зерновых ям указывает на сельскохозяйственный характер описываемого поселения (Т. Н. Книпович. Основные итоги Ольвийской экспедиции. КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 105 и сл., рис. 30; Е. И. Левк. Итоги Ольвийской экспедиции. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 182; Л. М. Славин. Древний город Ольвия. Киев, 1951, стр. 63).

² Herod., IV, 17.

³ Не вполне ясно, что подразумевал Геродот под наименованием «эмпорий борисфенитов». Здесь речь могла идти не только об Ольвии, но и о Березани. Однако и в том и в другом случае обитателями берегов Днепровско-Бугского и Бугского лиманов нужно считать каллипидов.

В. 17.

культуры население побережий Днепровско-Бугского и Бугского лиманов в догетское время в значительной части не входило в ольвийскую хору.

Нет никаких оснований предполагать, что территория, принадлежавшая Ольвии, могла увеличиться в послегетское время, когда город был значительно меньше и беднее. Относящееся к этому времени свидетельство Диона Хрисостома¹ позволяет заключить, что дозоры ольвиополитов, предупреждавшие о вторжении на их территорию врагов, ставились невдалеке от города.

Хлеб, поступавший в Ольвию и особенно отправлявшийся из нее в метрополию, в основном собирался не на землях, принадлежавших этому городу²: в значительном количестве хлеб поступал на ольвийский рынок из Прибужья и Приднепровья. Его производили обитатели обширных городищ, расположенных по нижнему течению Днепра. В силу этого экономика Ольвии в основном базировалась на торговле, охватывавшей значительную территорию³, а также на ремесле и в гораздо меньшей мере на сельском хозяйстве.

С незначительностью принадлежавшей ольвиополитам сельскохозяйственной территории, возможно, связано то обстоятельство, что Ольвия иногда испытывала недостаток в хлебе. Прямое указание на это мы находим в декрете в честь Протогена⁵. Между тем, располагавший большими хлеботоржными полями Боспор, судя по доступным нам данным, не испытывал какой-либо нужды в хлебе⁶.

Такова в общих чертах картина землевладения в античных государствах Северного Причерноморья. Сказанное приводит к таким выводам. На землях полисов, прежде всего Херсонеса, преобладало среднее и мелкое землевладение. Формы землевладения, установившиеся в Боспорском государстве к IV в. до

¹ Dio Chrys., XXXVI.

² Нужно думать, что через Ольвию проходил весь хлеб, производившийся скифами-пахарями, на продажу. Об этом хлебе упоминает Геродот (Herod., IV, 17).

³ По определению В. И. Гошкевича, нижнеднепровские городища занимают площадь от 7 до 22 1/3 десятины, т. е. от 7,6 до 24,3 га (В. И. Гошкевич. Древние городища по берегам низового Днепра. ИАК, вып. 47, 1913, стр. 143); А. В. Добровольский. Землеробские поселения перших століть нашої ери на р. Унгульці. Археологія, III, Київ, 1950, стр. 167 и сл.

⁴ Б. Граков. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? Археологія, I, Київ, 1947, стр. 23 и сл.

⁵ IOSPE, I², № 32.

⁶ С. А. Жебелев. Основные линии развития Боспорского государства. ИОН, 1934, стр. 599, прим. 1.

н. э., можно сблизить с теми, которые существовали в эллинистических монархиях.

Заканчивая обзор вопросов, связанных с античным землевладением в Северном Причерноморье, остановимся на известном свидетельстве Страбона, который утверждал, что земледельцы (γεωργοί), жившие на Таврическом полуострове, арендовали землю у обитавших выше их номадов, уплачивая им за это дань (φόρος)¹. Вряд ли это свидетельство древнего географа можно безоговорочно принимать на веру. Трудно допустить, чтобы кочевые скотоводы могли сдавать «в аренду» земельные участки соседившим с ними пахарям. Страбон, по всей видимости, перенес экономические отношения, свойственные античному Средиземноморью, в совершенно иную среду. В форосе, который уплачивался земледельцами кочевникам, скорее всего можно видеть не арендную плату, а просто дань, которую более сильные кочевники налагали на более слабых земледельцев.

Весьма примечательны при этом дальнейшие слова Страбона, который отмечает, что дани не платят те, кто уверен в своих силах, кто может легко отразить нападение или воспрепятствовать вторжению на свою землю. Последующее упоминание Страбоном Асандра, перегородившего укрепления перешеек Таврического полуострова и воспрепятствовавшего нападениям кочевников на Боспор, может быть поставлено в связь с другим свидетельством того же Страбона² — о дани. Мы имеем в виду дань (φόρος), которую вынужден был платить «варварам» Перисад, последний царь из династии Спартокидов.

Такое понимание свидетельства Страбона об «аренде земли» нам представляется единственно возможным. Оно полностью совпадает с метким замечанием В. В. Латышева³, в немногих строках сопоставившего упомянутую цитату Страбона⁴ о дарах «за аренду» с теми «дарами», которые ольвиополиты должны были подносить скифскому царю Саитафарну.

¹ Strab., VII, 4, 6.

² Там же, 4, 4.

³ В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, стр. 137, прим. 19.

⁴ 6.

3. ОРГАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ

По вопросу об организации сельскохозяйственной территории античных государств Северного Причерноморья мы располагаем еще более скудными сведениями, чем о землевладении. Письменные источники, в сущности, не дают об этом никаких данных, если не считать уже упоминавшегося акта размежевания херсонесских виноградников государственным магистратом¹.

Как уже отмечалось, вполне возможно, что этот акт относится к той размежевке, следы которой и по настоящее время наблюдаются на Гераклейском полуострове. О размерах этих правильных, по большей части прямоугольных, участков, разделенных прямыми дорогами, мы уже говорили выше.

Исключительно хорошая сохранность одного из клеров² около Круглой бухты позволяет сделать некоторые выводы по вопросам полеводства. Этот клер, размером 731—733 X 415—418,5 м, имел площадь в 30,5 га, или 900 гектарюгов.

Снаружи клер был огражден основательной стеной, сложенной из грубо отесанных больших камней. Внутри она заполнена бутовым камнем, щебнем и землей. Эта ограда не имеет фундамента: она была поставлена непосредственно на поверхность почвы. Толщина стены от 1,3 до 1,5 м. Кроме того, вся площадь клера разделялась внутренними стенками³ на много частей различной формы и величины. Все эти стенки и углы, под которыми они пересекаются,— прямые. Очертания полей, на ко-

¹ IOSPE, I², № 418.

² С. Ф. Стржеleckий. Клер Херсонеса Таврического. ВДИ, 1951, № 3, стр. 85 и сл.

³ Все эти стены в настоящее время имеют вид небольших длинных валиков, в которых иногда проступают гряды камней. Наружная стена также имеет вид вала, но более мощного. Ширину ее можно было установить по обрезах пересекших ее недавно вырытых канав.

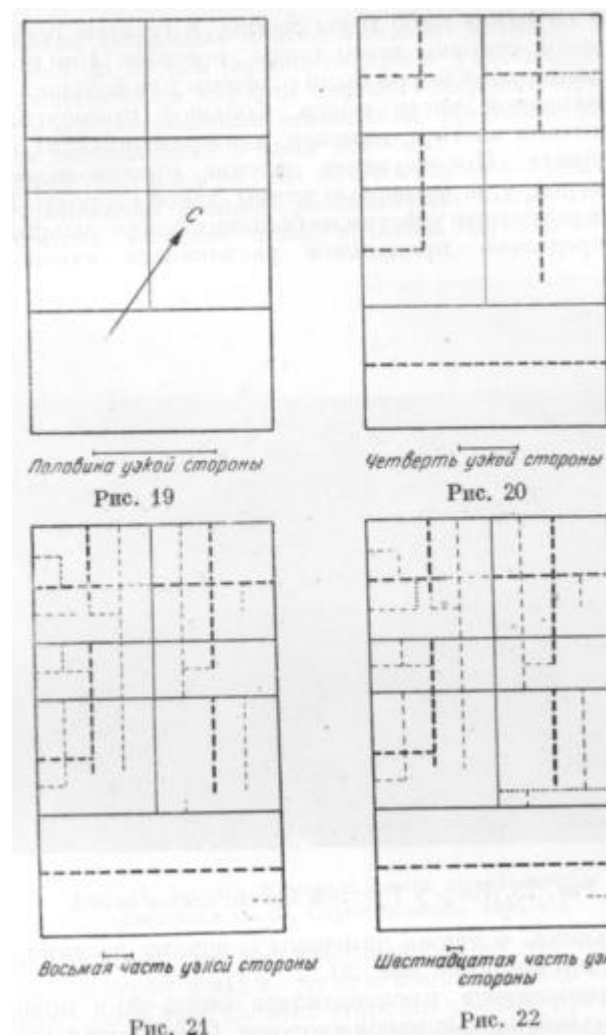

Рис. 19, 20, 21, 22. Схемы размежевания клера у Круглой бухты

торые разделен клер, чаще всего прямоугольные, реже квадратные, а также имеющие уступчатые или зубчатые границы.

Сколько мы можем судить по опубликованному плану¹, в основу внутреннего размежевания клера на отдельные участки, предназначенные для того или иного использования, были

¹ С. Ф. Стржеleckий. Клер Херсонеса Таврического. ВДИ, 1951, № 3, стр. 86, рис. 1.

положены не какие-либо меры длины, а система постепенного деления узкой стороны всего клера пополам. Как показывает рис. 19, именно этой мерой были отсечены два больших квадрата в северо-западной части клера, большой прямоугольник — в юго-восточной части и, наконец, два примыкающих к последнему квадрата. Последующее деление производилось вдвое меньшей мерой, т. е. четвертью длины узкой стороны. Ею были выделены квадратные участки на больших северо-западных квадратах, определено продольное расчленение юго-восточного

Рис. 23. Клер у Круглой бухты; следы межей

прямоугольника, а также намечены основные деления других полей, как это видно на рис. 20.

Далее размежевка производилась опять-таки половинной мерой — восьмой частью узкой стороны. Откладывая ее, планировщики разбили северную, северо-западную и западную части клера преимущественно на небольшие прямоугольные и квадратные поля, как это показано на рис. 21.

Наконец, была применена еще меньшая мера — одна шестнадцатая часть узкой стороны. Ею определена ширина усадебного участка, а также некоторые членения других участков. По сравнению с указанными основными делениями другие, хотя и имели место, но, видимо, занимали второстепенное

1 С. Ф. Стржелецкий. Клер Херсонеса Таврического. ВДИ,

Отмеченная тенденция класть в основу деления клера половину одной из сторон прямоугольного участка, нужно думать, была теснейшим образом связана с широким применением двуполья в древнегреческом земледелии. Двуполье должно было развить навыки делить поля пополам.

В средней части клера, на юго-восток от его центра, находилась укрепленная усадьба, к сожалению, сильно поврежденная земляными работами нового времени. Черепки посуды, об-

Рис. 24. Клер у Круглой бухты, следы межей (раскопки С. Ф. Стржелецкого 1951 г.)

наруженные в выкидах ям, указывают на то, что усадьба существовала примерно с III в. до н. э. и жизнь в ней была и в первых веках нашей эры. Со всех сторон к усадьбе примыкали возделанные участки. Эти участки были разделены оградами в виде довольно солидных стен, толщиной в 1—1,2 м. Исследование участков, проведенное С. Ф. Стржелецким при участии агрономов, позволило с большой долей вероятности установить их назначение. Значительная часть участков по всей поверхности покрыта длинными каменными кладками, примерно в 0,9 — 1 м шириной, между которыми оставлены интервалы всего в 2 м. Таким образом, обрабатываемая земля превращалась

в длинные узкие полосы¹, которые никак не могли² быть заняты полем, но вполне годились под виноградники².

На других участках, также занятых по всей поверхности каменными кладками, оставленные интервалы были значительно шире: они равнялись 5 м. Такие участки скорее всего засаживались плодовыми деревьями. Наконец, оставшая земля, свободная от каких-либо кладок, следует думать, была отведена под поле и, возможно, отчасти использовалась для выпаса скота или иных целей.

В общем, по подсчету С. Ф. Стржелецкого, размеры площадей и количество участков клера, занятых различными культурами, были следующие:

	Площадь	Количество
		участков
Виноградники	12,547 га	5
Поля	12,004 „	24
Сады	4,191 „	6
Подсобные участки	0,956 „	3

Усадьба с внешним двором занимала 0,164 га, и 0,638 га прихотилось на ограду клера, стены участков и т. п. На поле в северном углу клера заметны могильные курганы.

Приведенные размеры площадей, занятых различными культурами, показывают, что первое место было отведено виноградникам. В силу этого едва ли можно сомневаться в том, что это хозяйство было в основном виноградарским и, по-видимому, винодельческим. Как отмечалось, площадь нашего клера (30,5 га) довольно близка к образцовому винограднику в 100 югеров (25,18 га), о котором пишет Катон³. Сходство между нашим клером и

¹ Бросается в глаза, что длина таких узких полосок (хотя бы и прерываемых поперечными проходами) примерно равна двум сотням метров.

Возможно, что с такими узкими полосками земли, около 200 м длиной и 2 м шириной, связано возникновение херсонесской меры площадей — гекаторюга — сто оргий (т. е. участок в 185 X 1,85 м). Подобное объяснение делает, как нам представляется, более понятным, почему херсонесцы применяли такие небольшие меры площади.

² На это обстоятельство указывал еще Н. М. Печенкин. Он отмечал наличие на Гераклейском полуострове параллельных стенок, которые встречаются в различных местах. Они расположены рядами, не менее чем по 10, на расстоянии примерно 5 шагов друг от друга и имеют толщину 1—1½ аршин (около 0,71—1,07 м). Длина этих стенок 10, местами 15 и 25 сажен (около 21, 32, 53 м). Траншея, проведенная Н. М. Печенкиным, позволила установить, что это остатки виноградника или огорода, в котором были перекопаны длинные полосы, шириной около 5 шагов, а образовавшийся при работе камень сложен на участках между полосами и производит впечатление стен. (Н. М. Печенкин. Археологические разведки на месте Страбоновского старого Херсонеса. ИАК, вып. 42, 1911, стр. 110).

³ Cato., 11.

хозяйством, которое рисует древнеримский агроном, усиливается в силу того обстоятельства, что отнюдь не все 100 югеров в имении Катона должны быть заняты виноградниками, так как там намечаются¹ также поле, выгон для свиней и участок, занятый ивняком². При этом в обоих случаях главная роль принадлежит винограднику, на котором, по Катону, должно работать десять человек, при наличии в хозяйстве еще шести других работников, включая управляющего и ключницу.

Таким образом, в³ размерах, а, возможно, отчасти и в распределении площадей виноградарского хозяйства на Гераклейском полуострове, вероятно, в III в. до н. э. и в Италии во II столетии до н. э. намечается некоторое сходство. Это сходство скорее всего следует объяснить тем обстоятельством, что уже к началу эллинистической эпохи в Восточном Средиземноморье и, вероятно, в Причерноморье был выработан наиболее рациональный, по условиям того времени, тип виноградарского хозяйства; можно думать, что он проник и в Италию, где популяризатором его стал Катон.

По сравнению с Гераклейским полуостровом другие части хоры Херсонесского государства исследовались значительно меньше. Поэтому большой интерес в этом отношении представляют наблюдения, сделанные в 30-х годах прошлого столетия А. И. Шмаковым в районе Прекрасной гавани.

По словам этого исследователя, вокруг Акмечетской бухты «видны остатки каких-то правильных оград или заборов (потатарски хора), различной длины и ширины, от 20 до 60 сажен.

по наличию на винограднике пахаря с водами, свинопаса и человека, смотрящего за ивняком (Cato., 11).

² Упоминание Катона об ивняке интересно сопоставить с не вполне ясным местом в херсонесской надписи конца III — начала II в. до н. э. о продаже земельных участков (10SPE, I², № 403, IV, № 80), где слово *ἐὐλευεῖν* скорее всего означает рубить лес или дрова (H. G. Liddel and R. Scott. Greek-English Lexicon. Oxford, 1925—1940, стр. 1191).

³ Утверждать наличие полного сходства в распределении площадей под виноградники и в достаточных оснований. В нашем клере под виноградниками было около 41% общей площади используемой земли. У Катона часть земли, занятой виноградниками, возможно, была несколько больше. Если считать, что хороший виноградарь, согласно Колумелле (Colum. De re rust., III, 3, 8), может обслужить 7 югеров виноградника, то десять рабов Катона могли обработать до 70 югеров (т. е. до 70% площади имения). Однако этому различию, как нам кажется, не следует придавать особого значения. Вряд ли нормы Катона были незыблемым правилом даже для Италии его времени. В распределении земельной площади под различные культуры очень многое зависело от индивидуальных особенностей данного участка, потребностей рынка и иных, нередко изменчивых, обстоятельств. Поэтому нельзя ожидать повсюду повторения единого трафарета во всех подробностях. Возможно лишь применение некоторого общего типа хозяйства, допускавшего множество различных вариантов.

Время сровняло их с землею, но не могло истребить образовавшихся полос из камней, которые некогда составляли те ограды. На полосах видно несколько возвышений или бугров, имеющих до одной и более сажен, перпендикулярной высоты»¹. Руководствуясь находками 1837—1838 гг., сделанными на восточном берегу бухты (пифоса-кувшина в поперечнике более аршина, а высотой, вероятно, более двух аршин, пирамидальных глиняных грузил² и глиняного обломка с греческой надписью³, вероятно, принадлежавшего упомянутому пифосу⁴), А. И. Шмаков отнес к грекам открытые им остатки сооружений.

Нам представляется, что после исследований Гераклеяского полуострова предположение А. И. Шмакова получает очень веское подкрепление. Наблюдавшиеся им «правильные», т. е., по-видимому, прямоугольные участки, размерами примерно от 40 до 120 м, очень близко напоминают те участки, на которые разделен хорошо сохранившийся клер около Круглой бухты. В силу этого можно думать, что сельскохозяйственные усадьбы около Прекрасной гавани были организованы примерно так же, как и гераклеийские. Данное наблюдение позволяет предполагать, что вся хора Херсонесского государства имела устройство более или менее близкое тому, которое было на Гераклеяском полуострове⁵.

¹ Сообщение А. И. Шмакова. Пирамидки из глины, найденные при Акмечетской бухте. ЗООИД, I, 1844, стр. 630 и сл.

² Там же, табл. XV, рис. «а».

³ Там же, табл. XV, рис. «б».

⁴ Это предположение А. И. Шмакова вряд ли может вызвать какие-либо сомнения. Воспроизведенная им надпись: ΕΠΙΣΙΛΑ... ΜΕΝΙΠΠ... должна быть восполнена следующим образом: ἐπὶ Σιλα[ν]οῦ Μενίπ[π]ου.

Клейма на пифосах, весьма редкие в античных городах Северного Причерноморья, видимо, чаще встречались в Херсонесе. Не так давно были изданы два обломка синопских пифосов с клеймами конца IV в до н. э., найденные в Херсонесе (КСИИМК, V, 1940, стр. 54 и сл.). В Херсонесском музее хранятся два обломка венца гераклеяского пифоса с клеймами, обнаруженные при раскопках Н. М. Печенкина на Гераклеяском полуострове (№ 15061 и 15216). Оба клейма имеют одинаковое содержание: Ἐράτων υἱὸς τοῦ В статье Н. М. Печенкина: «Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса» (ИАК, вып. 42, 1911, стр. 123) упоминается о найденном им обломке венца пифоса с двумя штемпелями и меткой с указанием объема Δ Π (что значит 42). Возможно, эта находка идентична с упомянутыми выше клеймами на венце пифоса Херсонесского музея. При раскопках Н. Ф. Романченко в Евпатории был обнаружен край «овального сосуда», по-видимому, пифоса, с клеймом: Π ΙΙΙ (т. е. 8) (Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917, стр. 143, № 53).

⁵ Ср. М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 401, прим. 2.

4. ВОПРОС О ПРИМЕНЕНИИ ИСКУССТВЕННОГО ОРОШЕНИЯ. ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЛУЧШЕНИЯ

По вопросам, связанным с искусственным орошением и с земельными улучшениями в Северном Причерноморье, мы располагаем довольно ограниченными сведениями. Судя по доступным нам данным, ряд северо-понтийских городов испытывал недостаток в воде, и для обеспечения ею осуществлялись различные мероприятия. Так, Херсонес снабжался водой посредством нескольких водопроводов. Вода доставлялась в город по керамическим трубам из источников и каптажей, находившихся на расстоянии нескольких километров от Херсонеса. Водопровод, также сооруженный из керамических труб и завершавшийся водоразборным бассейном — Нимфеем, был в римской крепости Харакс¹. Известно существование водопровода со свинцовыми трубами в Пантикапее². В Ольвии, в нижнем городе, был обнаружен каптированный в древности источник³; в месте выхода его на поверхность источник был заключен в стены и направлялся далее по водопроводным каналам. Существование каптированного источника в Нимфее засвидетельствовано найденной в Героевке (в бывшем Эль-Тегене) надписью, посвященной Гликарии⁴, супруге Асандра. Об

¹ Об этом писал еще З. А. Аркас («Описание Ираклейского полуострова и древностей его». ЗООИД, II, отд. 1-е, 1848, стр. 258 и сл., табл. V). Более подробные сведения о водоснабжении Херсонеса сообщает Л. А. Моисеев («Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклеяском полуострове». «Зап. Крым, об-ва естествоиспыт. и любит. природы», т. IX, 1926, стр. 117—121).

² В. Д. Блаватский. Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг. ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 331—333; его же. Харакс. МИА, № 19, 1951, стр. 282 и сл.

³ ОАК, 1898, стр. 14.

⁴ А. Н. Карасев. К вопросу о водоснабжении Ольвии. СА, VII, 1941, стр. 129 и сл.

⁵ В. Шкорпили М. Ростовцев. Эпиграмма из Эль-Тегеня. ИАК, вып. 37, 1910, стр. 17.

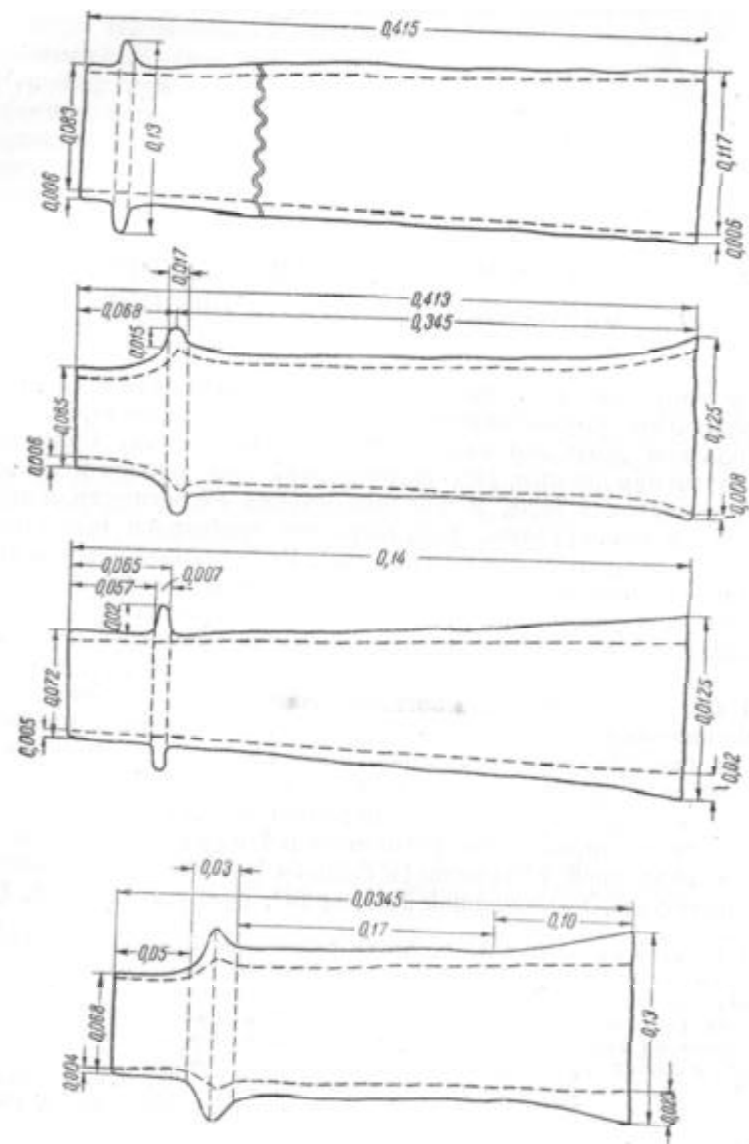

Рис. 25. Водопроводные трубы из Харакса. Измерения даны в метрах

обильном водой источнике, открытом царем Котисом, сыном Аспурга, говорится в надписи¹, найденной к северу от Аджи-мушкая, недалеко от Азовского моря. Одна из танаисских надписей² сообщает о ремонте источника, произведенном архитектором Аврелием Антонином в 533 г. боспорской эры (236 г. н. э.).

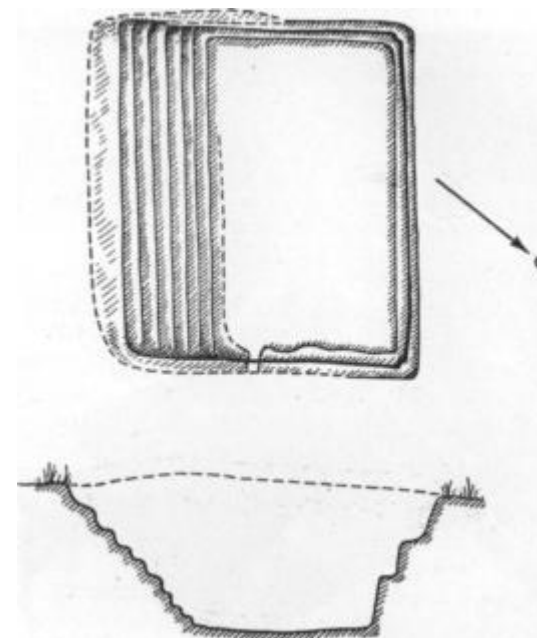

Рис. 26. Нимфей в Хараксе (план и разрез)

Помимо этих источников водоснабжения, воду брали также из многочисленных цистерн, куда она стекала с черепичных крыш во время дождей, а равно из колодцев, которые в немалом числе обнаружены в городах и за их пределами.

Однако все эти водные ресурсы в основном, по всей видимости, предназначались для личных потребностей людей, хозяйственных и производственных надобностей, для скота, для общественных зданий (терм), фонтанов³ и тому подобных целей, но едва ли они употреблялись для искусственного орошения,

¹ IOSPE, II, № 37.

² Там же, № 434.

³ См. ОАК, 1905, стр. 15, рис. 15 л 16.

во всяком случае в сколько-нибудь значительных размерах. Ибо вряд ли вода могла быть доставлена на поля, за исключением разве таких участков, как ближайшие клеры к древним каптажам, которые наблюдали на Гераклейском полуострове в прошлом столетии З. А. Аркас, а в недавнее время Л. А. Моисеев.

Рис. 27. Колодец в Фанагории спартокидского времени

Об этих каптажах З. А. Аркас пишет: «На вершине лощины, идущей в Стрелецкую бухту, на том месте, где построен ныне хутор Юхарина, находится несколько родников под плитняком, из которого истекает много ключевой воды чрезвычайно хорошего качества. Около этих родников устроены два древних бассейна: один в 17 сажен длины и 10 ширины, другой в 17

длины и 8 ширины»¹. Л. А. Моисеев² сообщает, что им были обнаружены на северном склоне возвышенности Карагач (около Юхариной балки) семь воронкообразных углублений, вероятно, затянувшихся земель древних каптажей.

С земельными улучшениями и повышением влажности почвы связаны уже упоминавшиеся нами стенки, разделяющие виноградники клера у Круглой бухты на узкие (двухметровые) полоски. Подобные стенки наблюдались еще Н. М. Печенкиным³ во многих местах полуострова. Они шли параллельными рядами (числом не менее десяти) на расстоянии примерно пяти шагов и имели толщину 1—1,5 аршина (0,70—1,05 м). Длина стенок была равна 10, 15 и 25 саж. (т.е. 21 31,5 и 52,5 м). Возможно, эти стенки имел в виду и З. А. Аркас, сообщавший, что в районе Юхариной балки «видны основания стен огородных и садовых»⁴.

Возведение таких стенок облегчало удаление из почвы камней⁵, которых немало на Гераклейском полуострове. Далее, если эти стенки возвышались над уровнем почвы, что отнюдь нельзя считать доказанным, то они могли заменять винограду подпорки и вместе с тем защищать лозы от ветров. Наконец, и это, по-видимому, самое главное, подобные стенки служили конденсаторами почвенной влаги, что особенно важно в небогатой осадками южной части Крыма. Как показали раскопки этих стенок, обнаруженных под насыпью кургана на участке «№ 9 нашего клера, описываемые сооружения сделаны с большой тщательностью. Устройство их следующее: были выкопаны доведенные до материка каналы шириной около 1 м. Стенки этих каналов облицованы камнями, гладкие стороны которых обращены во внутрь канала, а рваные очертания прилегали

¹ З. А. Аркас. Описание Ираклейского полуострова и древностей его. ЗООИД, II, отд. 1-е, 1848, стр. 262.

² Л. А. Моисеев. Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклейском полуострове. «Зап. Крымск. об-ва естествоиспыт. и любит. природы», т. IX, 1926, стр. 120.

³ Н. М. Печенкин. Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса. ИАК вып. 42, 1911, стр. 110.

⁴ З. А. Аркас. Описание Ираклейского полуострова и древностей его. ЗООИД, II, отд. 1-е, 1848, стр. 262.

⁵ Еще Д. В. Корейша отмечал, что насыпи на Гераклейском полуострове возникли благодаря тому, что херсонесцы очищали свои поля от камня. См. Д. В. Корейша. Археологические разыскания близ древних Пантикапея, Фанагории и Херсонеса (1845—1846). Журн. Мин. внутр. дел, XVI, 1846, стр. 509.

Ветры, дующие в Причерноморье и Восточном Средиземноморье, местами настолько сильны, что препятствуют разведению иных лоз, кроме низких, стелющихся по земле. Именно такие лозы — *χαίτις* — культивировались виноградарями в античную эпоху в Аттике (Georg., 3, 1, 5).

⁷ С. Ф. Стржелецкий. Клер Херсонеса Таврического. ВДИ, 1951, № 3, стр. 87, и сл., стр. 90.

к земле. Затем канава была засыпана мелким бутовым камнем. Такое сооружение, очевидно, имело прежде всего конденсационное назначение: оно собирало влагу и питало ею корневую систему виноградников.

Помимо стенок, на участках, занятых виноградниками, земельным улучшениям клеров Геракле́йского полуострова способствовало также сооружение террас, там где этого тре-

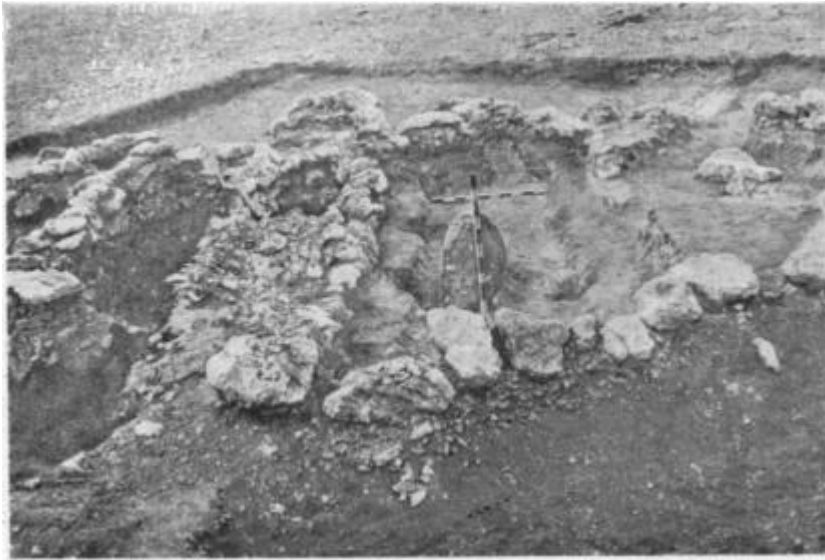

Рис. 28. Конденсационные стенки клера у Круглой бухты под курганом позднеантичного времени (раскопки С. Ф. Стржелецкого)

бовал рельеф местности. При этом поля выравнивались, и сооружались подпорные стены. Высота их на хорошо сохранившемся клере у Круглой бухты, по расчету С. Ф. Стржелецкого², была более метра, а ширина от 1 до 1,2 м. Данные мероприятия не только создавали более благоприятные условия для обработки почвы, но³ также удерживали ее от сползания и смыва вешними водами.

¹ Применение террас на Геракле́йском полуострове отмечалось еще З. А. Аркасом («Описание Ираклейского полуострова и древностей его». ЗООИД, II, отд. 1-е, 1848, стр. 260, 262).

² С. Ф. Стржелецкий. Клер Херсонеса Таврического. ВДИ, 1951, № 3, стр. 86.

³ Л. А. Моисеев. Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Геракле́йском полуострове. «Зап. Крымск. об-ва естествоиспыт. и любит. природы», т. IX, 1926, стр. 117.

Мы не располагаем сведениями о том, какие мероприятия проводились для земельных улучшений в других сельскохозяйственных районах Северного Причерноморья, помимо Геракле́йского полуострова. К числу ирригационных сооружений, по всей видимости, принадлежит¹ Киммерийский вал, отделяющий юго-восточную часть Фонталовского полуострова от основного массива Таманского полуострова. Однако этот памятник до сего времени не был надлежащим образом исследован, а главное, точно не выяснено время его сооружения. Краткое же свидетельство Страбона² побуждает относить его к киммерийской эпохе.

¹ А. С. Башкиров. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 г. Тр. этнографо-археологич. музея I МГУ, II, 1927, стр. 36 и сл.

² Strab., XI, 2, 5.

5. СПОСОБЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПЛОДОРОДИЯ ПОЧВЫ

О способах восстановления плодородия почвы, применявшихся земледельцами в античных государствах Северного Причерноморья, у нас нет прямых данных. Однако трудно представить, чтобы там не было переменной системы и отдельные части поля по очереди не получали отдыха. Ведь в эллинском мире переменная система надежно засвидетельствована еще в древнейшую эпоху, и в Илиаде¹ мы неоднократно находим упоминания о земле, оставленной под паром. Невозможно допустить, чтобы навыки, свойственные метрополии, не были перенесены в античные земледельческие хозяйства Северного Причерноморья. Особенно же мало вероятна была бы хищническая система ежегодной обработки земли на рационально организованных гераклеийских клерах, для мелиорации которых было затрачено очень много труда и где к тому же были сооружены монументальные постройки.

Мало вероятным представляется нам применение в античном земледелии на Северном Понте и переложной системы, для которой требуются обширные пространства степной целины. Ведь характерной чертой античного земледелия в Северном Причерноморье была необходимость для хозяина-рабовладельца жить в укрепленной усадьбе или городе и нередко также защищать крепостной стеной или валом весь сельскохозяйственный район от нападений неприятеля. Между тем переложная система требовала очень больших степных просторов, которых не было на защищенной стеной территории. Что касается выездов из укрепленного убежища далеко в степь, то таковые были весьма небезопасны.

Таким образом, ясно, что переложная система была невозможна в условиях Гераклеийского полуострова, густо покрытого

1 II., X, 353; XIII, 703; XVIII, 541.

укрепленными усадьбами. План хорошо сохранившегося клера V Круглой бухты показывает наличие в этом хозяйстве ряда парных участков, совершенно одинаковых по форме и величине. Названные участки могли быть только полями. Таковы № 7, II 8, 14 и 15, 18 и 19, 27 и 28 I. Парность пахотных участков Гераклеийского клера несомненно могла быть связана только с двупольной системой.

Однако и на Боспоре, где население было весьма густым (об этом будет сказано в дальнейшем), земли могло хватить только для двуполья. В пользу предположения о двуполье на Боспоре говорит также и состав древних семян, обнаруженных при раскопках, на чем мы остановимся ниже. Наконец, у нас нет решительно никаких оснований приписывать боспорским пахарям периода Спартокидов более примитивные приемы земледелия, чем те, которые были известны грекам еще во времена Гомера.

Еще менее ясен вопрос о применении удобрения земли. В античном сельском хозяйстве были известны различные виды удобрения², причем широкое применение имели унаваживание и зеленое удобрение. Нужно думать, что аналогичные способы удобрения земли имели место и на Северном Понте.

Остановимся сначала на применении унаваживания в Северном Причерноморье. Для этого прежде всего следует выяснить вопрос о характере топлива в античную эпоху. Не служил ли тогда навоз единственным материалом для топлива (кизяка), как это нередко бывает в бедных лесом южных местностях? Здесь, во-первых, нужно отметить, что в древности Северное Причерноморье, по всей видимости, было значительно богаче лесом, чем в настоящее время. Феофраст³ свидетельствует о том, что на Понте около Пантикапея не только росли деревья, но оттуда даже вывозился лес, правда, сильно уступавший по качеству синопскому. Состав этого леса (дуб, вяз, ясень и подобные лиственные деревья, при отсутствии сосны, ели и пинии) позволяет предполагать, что эти леса могли находиться на азиатском берегу Боспора, где аналогичные породы и по сей день растут в предгорьях Кавказа⁴. Впрочем, сравнительно близкая картина наблюдается и в современных лесах южного Крыма, где преобладает дуб, а сосна встречается в небольшом

¹ С. Ф. Стрелецкий. Клер Херсонеса Таврического. ВДИ, 1951, № 3, стр. 86 и сл.

² Theophr., h. p., II, 7, 4.

³ Там же, IV, 5, 3. Там же Феофраст отмечает, что вокруг Пантикапея не росли ни мирты, ни лавры.

⁴ А. А. Гроссгейм. Растительный покров Кавказа. М., 1948, стр. 16, 45.

количестве¹. Следует еще отметить, что на карте Боспора, составленной П. Дюбрюксом и И. Бларамбергом, к западу от Кетерлеса (деревни к северу от Керчи) обозначены «горы, которые были покрыты лесом, где и теперь вырывают корни больших деревьев...».

Так или иначе Боспор не терпел недостатка в лесе и, следовательно, вполне мог быть обеспечен дровами. Источниками снабжения лесом и дровами для Херсонеса могли быть прилежащие местности горного Крыма², а для Ольвии упоминаемая Геродотом⁴ область Ὑλαία (Полесье).

Характер золы на больших мусорных свалках, наблюдаемый при раскопках Пантикапея и Фанагории, если исходить из внешнего вида и постоянного наличия в ней мелких древесных угольков, заставляет думать, что эта зола древесного происхождения. Сравнительно редко приходится встречаться с золой, получившейся в результате сжигания других видов топлива, например соломы. Такая зола обнаружена при раскопках кострища тризны на южном некрополе Фанагории в 1940 г.

Таким образом, использование навоза в качестве материала для кизяка, по-видимому, не находит достаточных подтверждений. Вместе с тем очень большое количество костей домашних животных, постоянно обнаруживаемых в античных городах Северного Причерноморья, говорит не только о широком потреблении мяса в пищу, но и об обилии домашнего скота. При таких обстоятельствах в стойлах должно было накапливаться значительное количество навоза. Трудно допустить, чтобы этот навоз, не использовавшийся на топливо, просто выбрасывался. К тому же весьма примечательно, что раскапывавшиеся в 30—40-х годах текущего столетия свалки Пантикапея и Фанагории очень редко содержат сколько-нибудь значительную примесь гумуса. Все сказанное наводит нас на мысль об использовании навоза для удобрения полей⁵.

В этом отношении интересно свидетельство Вергилия 6 о том,

¹ Современный состав крымского леса таков: дуб — 56%, граб — 15%, бук — 12%, различного вида кустарники — 12%, сосна — 3% (Н. В. Дек. См. сб. «Крым». М.—Л., 1930, стр. 62).

² П. Дюбрюкс. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берсгг Босфора Киммерийского... ЗООИД, IV, 1858, табл. 1.

³ Напомним также, что в херсонесской надписи о продаже земельных участков (IOSPE, I², № 403; IV, № 80), видимо, говорилось и о рубке леса или дров, поскольку там встречается термин ξυλευεῖν..

⁴ Herod., IV, 54.

⁵ Употребление навоза для удобрения в античном земледелии Средиземноморья надежно засвидетельствовано; см. об этом Cato., 5. 8; 35, 2, 36; 37, 2.

⁶ Virg., Georg., III, 349—352.

что в местностях, где живут скифские племена и у Меотских вод скот держат взаперти на скотных дворах. Подобные мероприятия должны были способствовать накоплению навоза, видимо, для удобрения полей.

Значительно труднее ответить на вопрос о том, применялось ли в Северном Причерноморье зеленое удобрение, т. е. перепашивание земли с выросшей на ней травой¹. Такая трава, сгнивая, повышала гумусность почвы. В качестве зеленого удобрения в древности использовались стебли бобовых растений². Каких-либо данных по этому вопросу для Северного Понта у нас нет. Вполне вероятно, что лежавшая под паром земля зарастала сорняком и потом перепашивалась со всей появившейся на ней растительностью, стебли которой служили своего рода удобрением. Что же касается применения стеблей бобовых, употреблявшихся для удобрения земледельцами Греции и Италии³, то, не располагая никакими данными по этому поводу, мы можем только отметить следующее. Как будет видно из раздела нашей работы, посвященного зерновым культурам, бобовые растения имели довольно большое распространение в сельском хозяйстве Северного Понта. Применялись ли их стебли для удобрения или нет, мы не знаем, во всяком случае в античную эпоху земледельцы нашего Юга в полной мере располагали данными ресурсами.

6. ПОЛЕВЫЕ КУЛЬТУРЫ

Зерновые культуры были основными в сельском хозяйстве Северного Причерноморья. Это мы можем заключить как по кратким свидетельствам письменных источников, так и по археологическим данным. Страбон говорит о богатстве хлебом $\sigma\tau\omega \delta\epsilon \kappa\alpha\iota \alpha\rho\acute{\alpha}\theta\rho\alpha \epsilon\upsilon\tau\upsilon\chi\acute{\epsilon}\varsigma$ ¹ всего Крыма, кроме горной области, и особенно подчеркивает плодородие той части полуострова, которая простирается от Феодосии до Пантикапея, называя ее $\chi\acute{o}\rho\alpha \lambda\alpha\sigma\alpha \alpha\iota\tau\omicron\phi\acute{\rho}\rho\omicron\varsigma$ ². Более конкретные указания мы находим у Геродота, сообщающего, что каллипиды и алазоны сеют и употребляют в пищу хлеб, чечевицу и просо. По словам Плиния³ можно заключить, что сарматские племена по большей части питались просяной кашей. Об употреблении проса в пищу мэотами и сарматами, видимо, свидетельствует и Клавдий Элиан⁴. Возможно, что упоминание об ячмене — $\chi\rho\iota(\theta\alpha\iota)$ — включает надпись, нацарапанная на обломке чернолакового сосуда конца V или начала IV в. до н. э., найденная в 1872 г. на Таманском полуострове⁵.

Значительно более полное представление о зерновых культурах Причерноморья дают нам исследования зерен, обнаруженных при раскопках древних городищ, главным образом на Боспоре и в прилегающих к нему районах. Здесь прежде всего следует отметить интересные материалы, в свое время введенные в научный обиход К. А. Фляксбергером. На одном из прикубанских городищ — Краснодарском — были обнаружены в 1928 г. обуглившиеся зерна мягкой пшеницы (*Triticum*

vulgare), относящиеся к IV в. до н. э.¹. На Елисаветинском городище (в 15 км к западу от Краснодара), в слое эллинистического времени при раскопках 1934—1935 гг. найдены крупные и мелкие зерна мягкой пшеницы². Эти сведения о находках зерен мягкой пшеницы были пополнены в недавнее время Н. В. Анфимовым³, указавшим, что таковые были обнаружены при раскопках городища № 3 у станицы Усть-Лабинской в слое IV—III вв. до н. э., на городище Чумяный Редант (хутор Ново-Некрасовский у восточного побережья Азовского моря) в слое позднеэллинистического времени и на городище № 1 у станицы Старо-Корсунской.

Далее, не указывая дат, К. А. Фляксбергер⁴ упоминает о находках обугленных зерен ячменя (*Hordeum sativum*) на Краснодарском городище, обугленных зерен мягкой пшеницы мелких и средних размеров, зерна пленчатого ячменя и обугленной массы проса (*Panicum miliaceum*), которые были обнаружены в 1938 г. на городище Чумяный Редант у хутора Ново-Некрасовского.

О находках зерен мягкой пшеницы и проса в культурном слое станиц Старо-Корсунской и Елисаветинской, а также города Краснодара говорит и М. В. Покровский⁵. Обуглившиеся зерна пшеницы и ячменя встречались при раскопках одного из городов Азиатского Боспора (Семибратнее городище) в слое эллинистического времени; там же, но, по-видимому, в несколько более позднем напластовании, были найдены сильно обуглившиеся зерна проса⁶.

Аналогичные злаки засвидетельствованы находками в европейской части Боспора при раскопках Мирмикия в слое V в. до н. э., где попадались зерна мягкой пшеницы и ячменя.

¹ К. Фляксбергер. Находки культурных растений доисторического периода. Архив истории науки и техники, сер. 1, вып. 2, Л., 1934, стр. 175.

² К. Фляксбергер. Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю. КСИИМК, VIII, 1940, стр. 117.

³ Н. В. Анфимов. Земледелие у мэото-сарматских племен Прикубанья. МИА, № 23, 1951, стр. 147.

⁴ К. Фляксбергер. Археологические находки... КСИИМК, VIII, 1940, стр. 117.

⁵ М. В. Покровский. Городища и могильники Среднего Прикубанья. Тр. Краснодарск. пед. ин-та, т. VI, вып. I, 1937, стр. 8; В. А. Городцов. Елисаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. СА, I, 1936, стр. 178.

⁶ Н. В. Анфимов. Новые данные к истории Азиатского Боспора. СА, VII, 1941, стр. 264.

⁷ Н. В. Анфимов. Новые данные к истории Азиатского Боспора, СА, VII, стр. 262.

⁸ К. Фляксбергер. Археологические находки... КСИИМК, VIII, 1940, стр. 118.

¹ Strab., VII, 4, 6.

² Strab., VII, 4, 4.

³ Herod., IV, 17.

⁴ Plin. N. H., XVIII, 100.

⁵ Cl. Aelian. Var. hist. III, 39.

⁶ И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.—Л., 1953, стр. 144, № 249.

В Дии-Тиритакке в слое V—IV вв. до н. э. также обнаружены обугленные зерна мягкой пшеницы и ячменя.

Помимо этих материалов, относящихся преимущественно к ранним периодам истории Боспора, мы располагаем еще рядом находок более позднего времени — I—IV вв. н. э. (эпоха сарматизации Боспора).

Существенное дополнение для изучения злаков Северного Причерноморья дали зерна, обнаруженные М. М. Кобылиной при раскопках Фанагории в 1948 г. и определенные В. А. Петровым. Там в слое I в. н. э. были найдены обугленные зерна

Рис. 29. Пантикапейская монета IV в. до н. э. с изображением на лицевой стороне бородатого божества, а на обратной — грифа с пшеничным колосом (увеличено)

пшеницы двузернянки, или эммера (*Triticum dicoccum*)¹. Кроме того, в яме I в. н. э. были выявлены зерна пшеницы, не поддающиеся точному видовому определению.

При рассмотрении фанагорийской находки *Triticum dicoccum* следует обратить внимание на одну группу памятников, являющихся исключительно ценным источником для изучения зерновых культур в Северном Причерноморье. Это пантикапейские монеты² IV в. до н. э., на лицевых сторонах которых, по-

¹ К. А. Фляксбургер именует *Triticum dicoccum* пшеницей-полбой («Находки культурных растений...». Архив истории науки и техники, сер. 1, вып. 2, Л., 1934, стр. 165 и сл.).

² Х. Х. Гиль. Новые приобретения моего собрания. ЗРАО, V, табл. IV, 19—23.

Отметим еще наличие другой не менее интересной для истории земледелия группы пантикапейских монет — это серебро третьей четверти

III в. до н. э. с изображением головы Аполлона на лицевой стороне и хлебного колоса на обратной. Колос, как нам представляется, принадлежит мягкой пшенице (см. А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16 1951, стр. 180, табл. XL1, № 19).

мимо фигуры грифа, нередко изображается хлебный колос, по всей видимости, принадлежащий пшенице двузернянке.

В Пантикапее в пашенной яме III в. н. э. найдены обугленные зерна мягкой пшеницы, ячменя и ржи (*Secale cereale*). Далее следует отметить находки в Дии-Тиритакке зерен проса и мягкой пшеницы³ в амфоре IV в. н. э. В Киммерике в слое III—IV вв. н. э. были обнаружены зерна карликовой пшеницы (*Triticum compactum*)⁴. При раскопках Киммерика в 1948—1949 гг.⁵ также отмечались находки зерен мягкой пшеницы (*Triticum vulgare*), ячменя, по предварительному определению, много-рядного (*Hordeum pollidum*) и одного зерна ржи (*Secale cereale*)⁵.

Некоторые данные о зерновых культурах нам дают также раскопки на нижнем Дону. Там на Недвиговском городище, в древнем Танаисе, раскопками XIX в. было обнаружено значительное количество зерновых ям. В некоторых ямах оказалось большое количество зерна пшеницы, проса и какого-то иного растения, которое не получило более точного определения в отчете обнаружившего его Хицунова.

Наконец, следует коснуться проникшего в нашу специальную литературу упоминания о имевшей место находке зерен гре-

Рис. 30. Пантикапейская серебряная монета III в. до н. э. с изображением пшеничного колоса (увеличено)

¹ И. И. Никишин. Находка зерен в Керчи. КСИИМК, XXIII, 1948, стр. 84 и сл.

² К. Фляксбургер. Археологические находки... КСИИМК, VIII, 1940, стр. 118.

³ Зерна были определены как карликовая пшеница В. А. Петровым, который, давая это заключение, отметил близость карликовой и мягкой пшеницы.

⁴ И. Б. Зеест. Раскопки Киммерика в 1947—1948 гг. ВДИ, 1949, № 3, стр. 97; ее же. Киммерикская мукомольная мастерская и зерновое хозяйство Боспора. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 99; ее же. Жилые дома древнего Киммерика. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 192.

⁵ Зерна определены А. В. Кирьяновым.

⁶ Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 28.

О находках в погребках Танаиса (Недвиговского городища) остатков зернового хлеба говорит П. М. Леонтьев, не уточняя, какому именно злаку принадлежали эти остатки (П. Леонтьев. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях. Прописки, IV. М., 1854, стр. 438).

⁷ В. Ф. Гайдукович. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 351.

чихи (*Fagopyrum esculentum*), якобы древнего времени, в сосуде, обнаруженном в одном из сарматских погребений на Нижнем Дону. Рассмотрение данного вопроса В. А. Петровым выяснило, что названные единичные зерна гречихи были занесены в могилу в недавнее время мелкими животными — землеройками.

По сравнению с довольно хорошо исследованными находками зерен на территории Боспорского государства гораздо меньше изучались аналогичные памятники из других районов Причерноморья. Здесь следует отметить перегорелое просо, обнаруженное Б. В. Фармаковским при раскопках Ольвии в одном из помещений знаменитого дома II в. до н. э. под «Зевсовым курганом».

Относительно находок хлебных злаков в Скифии отметим обнаруженные в кургане около Вельского городища сожженные стебли пшеницы с зернами в колосьях², а также отпечатки зерен ячменя³ на обломках сосуда из городища Каменка Днепровская (раскопки 1949 г.).

Таковы наши данные о хлебных культурах в Северном Причерноморье. Что же касается зерновых бобовых культур, то о них мы располагаем следующими сведениями. Из древних авторов о бобовых упоминает один Геродот⁴, сообщая, что алазоны возделывали чечевицу. Зерна чечевицы⁵ были обнаружены при раскопках Дии-Тиритаки в 1939 г. (дата слоя не указана). На том же городище в слое V—IV вв. до н. э. найдены зерна вики чечевицеобразной (*Ervum ervilia*). В Киммерике при раскопках 1948—1949 гг. имели место единичные находки⁶ зерен чечевицы (*Ervum lens*) и зернобобовой культуры *Pynea*⁶. Наконец, следует отметить, что на Краснодарском городище в слое первых веков нашей эры встречались обугленные зерна чины (*Lathyrus esculenta*)⁷.

1 Б. В. Фармаковский. Раскопки в Ольвии в 1902—1903 годах. ИАК, вып. 13, 1906, стр. 75.

2 В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 году. Тр. XIV Археологич. съезда. III. М., 1911, стр. 93 и сл.

3 П. Д. Либеров. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI—II вв. до н. э. «Материалы по истории земледелия СССР», сб. I. М., 1952, стр. 85, рис. 3.

4 Herod., IV, 17.

5 К. Фляксбергер. Археологические находки... КСИИМК, VIII, 1940, стр. 118.

6 По определению А. В. Кирьянова.

7 К. Фляксбергер. Археологические находки... КСИИМК, VIII, 1940, стр. 117.

Таким образом, на Боспоре, на прилежащей¹ к нему территории Прикубанья и на Нижнем Дону, в настоящее время можно считать засвидетельствованными следующие зерновые (хлебные и бобовые) культуры:

- 1) мягкая пшеница (*Triticum vulgare*) и близкая ей карликовая пшеница (*Triticum compactum*);
- 2) пшеница двурядка, или эммер (*Triticum dicoccum*);
- 3) ячмень (*Hordeum sativum* и, вероятно, *Hordeum pollidum*);
- 4) просо (*Panicum miliaceum*);
- 5) чечевица (*Ervum lens*);
- 6) вика чечевицеобразная (*Ervum ervilia*);
- 7) чина (*Lathyrus esculenta*);
- 8) зернобобовая культура (*Pynea*).

Вопрос о культуре ржи (*Secale cereale*) занимает особое место, на нем остановимся ниже.

Доступные нам данные о бытовании в Северном Причерноморье хлебных и бобовых культур слишком отрывочны, чтобы можно было в настоящее время делать заключения об их истории. Однако, по всей видимости, особых изменений в составе основных зерновых культур на Боспоре в течение античной эпохи не наблюдалось. Можно думать, что там уже в V—IV вв. до н. э. основными культурами² были пшеница, ячмень и просо, эти культуры, по всей видимости, продолжали сохранять свое значение и в I—IV вв. н. э.

Данные о происхождении злаков, культивировавшихся в Северном Причерноморье в античную эпоху, довольно скудны. Все же у нас имеются довольно веские основания полагать, что главнейший из них — пшеница, бывшая столь важной статьей понтийского экспорта в метрополию, видимо, не греческого, а местного происхождения. Дело в том, что в Греции³ по преимуществу возделывалась и возделывается твердая пшеница (*Triticum durum*), между тем⁴ как таковая вовсе не встречается среди боспорских находок. Обнаруженные на Боспоре зерна

1 В более отдаленном районе, близ Майкопа, засвидетельствованы культуры бобов и гороха (Н. Анфимов. Древние поселения Прикубанья, Краснодар, 1953, стр. 49).

2 Эти же культуры — пшеница, ячмень и просо — были основными у земледельческого населения Прикубанья античного времени (Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, № 23, 1951, стр. 147).

3 К. Фляксбергер. Археологические находки... КСИИМК, VIII, 1940, стр. 117.

4 Высказанное в свое время братьями Котт (Ch. Cotte et T. Cotte. Etude sur les blés de l'antiquité classique, Paris, 1912, стр. 28) и поддержанное совсем недавно М. Е. Сергеев (примечания к переводу труда Феофраста «Исследование о растениях». М., 1951, стр. 490, прим. 41) пред-

мягкой пшеницы засвидетельствованы в Приднепровье еще в трипольскую эпоху¹, а зерна пшеницы двузернянки, но наблюдению В. А. Петрова, известны в неолитическую эпоху в Приднестровье.

Догреческое происхождение основных видов северопрichernоморской пшеницы не должно быть для нас неожиданным². Ведь пшеница, вероятно, вывозилась с северных берегов Понта еще до основания там греческих полисов, а их предшественники, греческие торговые фактории — эмпории, конечно, не вели сельского хозяйства и не могли способствовать проникновению туда каких-либо злаков из метрополии. Когда же, при основании полисов, на северные берега Понта хлынула волна греческих переселенцев, в том числе крестьян, эти земледельцы, обосновавшись на новых местах, можно думать, прежде всего обратились к местной, уже хорошо акклиматизировавшейся здесь пшенице, а не пытались культивировать менее приспособленные сорта из метрополии. Не располагая прямыми указаниями древних авторов, мы можем привести в качестве параллельного свидетельства сообщение Плиния³ о фракийской пшенице, которая имеет многочисленные оболочки и чрезвычайно подходит для своего края ввиду ее морозоустойчивости.

Особенностью северо-понтитской пшеницы были большей частью сравнительно небольшие размеры зерна, в силу чего она обладала при равной мере относительно меньшим весом, чем пшеница из ряда других стран древнего мира. По словам Феофраста⁴, пшеница с Понта принадлежит к самым легким. Пли-

положение о том, что понтитская пшеница была твердой (*Triticum durum*), до настоящего времени не получило никакого подтверждения в археологическом материале из античных государств Северного Причерноморья. Не встречались зерна твердой пшеницы и в поселениях Прикубанья античного времени, где находки других семян довольно многочисленны (Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, № 23, 1951, стр. 147 и сл.).

1 К. Фляксберггер. Находки культурных растений... Архив истории науки и техники, сер. 1, вып. 2, Л., 1934, стр. 175.

2 Ведь земледелие имело место с древнейших времен не только в Приднепровье, но и в Прикубанье. В бассейне Кубани развитое мотыжное земледелие надежно установлено в III—II тысячелетиях до н. э. (Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, № 23, стр. 144). О глубокой древности земледелия на Таманском полуострове свидетельствует кремневый вкладыш серпа, обнаруженный при раскопках Д. Б. Шелова в 1951 г. на одном из синдских поселений примерно в 10 км к юго-востоку от станицы Таманской (В. Д. Блаватский. Синдская археологическая экспедиция 1951 г. Вестн. АН СССР, 1951, № 10, стр. 68).

3 Plin., N. H., XVIII, 69.

4 Феофраст отмечает, что пшеница с Понта самая легкая, затем следует сицилийская, а наиболее тяжелая из Беотии (Theophr. h. p., VIII, 4, 5; с. р., IV, 9, 5).

su

ний¹ же относит к наиболее легким пшеницу из Галлии и Херсонеса (вес гектолитра ее примерно был равен 74 кг). Впрочем, свидетельство Плиния, может быть, следует отнести не к Херсонесу Таврическому, а к какому-либо иному одноименному пункту (Херсонесу Фракийскому, Херсонесу Великому в Северной Африке, Херсонесу в Сардинии и пр.). Также едва ли можно объяснить только случайностью полное совпадение показаний Плиния и Феофраста по данному вопросу.

Особо следует еще остановиться на находке в Пантикапее в пашенной яме III в. н. э. вместе с обугленными зернами мягкой пшеницы и ячменя очень мелких зерен ржи (*Secale cereale*)². Аналогичная находка имела место и в Киммерике, где в зерновой³ пшенично-ячменной смеси было обнаружено одно зерно ржи. Эти находки подтверждают гипотезу, выдвинутую русскими ботаниками, о том, что рожь вошла в культуру вместе с пшеницей и ячменем, среди которых она первоначально была сорнополевым растением. Необходимо отметить, что аналогичное явление было засвидетельствовано на поселении античного времени на месте города Азова; там среди находок IV в. до н. э. были обнаружены зерна мягкой пшеницы с примесью очень мелких зерен ржи.

Таким образом, на территории Боспорского государства зерна ржи до настоящего времени встречались только как засорители пшеницы. Вместе с тем следует отметить, что, по указанию В. А. Петрова, на Нижнем Дону во II в. н. э. известна рожь не сорнополевая, а представлявшая собою самостоятельную культуру. Зерна этой ржи хранятся в Новочеркасском музее.

Закончив на этом обзор хлебных и бобовых, перейдем к рассмотрению специальных культур.

1 Плиний (Plin., N. H., XVIII, 66) сообщает вес модия пшеницы, привозимой в Рим из различных стран. Пользуясь этими данными Плиния, А. Жарде составил следующую таблицу:

	Вес гектолитра (кг)
Пшеница из Галлии и Херсонеса	74
» » Сардинии	76
» » Александрии и Сицилии	77
» » Беотии	78
» » Африки	81

(А. Жарде. Les céréales dans l'antiquité grecque. Paris, 1925, стр. 32)).

И. И. Никишин. Находка зерен в Керчи. КСИИМК, XXIII, 1948, стр. 84 и сл.

3 Определено А. В. Кирьяновым.

4 К. Фляксберггер. Археологические находки... КСИИМК, VIII, 1940, стр. 118.

6 В. Д. Блаватский

81

По свидетельству Геродота¹, в Скифии растет конопля, весьма похожая на лен, но значительно превосходящая его по толщине и высоте; фракийцы делали из нее одежды, настолько похожие на льняные, что малоосведомленный человек совершенно не мог их различить. В Прикубанье² конопля в диком виде растет и в настоящее время; вполне возможно, что в античное время она культивировалась местным населением и служила для изготовления грубых тканей, отпечатки которых встречаются на металлических предметах.

При раскопках некрополя Фанагории, производившихся М. М. Кобылиной в 1950 г., в одной из могил (№ 27) I—II вв. н. э. были обнаружены частицы ткани, нити которой состояли из волокон конопли (*Cannabis L.*). Эта находка позволяет предполагать культивирование конопли и на Боспоре.

Не подлежит сомнению, что культура конопли в Северном Причерноморье была местного происхождения — ее не могли занести туда греческие переселенцы, хотя бы уже потому, что греческое наименование данного растения — *κάνναβις*, по всей видимости, восточноевропейского происхождения. В. И. Абаев³ считает, что это слово, скрещенное *kan — ris*, где каждая часть означала — конопля; опираясь на осетинское *коп*, он считает, что первая часть *kan*, была скифской, а вторая — *ris*, возможно, финской. Это построение представляется нам натянутым. Конечная *σ* в греческом слове *κάνναβις* к корню не относится и, таким образом, предположение о втором — финском элементе теряет почву. Да и вообще мало вероятно, чтобы в греческом наименовании конопли к скифскому слову было добавлено финское. Естественнее и проще представляется нам сопоставить греческое *κάνναβις* с общеславянским термином: русским — конопля, болгарским — конопи, чешским — сопоре, польским — *konopie*.

Дикорастущая конопля встречается не только в юго-восточной части Европы, но также и в среднерусской полосе⁵. В античную эпоху ткацкое дело было известно и в южных ча-

стях Восточной Европы, где его у фракийцев засвидетельствовал Геродот, и в бассейне верхней Волги и Оки. Изготавливавшаяся, по-видимому, в особых мешочках так называемая текстильная керамика древнейших слоев (VII—I вв. до н. э.) Дьяковых городищ служит тому доказательством. Конопля была известна и на Руси с древнейших времен⁶, в силу этого у нас нет оснований думать, что название ее пришло к нам от греков. Такое объяснение представляется нам более вероятным, чем сложная миграция скифо-финского слова в Грецию и затем оттуда обратно в Восточную Европу, на Русь, где конопля существовала издавна.

¹ Herod., IV, 74. См. также Hesych. Alex. Lexicon. *Καν(v)αβις*.

² Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, № 23, 1951, стр. 148.

³ Определение волокна производилось в Московском текстильном институте. Согласно заключению, нити состояли из волокон пеньки или скорее кенафа. Наличие последнего в античную эпоху на Таманском полуострове мало вероятно, в силу чего материалом для фанагорийской ткани скорее следует признать коноплю.

⁴ В. И. Абаев. Скифский язык. Сб. «Осетинский язык и фольклор». М.—Л., 1949, стр. 170, 198.

⁵ A. Götze. Наш. «M. Ebert. Reallexicon der Vorgeschichte», V, Berlin, 1926, стр. 117.

⁶ А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1947, стр. 101 и сл.
² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 185.

7. ОГОРОДНЫЕ КУЛЬТУРЫ. САДЫ. ВИНОГРАДНИКИ

Доступные нам сведения об огородничестве в Северном Причерноморье весьма ограничены, да и следует думать, что, по сравнению с разведением зерновых культур, оно играло значительно более скромную роль. Геродот¹ говорит о каллипидах и алазонах, разводивших лук и чеснок. Феофраст² рассказывает о луковичах, растущих в Херсонесе Таврическом, т. е. в Крыму. По словам древнегреческого ботаника, эти луковичы были настолько сладки, что их употребляли в пищу сырыми. Наконец, следует упомянуть³ о сладком «скифском корне», который, согласно Феофрасту⁴, рос около Меотиды. Высказывалось предположение, что этот корень был редькой.

Еще менее ясен вопрос о бахчевстве на Северном Понте. Источники об этом ничего не говорят. Мы можем только упомянуть об одном рельефном изображении пирующего Геракла, найденном⁵ в 1912 году в районе Сакского озера в 19 км от Евпатории. Этот памятник, относящийся примерно к III в. до н. э., несомненно местной работы. На рельефе перед Гераклом представлен столик, на котором лежат грозди винограда, яблоки или гранаты и какой-то большой округлый приплюснутый предмет — каравай хлеба или возможно плод. Если последнее предположение справедливо, то в этом предмете следует видеть дыню или тыкву⁶, культивировавшуюся в Мелитинии.

Несколько обстоятельнее доступные нам материалы по садоводству в Северном Причерноморье. Возникновение там садоводства, по всей видимости, относится к довольно раннему времени. По словам Геродота, гелоны имели сады (κῆτους ἐκτιμένους)⁷. Это позволяет высказать предположение о догреческом происхождении хотя бы некоторых плодовых деревьев.

При всяких обстоятельствах садоводство на Северном Понте уже было известно в ближайшее время после основания там полисов, если не одновременно с возникновением последних. В этом отношении весьма примечательно наименование одного из небольших городов Азиатского Боспора Κῆτος, или позднее встречающееся Κῆτος, т. е. Сады или Сад. Кепы были основаны не позднее конца VI в. до н. э.⁸ Это наименование города надежно засвидетельствовано уже в самом раннем перипле Псевдо-Скилака, относящемся к IV в. до н. э., а также у Эсхина. Пет оснований думать, что первоначально Кепы именовались как-либо иначе, название же города не оставляет сомнений в том, что он был расположен в местности, богатой садами.

О плодовых деревьях, которые культивировались на Боспоре, упоминает Феофраст⁹. Он сообщает, что на Понте, около Пантикапея в изобилии растут смоковницы, достигающие значительной величины, и гранатовые деревья, если их покрывать на зиму⁶, там же очень много груш и яблонь различных сортов и хорошего качества. Аналогичные сведения мы находим также и у Плиния.

Дополнением к свидетельствам письменных источников служат археологические находки⁸. В Ди-Тиритаке были обнаружены косточки алычи (*Prunus devaricata*), разновидности сливы, в Мирмийи в слое V в. до н. э. — косточки алычи и маслины (*Olea aleracea*). Вряд ли имеется необходимость доказывать, что маслины на Боспоре могли быть только привозными, так как выращивание плодов оливкового дерева там невозможно по климатическим условиям. Весьма интересно наличие косточек алычи уже в слое V в. до н. э. Это позволяет думать,

¹ Herod., IV, 109.

Между н. э., так как в 494 г. разрушением Милета.

² Ps.- Scyl., 72.

³ Aeschin., III, 171. ⁴ Herod., IV, 17.

⁵ Theophr., h. p., IV, 5, 23.

⁶ Theophr., h. p., VII, 13, 8. См. также Athen. Dipnosoph., VI, 487. Несколько иное истолкование этого текста дает М. Е. Сергеев (см. ее перевод труда Феофраста «Исследование о растениях». М 1951 стр. 133).

⁷ Там же, IX, 13, 2.

⁸ ВДИ, 1947, № 3, стр. 244, прим. 3.

⁹ Plin. N. H., XVI, 137. М. А. Наливкина. О некоторых памятниках античной эпохи

⁸ К. Фляксберггер. Археологические находки. КСИИМК, VIII, 1940, стр. 118.

⁶ Guiraud. La propriété foncière en Grèce jusqu'à la conquête romaine. Paris. 1893, стр. 501.

(Анон.	peripl.	Ponti	Eux.,	74)
Милета	прекратилась	в	500	г.
началась	война	с	персами,	завершившаяся

что садоводство имело место в раннее время и на европейском берегу Боспора.

Меньшими данными располагаем мы для утверждения, что фруктовые деревья разводились в древности и на Гераклейском полуострове. Об этом можно предполагать лишь на основании недавних исследований клера у Круглой бухты, а также свидетельства З. А. Аркаса. Названный исследователь писал в 1845 г., что на этом полуострове имеются большие четырехугольные ограды, заключающие обработанную землю, на которой «и донныне остались одичалые смоковничные деревья и местами иссохшие виноградные корни, огромной толщины».

Последнее указание подводит нас к вопросу о виноградарстве, игравшем довольно значительную роль в сельском хозяйстве северо-понтских городов.

Античные источники, обычно подчеркивающие суровость климата Северного Причерноморья, свидетельствуют о том, что в Скифии в те времена не было культуры винограда. Так, Евстафий Фессалоникский в объяснениях к Илиаде упоминает об изречении Анахарсиса, согласно которому у скифов не было флейтисток, так как у них не было виноградных лоз. Показание декрета в честь Протогена о покупке дешевого вина для ольвийского демоса позволяет заключить, что в III в. до н. э. в Ольвии не было своего виноградарства и виноделия. По свидетельству Страбона, около Борисфена не растет виноградная лоза или, по крайней мере, не дает плодов.

Что же касается более южных приморских областей, а также боспорских земель, то там, по словам того же автора, виноградная лоза дает плоды, но мелкие, а на зиму ее нужно окапывать, засыпая большим количеством земли.

Время возникновения виноградарства может быть установлено по различным данным. Ранее всего оно, по-видимому, появилось на Боспоре. В Мирмикии косточки винограда (*Vitis*

1 По предположению С. Ф. Стрелецкого (Клер Херсонеса Таврического. ВДИ, 1951, № 3, стр. 86 и сл.), некоторая часть (немного более 4 га) клера около Круглой бухты была занята садами.

3. А. Аркас. Описание Ираклейского полуострова и древностей его. ЗООИД, II, отд. 1-е, 1848, стр. 260. Предположение о том, что на Гераклейском полуострове в древности имелись сады, высказывалось еще в литературе первой половины XIX в. См. Е. О следах древнего греческого города Херсона, донныне видимых в Крыму. «Отечественные записки», 1822, № 22, стр. 159. О садах на Гераклейском полуострове писал также Фр. Дюбуа де Монпере (Fr. Dubois de Montpereux. Voyage autour du Caucase... т. VI, 1843, стр. 180 и сл. Atlas, IV Série, таол. XXVI b, рис. 13).

Eust. Commentaria ad Iliadem..., S. C, т. I, стр. 305.

4 IOSPE, I, № 32, A, 20.

5 Strab., II, 1, 16; VII, 3, 18.

6 Так же, I, 16.

vinifera) были обнаружены в слое V в. до н. э.¹ На монетах Нимфея², выпускавшихся в последней четверти V в. до н. э., изображена виноградная кисть. Исходя из этого, можно предполагать, что виноград культивировался на Боспоре уже в V столетии до н. э. Так как для акклиматизации средиземноморской лозы в новых условиях Керченского полуострова потребовалось, вероятно, немалое время, то можно думать, что первые попытки разведения винограда на Боспоре делались уже в VI в. до н. э.

В IV в. до н. э. виноградарство было уже сильно развито на Боспоре. Об этом свидетельствуют распространение в это время культа Диониса, а также и несомненное наличие виноделия, ибо в IV в. до н. э. на Боспоре изготовлялись остродонные амфоры, служившие тарой для вина. Дальнейшее процветание боспорского виноградарства и виноделия подтверждается продолжающимся про

Рис. 31. Монета Нимфея с изображением виноградной грозди

1 К. Фляксбергер. Археологические находки... КСИИМК, VIII, 1940, стр. 118. Менее определенна датировка виноградных косточек, «обнаруженных в Дии-Тиритаке. В упомянутой статье К. А. Фляксбергера говорится, что они относятся к остаткам «греческого периода». Большое количество виноградных косточек очень хорошей сохранности было обнаружено еще в Мирмикии в слое II—III вв. н. э. (В. Ф. Гайдукевич. Боспорская экспедиция. КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 45).

2 А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 163, табл. XXXIX, № 6, 7, 8; E. Minns. Scythians and Greeks, табл. IX, № 8-9.

3 На наличие культа Диониса на Боспоре в IV в. до н. э. указывают находки скульптур, относящихся к этому времени. В 1865 г. в Пантикапее была обнаружена мраморная статуя юного Диониса, вероятно, стоявшая в храме этого бога (ОАК, 1865, стр. VIII, и сл.). В 1934 г. был случайно найден мраморный рельеф IV в. до н. э. с изображением актера, наряженного Силеном, вероятно, для участия в сатирической драме в честь Диониса (изображение рельефа см. рис. 7 на стр. 19).

4 Менее надежно в этом отношении свидетельство Поллена о существовании на Боспоре театров (обычно связанных с культом Диониса) уже во времена Левкона (Polyaen. Strateg., V, 44). Выше мы уже отмечали, что по наблюдениям М. М. Кобылиной с IV в. до н. э. начинается изготовление изображений Диониса в боспорской коропластике.

ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 324.

изводством амфор и находками многочисленных виноделен в Пантикапее, Фанагории, Патрее, вблизи Гермонассы и особенно в Мирмикии и Дио-Тиритаке, где они встречаются с III в. до н. э.

В Херсонесском государстве попытки культивировать виноград, следует думать, начались со времени основания полиса (в 422—421 гг. до н. э.) и освоения херсонессцами Гераклейского полуострова, что произошло примерно в одно и то же время (в конце V в. до н. э.). Виноградарство в Херсонесском государстве развивалось успешно, во всяком случае, в середине IV в. до н. э. там уже существовало настолько развитое виноделие, что потребовалось для него производство специальной тары —

Рис. 32. Монета Тире с изображением виноградной грозди

остродонных амфор¹. В III в. до н. э. появилась необходимость размежевания новых участков под виноградники, проведенного как государственное мероприятие, — об этом говорит надпись в честь Агасикла.

По вопросу о сорте виноградной лозы, возделывавшейся на Гераклейском полуострове, интересные соображения были высказаны Е. Г. Суоровым². Исходя из изображений виноградных гроздей на херсонесских светильниках и надгробиях, он полагает, что в древности на Гераклейском полуострове возделывался сорт каберне фран (*Cabernet franc*), отличающийся высоким качеством. Этот виноград с красными ягодами служит для изготовления легкого столового красного вина, пользующегося в настоящее время широкой известностью. Существует предположение, что названный сорт соответствует битурике (*Biturica*), описанной Колумеллой³. Эта лоза приближалась⁴ к первосортным и обладала исключительным плодородием⁴ и выносливостью.

Выше отмечалось, что, согласно Страбону⁵, около Борисфона, т. е. в районе Ольвии, виноградарство не имело места. Однако в последующее время ольвиополитам, видимо, удалось акклиматизировать лозу. Об этом свидетельствуют две

винодельни¹, относящиеся к I—II вв. н. э., раскопанные в Ольвии И. Е. Забелиным (в 1873 г.) и Б. В. Фармаковским (в 1908 г.).

Несколько иную картину мы наблюдаем к юго-западу от Ольвии — в Тире. На монетах Тире, чеканившихся в III—II вв. до н. э., изображены виноградные гроздья², что позволяет думать о существовании виноградарства в этом полисе уже в догетский период. Все сказанное приводит нас к мысли, что в III—II вв. до н. э. граница виноградарства в Северо-Западном Причерноморье проходила между Тирой и Ольвией.

¹ ВДИ, 1947, № 1, стр. 173.

² Е. Г. Суоров. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесском Таврическом. Уч. зап. МП ПИ, XXVIII, вып. 1, 1942, стр. 109 и сл. ³ Colum. De re rust., III, 2, 19—20.

⁴ Колумелла неоднократно упоминает об исключительном плодородии битурической лозы (Colum. De re rust., III, 7, 1, 9, 1; 9, 3; 9, 7). ⁵ Strab., II, 1, 16; VII, 3, 18.

¹ Сведениям об ольвийских винодельнях я обязан любезному сообщению Л. М. Славина.

² А. Н. Зограф. Древний город Тира-Белгород-Аккерман. КСИМК VIII, 1940, стр. 63 и сл.; его же. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 113, табл. XXVIII, М 17.

8. СИСТЕМЫ ПОЛЕВОДСТВА

По вопросу о системах полеводства и технике земледелия в Северном Причерноморье сведения довольно ограничены. Прежде всего остановимся на тех материалах, которые были добыты археологическими исследованиями на Боспоре. Там, как отмечалось выше, наряду с зернами злаков неоднократно встречались семена бобовых растений.

Деление зерновых культур на злаки и бобовые с полной отчетливостью имело место в древности¹, как в теории, так и на практике. Возможно, что в эллинском мире разведение бобовых растений было даже древнее культуры² злаков. Вместе с тем бобовые, как это ясно из слов Феофраста³, наряду с злаками сеялись в полях, а не причислялись к овощам, выращиваемым в огородах или садах. Эта особенность античной агрикультуры — высевание в полях как злаков, так и бобовых, — заслуживает пристального внимания.

Выше упоминалось об издавна практиковавшемся в Греции оставлении под паром половины пахотной земли, т. е. о применении двупольной системы. С достаточной определенностью об этой системе впервые мы находим упоминание у Пиндара⁴. Предоставление «отдыха» хлебному полю считалось совершенно необходимым условием, дабы земля не истощилась. Об этом свидетельствует одна из аттических надписей, в которой арендатор обязуется засеивать хлебом лишь половину арендованного им участка. Особый интерес представляет следующее затем разрешение засеивать необрабатываемую землю бобами в том количестве, в каком он пожелает *τῆς δὲ ἀρούρης οὐδὲν ὅλο(σιν) ἂν βούλεται*⁴. Эту надпись интересно сопоставить с указанием Плиния¹, согласно которому хлебные поля

лучше всего оставлять через год под паром. Однако если по условиям хозяйства это невозможно, то полбу (т. е. злак) следует сеять на том участке, с которого сняты бобовые: люпин, вика, бобы и вообще те растения, которые удобряют почву. Далее, со слов того же Плиния², мы узнаем о применении в античной агрикультуре различных систем чередования различных культур, но в основном они сводились к смене злаков и бобовых растений.

Приведенные материалы позволяют предполагать, что и на Боспоре, где, очевидно, были известны все достижения земледелия Средиземноморья, могло применяться не только оставление полей под паром и двуполье, но также и чередование хлебных злаков и бобовых.

Как неоднократно отмечалось, о херсонесском земледелии наиболее яркое представление дает хорошо сохранившийся клер, расположенный около Круглой бухты. Исследование этого клера С. Ф. Стржелецким³ позволило установить, что из 30,5 га его общей площади 12,5 га были заняты виноградниками, 4 га садами, около 1 га подсобными участками, а остальные 12 га использовались для прочих целей, прежде всего, нужно думать, для хлебопашества. Наличие среди полей этого клера парных, т. е. одинаковых по форме и размерам, участков заставляет думать о применении там двупольной системы.

Очень важные наблюдения о применении яровых посевов были сделаны А. В. Кирьяновым при исследовании ботанических материалов, добытых раскопками Киммерика в 1948—1949 гг. Там среди зерен злаков обнаружены и семена сорных растений: вьюнка (*Convolvulus S. S. P.*), чертополоха (*Carduus S. S. P.*) и бодяка (*Cirsium S. S. P.*). Семена этих сорняков, как указал А. В. Кирьянов⁵, сопутствуют яровым посевам на старопаханных почвах; эта находка весьма существенно допол-

¹ Plin. N. H., XVIII, 187.

² Там же, 191.

³ С. Ф. Стржелецкий. Клер Херсонеса Таврического. ВДИ, 1951, № 3, стр. 86 и сл.

⁴ Это наблюдение тем более важно, что оно вносит ясность в несколько нечеткое свидетельство Феофраста (Theophr. h. p., VIII, 4, 5.), согласно которому, исключением из легковесных «трехмесячниц» являются понтийские, а яровая пшеница отличается там твердостью, озимая же мягкостью, и эта мягкая пшеница очень легковесна.

⁵ С указанным заключением А. В. Кирьянова о наличии сорняков, характерных для старопаханных почв на Боспоре, перекликаются наблюдения над сопутствующими просу семенами сорняков, обнаруженных при раскопках 1933 г. в районе Сталинграда. Там было обнаружено большое количество сорняков, любящих рыхлую почву, что позволило заключить

¹ Plin. N. H., XIII, 48.

² Theophr. h. p., VII, 1,1; 2,2; 5,6; c. p. IV, 6,7.

³ Pindar. Nom., VI, 10 ll.

⁴ IG, II, 600.

няет наши данные о характере античного земледелия в Северном Причерноморье.

Вполне вероятно, что на Гераклейском полуострове так же как и на Боспоре, применение двуполья состояло не только в оставлении отдыхающего поля под паром, но также и в чередовании хлебных и бобовых культур.

9. ТЕХНИКА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Техника земледелия как в античных государствах Северного Причерноморья, так и у соседивших с ними местных племен была плужная. На это указывает ряд данных. Уже в V в. до н. э. Геродот упоминает о скифах-пахарях (Σκύθαι ἄροτρες)¹. О плужном земледелии на Крымском полуострове говорит Страбон, сообщая о том, какой урожай дает там земля, вспаханная любым плугом или пахарем (διὰ τοῦ τυχόντος ὀρυκτοῦ)². Это указание древнегреческого географа в равной мере относится как к земледелию античных государств, так и местных племен Крыма³. Кроме того, о наличии плужного земледелия на Гераклейском полуострове свидетельствуют находки железных лемехов⁴. О внешнем облике плугов, применявшихся на Боспоре, можно судить по изображению последних на пантикапейских медных монетах второй половины III или II в. до н. э.⁵ Представленная на лицевой стороне тех же монет голова быка указывает на тягловую силу, применявшуюся при пахоте.

¹ Herod., IV, 17.

² Strab., VII, 4, 6.

³ Меньшими данными мы располагаем о технике земледелия у народов, соседивших с азиатской частью Боспора. В Среднем Прикубанье, на территории, занятой в древности меотами, были обнаружены железные земледельческие орудия. М. В. Покровский назвал их лемехообразными (М. В. Покровский. Городища и могильники Среднего Прикубанья. Тр. Краснодар, гос. пед. ин-та, т. VI, вып. 1, 1937, стр. 7, 8); Н. В. Анфимов, датировавший такие орудия I в. н. э., именует их «тяпкообразными земледельческими орудиями». Такое толкование, по всей видимости, более вероятно (Н. В. Анфимов. Новые данные к истории Азиатского Боспора. СА, VII, 1941, стр. 262, рис. 6).

⁴ А. Л. Бертъе-Делагард. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса. ЗООИД, XXVI, 1906, стр. 251.

⁵ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 96 и сл., рис. 8; А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 178 и сл., табл. XLI, № 12.

о повторной обработке земли на том же месте (П. Д. Либеров. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI-II вв. до н.э. "Материалы по истории земледелия СССР". Сб. I. М., 1952, стр. 110 и сл.)

Волы были обычным рабочим скотом во всем Средиземноморье античного времени.

Феофраст² сообщает о том, что около Пантикапея на Понте было много груш и яблонь разнообразных сортов и очень хорошего качества. Это заставляет думать о большом развитии боспорского садоводства. Поскольку в садоводстве греческой метрополии яблоням и грушам не уделялось особого внимания, мож-

Рис. 33. Пантикапейская монета с изображением на одной стороне плуга и на другой — головы быка

но полагать, что эта отрасль боспорского плодородства получила свое развитие не только благодаря местным условиям, но и в результате опыта и труда боспорских садоводов, вырастивших разнообразные и хорошие сорта плодовых деревьев³.

Относительно употреблявшихся в садоводстве приемов ухода за плодовыми деревьями нам известно только из слов Феофраста⁴, который пишет, что на Понте около Пантикапея смоковницы и гранатовые деревья приходилось прикрывать⁵, очевидно, от зимнего холода. Впрочем, беглое упоминание Ксенофонта⁶ об обмазывании грязью и защите верхних частей деревьев особой покрывкой позволяет полагать, что этот прием находил применение и в метрополии. По словам Феофраста, на Понте, около Пантикапея, обмерзание грозило

деревьям в течение сорока дней после зимнего солнцеворота¹. Нужно думать, что климатические условия Северного Причерноморья должны были сказаться и на виноградарстве. Страбон² сообщает, что на Боспоре к зиме виноградные лозы закрывают, накрывая их большим количеством земли.

О технике виноградарства на Боспоре мы можем судить главным образом по хорошему изображению лозы на стенке

Рис. 34. Изображение виноградной лозы на керченском саркофаге 1902 г.

расписного саркофага (I—II вв. н. э.), обнаруженного в Керчи в 1902 г.³ Согласно определению А. М. Белецкого и Г. В. Григорьева, это изображение виноградного куста свидетельствует о культивировании лозы в расстилку⁴. Именно такие стелющиеся лозы — *χαίτης*, выдерживающие сильные ветры, по словам Геопонимиков⁵, культивировались и аттическими виноградарями. Вполне естественна такая культура и на Боспоре, который в древности так же, как и теперь, видимо, был подвержен сильным ветрам, особенно норд-осту.

На хорошо сохранившемся клере около Круглой бухты в отличие от полей, сосредоточенных по преимуществу в низменной северо-западной части владения, виноградники занимали юго-восточную часть имения, отличавшуюся наибольшим падением горизонтали⁶. При этом к северу от виноградников размеща-

1 См. Varr. De re rust. II, 5, 3, 4.

2 Theophr. h. p., IV, 5, 3.

3 М. Е. Сергеев. Примечания к переводу труда Феофраста «Исследование о растениях». М., 1951, стр. 434, прим. 73.

Theophr. h. p. IV, 5, 3.

5 Выше мы уже отмечали несколько иное истолкование этого текста М. Е. Сергеев (см. перевод труда Феофраста «Исследование о растениях». И., 1951, стр. 133).

Xenoph. Oecon., XIX, 13.

¹ Theophr. h. p., IV, 14, 13.

² Strab., VII, 3, 18.

³ В. В. Шкорпил. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 году. ИАК, вып. 9, 1904, стр. 151, 152, табл. XI; М. Ростовцев. АДЖ, СПб., 1913, стр. 275 и сл., табл. LXXI, 2.

⁴ Ампельграфия СССР, I, М., 1946, стр. 176.

⁵

⁶ С. Ф. Стржелецкий. Клер Херсонеса Таврического. ВДВ, 1951. № 3 стр. 87.

лись участки, занятые плодовыми деревьями. Такое расположение деревьев, несомненно, преследовало цель защитить виноградники от северных холодных ветров.

Каменные кладки конденсационных сооружений показывают, что на гераклейском клере лозы высаживались длинными рядами. По словам Аристофана, также длинными рядами (*σπελίδος ὄρχον μισρόν*)¹ располагались лозы и в аттических виноградниках конца V в. до н. э.

Производившиеся в 1950 г. раскопки² клера у Круглой бухты позволили установить глубину плантажа на виноградниках, которая колебалась от 0,5 до 0,7 м. Вместе с тем удалось выяснить, на каких расстояниях друг от друга рассаживались черенки виноградных лоз. По обеим сторонам конденсационных стенок, у их основания выдавливались в скале или выкапывались в материковой глине небольшие лунки диаметром 0,3—0,4 м, в которые рассаживались кусты. Расстояния между рядами кустов были примерно равны $1\frac{1}{3}$ м (точнее, дистанции между рядами, разделенными конденсационными стенками, были немного меньше, а именно 1,25—1,4 м, а дистанции между рядами, разделенными полоской земли, немного больше — 1,6—1,75 м). Интервалы между лунками, лежащими в одном ряду, колебались от 1,3 до 1,4 м, имея более или менее правильный характер, в зависимости от твердости грунта.

Приведенные цифры заметно отличаются от тех, которые нам сообщает³ Колумелла. Согласно указанию древнеримского агронома, лозы высаживались правильными рядами, причем в каждом ряду между чубуками оставались интервалы, равные трем футам (римским), т. е. 0,888 $\frac{1}{4}$ м. Расстояния между рядами при ручной вскопке Колумелла рекомендует оставлять в 5—7 футов, т. е. 1,48—2,07 м.

Исходя из расстояний между рядами и интервалов между лунками, можно установить, какое количество виноградных кустов могло быть в гераклейском клере. Произведенный нами расчет показывает, что на гектар приходится приблизительно 5000 чубуков (или на гектарюг примерно 170). Общее же число чубуков на клере должно было быть 62 500.

¹ Aristoph. Acharn., 995.

² С. Ф. Стржелецкий. Клер Херсонеса Таврического. ВДИ, 1951, № 3, стр. 88—90.

³ Colum., III, 13, 2.

⁴ Там же, 13, 3.

10. ЖИВОТНОВОДСТВО

Более подробны данные по вопросу о животноводстве в Северном Причерноморье. Письменные источники, правда, довольно кратки, но их пополняют остеологические материалы, добытые раскопками античных городов Северного Понта. Геродот, описывая климат Скифии, говорит, что там лошади легко переносят зиму, последняя, однако, совершенно непереносима для ослов и мулов. Далее Геродот сообщает, что по причине холода в Скифии у быков не вырастают рога. Очень близкое свидетельство о домашних животных в Северном Причерноморье мы находим у Страбона². Древний географ подчеркивает, что вся эта страна очень холодна, вплоть до мест, лежащих у моря, между Борисфеном и устьем Меотиды. Далее, по свидетельству Страбона, жители из-за холода не держат ослов, а быки либо рождаются безрогими, либо им приходится отпиливать рога; лошади там водятся мелкие, а овцы — крупные.

Большие площади, раскопанные в малых боспорских городах — Мирмикии и Дии-Тиритаке, позволили собрать обширный остеологический материал. Этот материал был обработан и обобщен главным образом как источник для изучения продуктов питания в древности. Наиболее обильно в Мирмикии и Дии-Тиритаке были представлены кости крупного и мелкого рогатого скота, довольно многочисленны также и кости свиньи. Эти животные служили основной мясной пищей в отличие от лошадей. Кости последних, в противоположность костям быков, встречались нераздробленными. Из домашних птиц встречались кости кур, гусей и уток.

Недавно опубликованная сводка остеологических материалов из раскопок в Мирмикии и Дии-Тиритаке за 1934—1940 гг.⁴,

¹ Herod., IV, 28, 29.

² Strab., VII, 3, 18.

³ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 108 и сл.

⁴ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекии в 1935—1938 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 220.

⁷ В. Д. Блаватский

к сожалению, дает общие цифры, не расчлененные на основные периоды, в силу чего нельзя уловить изменений состава стада. Приведем сведения о домашнем скоте:

Д и а - Т и р и т а к а

Мелкий рогатый скот	99 особей
Крупный рогатый скот	60 »
Свинья	50 »
Лошадь	28 »

При этом костей собак найдено от 31 особи.

Мирмикий

Мелкий рогатый скот	65 особей
Крупный рогатый скот	25 »
Свинья	23 особи
Лошадь	18 особей

Относительно велико количество собак — 54 особи.

При раскопках Пантикапея пока еще были обследованы сравнительно небольшие площади, в силу этого в нашем распоряжении имеется сравнительно небольшой материал. Так, самый крупный раскоп (Верхний Митридатский) 1949 г. дал возможность В. И. Цалкину, определившему все кости животных, установить следующую картину:

V в. до н. э.:	мелкий рогатый скот	5 особей
	крупный рогатый скот	2 особи
IV в. до н. э.:	мелкий рогатый скот	6 особей
	крупный рогатый скот	4 особи
	свинья	2 »
	лошадь	1 особь
III—I вв. до н. э.:	мелкий рогатый скот	11 особей
	крупный рогатый скот	6 »
	свинья	3 особи
	лошадь	2 »
I—II вв. н. э.:	крупный рогатый скот	24 »
	свинья	23 »
	мелкий рогатый скот	22 »
	лошадь	17 особей
	собака	5 »
III—IV вв. н. э.:	крупный рогатый скот	18 »
	мелкий рогатый скот	16 »
	собака	8 »
	лошадь	7 »
	свинья	3 особи
	кабан	2 »

Общее количество исследованных особей, не достигающее двух сотен, даже в соединении с материалами, ранее полученными из Пантикапея, разумеется, не позволяет делать какие-либо окончательные заключения о составе пантикапейского

стада. Здесь особенно нужна осторожность, ибо костные материалы у того или иного городища в большей мере отражают не животноводство прилегающего района, а потребление в пищу различных родов мяса населением данного города. Однако вряд ли можно объяснить только случайностью постоянное преобладание мелкого рогатого скота над крупным в досарматскую эпоху и резкое изменение состава пантикапейского стада в I—II вв. н. э., которое характеризуется господством не мелкого, а крупного рогатого скота, значительной ролью свиньи и лошади и меньшей — собаки. В III—IV вв. н. э. состав стада, видимо, претерпел не очень большие изменения. Крупный рогатый скот по-прежнему стоял на первом месте, возросла роль мелкого рогатого скота, резко упало количество свиней и увеличилось число собак.

Относительно близкую картину дает подсчет остеологического материала, произведенный исследовавшим его В. И. Цалкиным, для других боспорских городищ. Так, находки 1938—1939 гг. в Семибратнем городище дали примерно следующую картину:

V—IV вв. до н. э.:	мелкий рогатый скот	15 особей
	свинья	10 »
	крупный рогатый скот	7 »
	собака	5 »
	лошадь	4 особи
III—I вв. до н. э.:	свинья	11 особей
	мелкий рогатый скот	9 »
	крупный рогатый скот	9 »
	собака	6 »
	лошадь	5 »
Первые века н. э.:	крупный рогатый скот	11 »
	свинья	10 »
	мелкий рогатый скот	9 »
	собака	2 особи
	лошадь	2 »

Таким образом, в Семибратнем городище, так же как и в Пантикапее, для V—IV вв. до н. э. характерно преобладание мелкого рогатого скота, а для сарматской эпохи — крупного. Своеобразной чертой остеологического материала Семибратнего городища является наличие большого количества свиней, в раннее и позднее время занимавших второе место, а в III—I вв. до н. э. даже первое.

По данным раскопок Фанагории в 1948 г., там рогатый скот преобладал над другими видами животных. В этом городе имело место следующее соотношение различных домашних животных:

Мелкий рогатый скот	31%
Крупный рогатый скот	27
Свинья	22
Лошадь	11
Собака	9

К сожалению, последний расчет произведен на сравнительно небольшом материале.

Также невелик по количеству (42 особи) остеологический материал, происходящий из напластований античного времени, обнаруженный в 1950 г. при раскопках одного из синдских поселений на Таманском полуострове около крепости Фанатории, сооруженной А. В. Суворовым. Этот материал представляет особый интерес, так как в отличие от ранее рассмотренного он происходит не из античного города, а из поселения деревенского типа. В этом поселении найдены кости следующих домашних животных:

Мелкий рогатый скот	37,5%
Крупный рогатый скот	34
Лошадь	16
Свинья	12,51

Таким образом, мы не наблюдаем какого-либо особого различия между составом стада на Боспоре в античном городе и синдской деревне; это обусловлено тем, что хозяйственный уклад синдов был близок античному. Вместе с тем отметим значительное отличие состава синдского стада от стада крымских скифов, где первое место занимала лошадь, затем следовал крупный и, наконец, мелкий рогатый скот³.

Несколько иным был состав стада у скифов Днепровского бассейна⁴, где первое место занимал крупный рогатый скот,

1 В. Д. Блаватский. Первый год работы Синдской экспедиции. КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 79, прим. 1.

² Особое место по составу стада среди синдских поселений Таманского полуострова занимает значительное по размерам поселение к западу от Бугазского озера. Раскопки, производившиеся там в 1951 г., дали следующую картину состава стада в сарматский период. Первое место занимает свинья, затем следует крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, лошадь, собака. Сравнительно небольшое количество особей животных, обнаруженных в этом поселении, заставляет нас пока воздержаться от каких-либо решительных выводов. Однако достойна внимания некоторая близость приведенных данных видовому составу стада, наблюдаемому у оседлых племен Прикубанья. Там также разводился крупный и мелкий рогатый скот, лошади и свиньи, занимавшие одно из первых мест в стаде (Н. Анфимов. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953, стр. 52).

³ П. Н. Шульц. Раскопки Неаполя Скифского в 1945—1946 гг. ДАН, 1947, т. LVIII, № 1, стр. 174.

⁴ П. Д. Либеров. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI—II вв. до н. э. «Материалы по

второе — лошадь. Находки костей животных при раскопках городища Каменные Кучугуры (на нижнем Днепре) показывают, что там преобладал крупный рогатый скот (50,1%), за ним следовали лошади (42,1 %); мелкого же рогатого скота было только 6,5%, свиней — всего 0,4%. Исследования Вельского городища дали следующую картину: на первом месте — крупный рогатый скот (41,9%), на втором — лошади (20%), им немногим уступал мелкий рогатый скот (19%), затем следовали свиньи (15,7%), собак было 3,4%.

Таким образом, в степной части Скифии абсолютно господствовали крупный рогатый скот и лошади (более 92%), несколько меньшую роль играли эти животные в стаде лесостепной полосы (около 72%). Такое распространение крупного рогатого скота и лошадей тесно связано с кочевым скотоводством. Поэтому у нас нет оснований сопоставлять доминирующую роль крупного рогатого скота в стаде скифов Приднепровья с тем положением, которое он приобрел в животноводстве северопонтийских государств в эпоху сарматизации. Последнее было вызвано усилением роли сельского хозяйства, приводившего к русификации городов, увеличением значения хлебопашества, для которого был необходим рабочий скот. Отмеченное различие особенно ярко выступает и при сравнении относительно скромной роли лошади в северопонтийских государствах рассматриваемого времени с тем местом, которое она занимала у кочевых скифов.

Перейдем теперь к Ольвии, о животноводстве которой мы располагаем сравнительно богатыми материалами.

Выше мы уже говорили об ольвийском почетном декрете¹, в котором, возможно, упоминается пастушеское поселение — Νορία ὁίον. Это позволяет думать, что в сельском хозяйстве Ольвии скотоводству принадлежала известная роль.

По вопросу о составе ольвийского стада очень интересные сведения были получены в результате обработки остеологического материала, добытого раскопками 1935—1936 гг.² Этот материал сгруппирован по трем периодам: V — IV вв. до н. э., III — I вв. до н. э. и римская эпоха (примерно I—IV вв. н. э.). Приводим таблицу количества особей различных домашних животных и птиц, составленную по данным И. Г. Пидоплички (стр. 102).

Материалы, относящиеся к древнейшему периоду (V—IV вв. до н. э.), довольно малочисленны, поэтому сделанные на осно-

истории земледелия СССР». Сб. I. М., 1952, стр. 95, 98. Несколько иные соотношения см. Б. Граков. СШФ. КНІВ, 1947, стр. 35.

¹ Сб. «Ольвия», т. I. Киев, 1940, стр. 259 и сл., надпись № 1.

² И. Г. Пидопличка. Домашние и дикие животные Ольвии из находкам костей из раскопок 1935 и 1936 гг. Сб. «Ольвия», т. I, Киев, 1940, стр. 203—209.

Т а б л и ц а

Животные	Периоды		I—IV вв. н. э.
	V—IV вв. до н. э.	III—I вв. до н. э.	
Лошадь	6	94	266
	4		
		79	69
	4	86	86
	3	72	73
	2	30	72
	3	71	40
		3	3
		6	1
			3

вании их выводы нельзя считать бесспорными. По доступным нам данным намечается следующая картина. На первом месте стоит мелкий рогатый скот (козы и овцы)¹, затем следует крупный рогатый скот, далее лошадь, после нее собака, последнее место занимает свинья.

Значительно обильнее материал, относящийся к III—I вв. до н. э., где каждый из видов животных был представлен несколькими десятками особей. Первое место, как и прежде, принадлежит мелкому рогатому скоту (козам и овцам), составляющим свыше 37% стада, затем следуют крупный рогатый скот (21%), лошади, возможно, вместе с мулами (около 18%), собаки (16%). Значительно меньше число свиней, совсем невелико количество ослов.

Количество остеологического материала I—IV вв. н. э. еще значительное, чем предшествовавшего периода. На первом месте теперь стоит крупный рогатый скот, роль которого в ольвийском стаде² сильно возрастает: вместо 21% быки теперь

¹ Видимо, с ольвийским овцеводством связано письмо некоего Артикона к своим домашним, вырезанное на свинцовой пластине. Этот документ датируется не позднее чем первой половиной IV в. до н. э. В этом письме Артикон (неизвестно, бывший торговцем, сукновалыльщиком или овцеводом) говорит о переносе части шерсти к некоему Агафарху (В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России (находки 1901—1903 годов). ИАК, вып. 10, 1904, стр. 10 и сл., № 7).

² Ольвийскому стаду первых веков нашей эры, очевидно, было довольно близко по составу стадо, принадлежавшее обитателям Петуховского городища, расположенного на северо-западном берегу Днепровско-Бугского лимана. Там также на первом месте стоял крупный рогатый скот, костей которого было больше, чем костей овцы. Последние в свою очередь

составляют 43,4%. Напомним, что аналогичное явление, увеличение количества крупного рогатого скота в первых веках н. э., мы наблюдали и в Пантикапее.

По сравнению с крупным рогатым скотом остальные виды домашних животных в Ольвии I—IV вв. н. э. были сравнительно малочисленны. На втором месте стоял мелкий рогатый скот (козы и овцы), вслед за ним свиньи и, наконец, лошади, возможно, вместе с мулами. Значительно меньше стало число собак (6 1/2%)—Количество ослов (1/2%) и верблюдов (всего 1/6%) ничтожно.

Птицеводство в Ольвии, видимо, было развито не очень сильно: в пластах III—I вв. до н. э. и I—IV вв. н. э. встречалось небольшое количество костей кур.

Характерной особенностью ольвийского крупного рогатого скота является его комолость². Рогатые быки встречались в Ольвии, но очень редко. Далее следует отметить, что по доступным нам остеологическим данным в V—IV вв. до н. э. ольвиополиты держали лошадей, но не имели ни ослов, ни мулов. Лишь в III—I вв. до н. э. наряду с лошадьми засвидетельствовано наличие мулов и в небольшом числе ослов.

Таким образом, состав ольвийского стада в V—IV вв. до н. э., установленный по остеологическим материалам, находится в соответствии со словами Геродота. Как мы отмечали, «отец истории» сообщает, что лошади легко переносят скифскую зиму, которая совершенно невыносима для ослов и мулов, а по причине холода в Скифии у быков не вырастают рога³. Приведенное сопоставление позволяет предполагать, что в основе свидетельства Геродота лежали сведения о составе стад Ольвии или ее ближайшей периферии.

Несколько неожиданным является заметное падение роли коневодства в Ольвии в послегетский период: если в III—I вв. до н. э. лошади составляли 18% стада, то в I—IV вв. н. э. только 11 1/4%. Это явление идет вразрез с общей характеристикой⁴ жизненного уклада Ольвии, которую дает Дион Хрисостом⁴, и усилением в ней роли местных элементов. Примечательно,

преобладали над костями лошади (М. С. Синицын. Городище у хутора Петуховки Очаковского района по раскопкам 1940, 1949 и 1950 гг. ВДИ, 1952, № 2, стр. 247).

Таким образом, помимо крупного рогатого скота, в Ольвии в I—IV вв. н. э. также резко увеличивается количество свиней (с 6,7 до 11,7%). Аналогичное явление, возрастание роли свиноводства в первых веках нашей эры, мы наблюдали и в Пантикапее.

И. Г. Пидопличка. Домашние и дикие животные Ольвии по находкам костей из раскопок 1935 и 1936 гг. Сб. «Ольвия», т. I, Киев, 1940, стр. 209.

³ Herod. IV, 28, 29.

⁴ Dio Chrys., XXXVI.

что аналогичного явления в этот период мы не наблюдаем в Пантикапее, где, напротив, число лошадей несколько возрастает.

До нас дошел один очень интересный эпиграфический документ, позволяющий говорить об относительной стоимости различных видов рогатого скота в Ольвии. Мы имеем ¹ в виду найденный в 1866 г. в Ольвии декрет коллегии семи ² (*οι ἑπτά*). Этот декрет близок по времени знаменитой надписи в честь Протогена (III в. до н. э.), будучи при этом, вероятно, немного древнее последней. В декрете говорится о размерах сумм, которые полагалось вносить в сокровищницу за различных животных, приносимых в жертву. Согласно этому постановлению, за быка полагалось вносить 1200, вероятно, медных монет, за овцу и козу — 300, за кожу — 60. Отсюда видно, что голова крупного рогатого скота стоила в Ольвии примерно вчетверо дороже, чем мелкого.

Как уже сказано выше, в Северном Причерноморье основным рабочим животным при пахоте и перевозках, потребных в сельском хозяйстве, был бык. Весьма примечательно в этом отношении резкое увеличение роли крупного рогатого скота в Пантикапее и в Ольвии, начиная с первых веков нашей эры. В это время произошло значительное изменение в хозяйстве боспорских городов — они русифицировались. В связи с натурализацией хозяйства население городов, ранее широко занимавшееся ремеслом и торговлей, в большей мере обращается к земледелию. Вполне естественно, что при таких обстоятельствах в пантикапейском стаде должно было возрасти количество быков, являвшихся основным рабочим скотом.

По сравнению с Боспором и Ольвией более скудны наши сведения о составе херсонесского ⁴ стада. Можно только отметить находки Н. М. Печенкина ⁵ на Маячном полуострове. Там в культурном слое античного времени им были обнаружены кости мелкого рогатого скота. Г. Д. Белов ⁶ отмечает, что при раскопках Херсонеса встречались кости крупного и мелкого рогатого скота, а также свиньи и лошади.

¹ IOSPE, I², № 76.

² Там же, стр. 105.

³ Возможно, что с увеличением роли рабочего скота связано также появление в Ольвии некоторого количества ослов и мулов, о чем мы говорили выше. Как известно, ослы выполняли по преимуществу подсобную роль в античном сельском хозяйстве (Vagr. De re rust., II, 6, 5).

⁴ Н. М. Печенкин. Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса. ИАК, вып. 42, 1911, стр. 118.
⁵ Г. Д. Белов. Херсонес Таврический, Л., 1948 стр. 58.

11. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОРУДИЯ

О сельскохозяйственных орудиях в Северном Причерноморье мы можем судить главным образом по археологическим находкам, так как свидетельства древних авторов слишком ограничены. Они сводятся к уже упоминавшемуся указанию Страбона ¹ о том, какой урожай дает земля на Крымском полуострове, вспаханная любым сошником или плугом, а может быть, любым пахарем (*δια του τυχόντος οριχτή*). На применение плугов указывает и свидетельство Геродота ² о скифах-пахарях (*σχυθαί ἀροτήρες*).

По всей видимости, исключительно интересный набор античных сельскохозяйственных орудий был обнаружен в 1903 г. на Гераклеяском полуострове, близ деревни Корань, около Георгиевского монастыря. По словам А. Л. Бертье-Делагарда ³, там наряду с иными предметами были найдены кирки, топоры, лемехи от плугов и серпы. К сожалению, эта замечательная находка не была надлежащим образом опубликована, и дальнейшая судьба этих орудий остается неизвестной. Поэтому совершенно невозможно судить о том, в какой мере эти орудия были близки ⁴ аналогичным инструментам, применявшимся в метрополии, или отличались от последних. Все, что известно о данной находке, это перечисленное выше наименование предметов. Даже дата этих орудий не может быть точно установлена.

В числе находок, происходящих из того же места, что и эти инструменты, А. Л. Бертье-Делагард упоминает, помимо чернолаковых черепков, ряд предметов скорее всего более позд-

¹ Strab., VII, 4, 6.

² Herod., IV, 17.

³ А. Л. Бертье-Делагард. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса. ЗООИД, XXVI, 1906, стр. 251.

⁴ См. Р. В. Шмидт. Очерки по истории горного дела и металлообрабатывающего производства в античной Греции. ИГАИМК, вып. 108, 1936, стр. 284 и сл., рис. 27; Th. Wiegand und H. Schröder. Priene. Berlin, 1904, стр. 387 и сл., рис. 494—507.

него времени (куски медных пряжек, обломки зеркалец). В силу этого названный набор орудий может быть отнесен как к V—II вв. до н. э., так и к сарматской эпохе. Такой же досадной краткостью отличается упоминание Н. М. Печенкина¹ о большом железном, вероятно, сельскохозяйственном орудии, обнаруженном им в одной из усадеб Маячного полуострова.

Представление о внешнем виде плуга, применявшегося на Боспоре, нам дает довольно четкое изображение его на пантикапейских медных монетах² второй половины III или II в. до н. э. Оно полностью совпадает с хорошо известным типом греческого плуга, засвидетельствованным многочисленными изображениями на греческих вазах³, в терракотовых⁴ и бронзовых⁵ статуэтках, а также и с описанием его в поэме Гесиода «Труды и дни»⁶. Такой плуг состоял из дышла, которое соединялось дугообразной скрепой с рабочей частью, в последнюю входили рассоха и рукоять. Рассоха снабжалась сошником, большей частью, нужно думать, железным⁷. Гесиод упоминает только о деревянных частях плуга. Он рекомендовал делать рассоху из дуба, скрепу из искривленного сука падуба, а дышло из вяза или лавра. При пахоте пахарь одной рукой налегал на рукоять плуга, в другой держал бич или палку, которой погонял волов.

Как видно из описания, греческий плуг отличался очень простым устройством и был весьма примитивным орудием. Такой плуг, очевидно, применялся не только на Боспоре, но и в других античных государствах Северного Причерноморья. В связи с этим встает вопрос о плугах, употреблявшихся на Гераклейском полуострове, о находках железных лемехов которых упоминает А. Л. Бертъе-Делагард⁸. Это указание на применение железных лемехов в Херсонесе интересно сопоста-

¹ Н. М. Печенкин. Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса. ИАК, вып. 42, 1911, стр. 118.

² А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 178, табл. ХLI, № 12; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 96 и сл., рис. 8.

³ См., например, E. Pfuhl. Malerei und Zeichnung der Griechen. München, 1923, III, стр. 63, рис. 248; A. Neuburger. Die Technik des Altertums. Leipzig, изд. 3, стр. 86, рис. 140.

⁴ Fr. Winter. Die Typen der figurigen Terracotten. Berlin u. Stuttgart, 1903, I, 36, № ю.

⁵ D. E. L. Haynes. A Group of East Greek Bronzes. Journal of Hellenic Studies, LXXII, 1952, стр. 74 и сл., табл. I.

⁶ Hesiod., Opp. et d., 427—436.

⁷ Несколько более усложненный вариант такого плуга нам известен по изображению на рельефе из Магнесии (Th. Schreiber. Kultur-histogischer Bilderatlas, Leipzig, 1885, табл. LXIV, рис. 7).

⁸ А. Л. Бертъе-Делагард. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса. ИЗОИД, XXVI, стр. 251.

вить с уже упоминавшимся изображением плуга на пантикапейской монете. При внимательном рассмотрении его создается впечатление, что он имеет металлический лемех, прихваченный кольцом к деревянной подошве плуга. О подобных плугах со съемным железным лемехом упоминает Катон¹. Такое приспособление было известно в античном мире уже в VI в. до н. э.²

Можно предполагать, что плуги, которыми пользовались земледельческие племена Северного Причерноморья — меоты³ или скифы-пахари⁴, вероятно, также имели простое устройство и были близки по типу греческому плугу. Железное орудие⁵, найденное М. С. Синицыным на Петуховском городище, побуждает думать, что обитатели побережья Днепровско-Бугского лимана еще в первые века нашей эры были знакомы с железным лемехом. К сожалению, названное орудие дошло до нас в плохой сохранности,

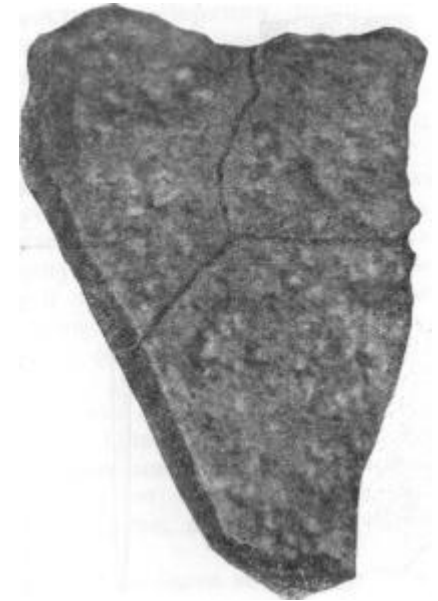

Рис. 35. Лемех плуга (?) из Петуховки

сильно изъеденное ржавчиной. Оно близко по форме равнобедренному треугольнику, ребра которого равны 0,23 м, а основание 0,16 м. Подобный лемех мог быть у двутвального плуга.

Значительно лучше сохранился железный сошник плуга, случайно найденный в 1922 г. в селе Коровинцы Сумской области. Он относится к культуре полей погребений⁶. Рабочая часть

¹ Cato, 135, 2.

² М. Е. Сергеев. Пахота в древней Италии. СА, VII, 1941, стр. 223.

³ Eust. Comm. ad Dion., 163.

⁴ Herod., IV, 17.

⁵ М. С. Синицын. Городище у хутора Петуховки Очаковского района по раскопкам 1940, 1949 и 1950 гг. ВДИ, 1952, № 2, стр. 247,

культуры полей погребений
Левобережья Днепра. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 31 и сл., рис. 20107.

сошника имеет форму довольно сильно вытянутого равнобедренного треугольника.

Таким образом, в настоящее время можно считать достоверно установленным употребление простого плуга в земледелии античных государств Северного Причерноморья. Вместе

с тем мы пока не располагаем какими-либо данными о применении там плугов более сложной конструкции, которые были известны в античную эпоху².

Помимо плуга, употреблявшегося для полевых культур, земледельцами североPontийских государств применялись также различного вида мотыки, которые предназначались для возделывания огородов.

Большое значение для истории земледельческих орудий в древнейшую эпоху на нашем юге имеют недавние находки таковых в Среднем Прикубанье. Два таких орудия были найдены на древнем поселении (№ 2) станицы Пашковской, датируемом I—II вв. н. э.³, а третье — в одном из погребений Краснодарского могильника, относящемся к I в. н. э.⁴ Впервые опубликовавший эти предметы М. В. Покровский назвал их «лемехообразными железными⁵ земледельческими орудиями». Иное

Рис. 36. Меотская мотыка (из станицы Пашковской)

истолкование их предложил Н. В. Анфимов, именующий их «тяпкообразными земледельческими орудиями». Нам пред-

ставляется, что последняя точка зрения, согласно которой рассматриваемые орудия сближаются с мотыками, ближе к истине.

М. В. Покровский¹ опубликовал два таких орудия. Оба они сделаны из железных полос около 0,01 м толщиной. Нижняя, рабочая часть, довольно широкая, с округлыми лопатообразными очертаниями, края ее заострены. Верхняя, втульчатая часть, насаживаемая на клиновидный конец деревянной ручки, несколько уже, отверстий в ней для гвоздей или закрепок не имеется. Размеры этих орудий следующие: длина одного из них — 0,23 м, ширина рабочей части — 0,095 м; у другого: длина — 0,19 м, ширина рабочей части — 0,08 м.

Очень близкое по типу орудие² было найдено при раскопках одного из городов Азиатского Боспора (Семибратнего городища) в слое I в. н. э. Оно в верхней части имеет такую же открытую втулку, охватывавшую деревянную часть инструмента; нижняя же рабочая часть отличается только тем, что имеет менее округлые очертания и несколько приближается по форме к равнобедренному треугольнику (обращенному основанием книзу).

Отмеченная близость инструментов представляется нам заслуживающей большого внимания. Она показывает сходство орудий труда, а возможно, и приемов земледелия у населения Азиатского Боспора и независимых от Боспора обитателей Среднего Прикубанья, во всяком случае, в первых веках нашей эры.

Мотыки (и кирки) наряду с плугами были весьма важными сельскохозяйственными орудиями в античную эпоху. Мотыка, более древнее орудие, чем плуг, не утратила своего значения и с введением плужного земледелия. Согласно Феофрасту, ею разрыхляли крупные комья земли после пропашки плугом³. По словам Гесиода, пользуясь мотыкой, присыпали семена при посеве⁴. Иногда и в античную эпоху мотыка заменяла плуг, если последним нельзя было пользоваться по условию рельефа в горных местностях. Мотыка также широко применялась и при обработке виноградников⁵.

Кирки и мотыки, несомненно, были в числе сельскохозяй-

¹ Ср. Plin., XVIII, 171—173.

² А. В. Арциховский. Социологическое значение эволюции земледельческих орудий. Тр. Социолог, секции Ин-та археол. и искусствозн. РАНИОН, I, 1927, стр. 130 и сл.

³ Эта датировка мне сообщена Н. В. Анфимовым.

⁴ Н. В. Анфимов. Новые данные к истории Азиатского Боспора. СА, VII, 1941, стр. 262.

⁵ М. В. Покровский. Городища и могильники Среднего Прикубанья. Тр. Краснодар, госуд. пед. ин-та, т. VI, вып. 1, 1937, стр. 8.

⁶ Н. В. Анфимов. Указ. соч., стр. 262.

¹ М. В. Покровский. Городища и могильники Среднего Прикубанья. Тр. Краснодар, госуд. пед. ин-та, т. VI, вып. 1, 1937, стр. 7 и сл., рис. 6.

² Н. В. Анфимов. Новые данные к истории Азиатского Боспора. СА, VII, 1941, стр. 262, рис. 6, стр. 266.

³ Theophr. c. p., III, 20, 8.

⁴ Hesiod. Opp. et d., 469—471.

⁵ Plin. N. H., XVIII, 178.

⁶ Colum., II, 13, 3.

ственных орудий и в Северном Причерноморье. Кирки¹ были найдены на Гераклейском полуострове. Двуконечная железная мотыка была обнаружена при старых раскопках Харакса, римской крепости на Ай-Тодорском мысу. Длина этой мотыки была 0,38 м, ширина — 0,23 м. Как нам кажется, харакская мотыка

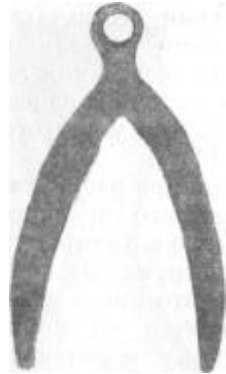

Рис. 37. Мотыка из Харакса

может быть сопоставлена с упоминаемым Колумеллой *pastinum*², двузубым инструментом, которым перекапывали виноградники; менее вероятно видеть в ней мотыку *gastrus* (*gastrum*), о которой говорит Виргилий³. Для уборки урожая употреблялись серпы. Эти орудия неоднократно встречались при археологических раскопках в Северном Причерноморье. Их находили как на Боспоре, в Нимфее⁴, Киммерике⁵ и на Семибратнем городище⁶, так и на Гераклейском полуострове⁷. Хорошо сохранившийся серп был обнаружен в одной из могил некрополя Харакса⁸, точно датированного самым концом III — первой половиной IV в. н. э. Этот серп сравнительно небольших размеров, наибольшая

длина его 0,24 м, ширина лезвия — 0,025 м; черешок, довольно короткий (не более 0,06 м), постепенно расширяясь, переходит в лезвие. Изгиб лезвия невелик, наибольшее расстояние излучины лезвия от прямой линии, проведенной между острым концом серпа и хвостом его черешка, — около 0,05 м.

¹ А. Л. Бертъе-Делагард. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса. ЗООИД, XXVI, стр. 251.

² Colum., *De re rust.*, III, 18, 1.

³ Virgil., *Georg.*, I, 164, 496; R. Billiard. *L'agriculture dans l'antiquité*, Paris, 1928, стр. 58, рис. 2.

⁴ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 98.

⁵ В Киммерике (на южном берегу Керченского полуострова) при раскопках 1950 г., проводившихся И. Т. Кругликовой, был обнаружен обломок железного серпа.

⁶ Н. В. Анфимов. Новые данные к истории Азиатского Боспора. СА, VII, стр. 262.

⁷ А. Л. Бертъе-Делагард. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса. ЗООИД, XXVI, стр. 251.

⁸ В. Блаватский. Харакс. МИА, № 19, 1951, стр. 268 и сл., рис. 11, 2; его же. Предварительный отчет о раскопках в Хараксе в 1932 г. ПИМК, 1933, № 1—2, стр. 59. Погребение № 11. На той же странице фотография погребения, подпись под рисунком искажена редакцией.

Другой серп был найден при раскопках того же некрополя Харакса, в погребении № 10.

Судя по археологическим находкам, железными серпами пользовались также обитатели Среднего Прикубанья. Серпы были обнаружены в ряде погребений, в том числе около станицы

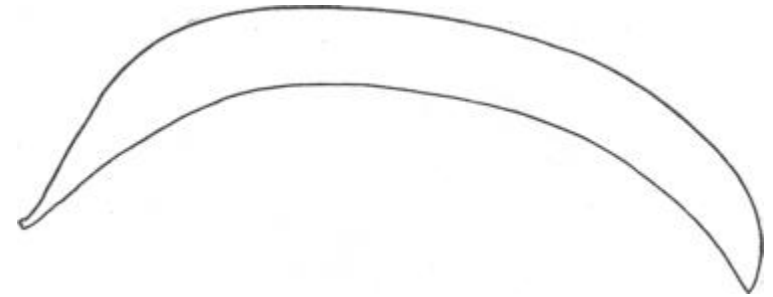

Рис. 38. Серп из Харакса

Елисаветинской¹ и в Краснодарском могильнике². Первые, более раннего времени (примерно IV—III вв. до н. э.), имеют

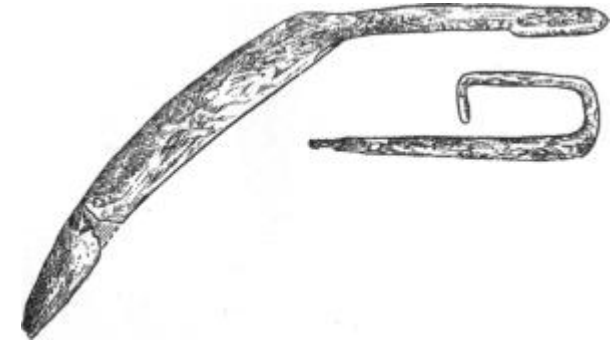

Рис. 39. Меотский серп III—I вв. до н. э. (из погребения № 1 у станицы Елисаветинской)

небольшое, слабо изогнутое лезвие (длиной 0,15—0,17 м и шириной 0,02 м), переходящее под тупым углом в прямоугольный в сечении стержень (0,1—0,12 м длиной), служивший основной рукояти. Вторые, характерные для I—III вв. н. э.,

¹ В. А. Городцов. Елисаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. СА, I, 1936, стр. 178, 185; Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, № 23, 1951, стр. 148 и сл., рис. 1, 1.

² М. В. Покровский. Городища и могильники Среднего Прикубанья. Тр. Краснодар, пед. ин-та, т. VI, вып. 1, 1937, стр. 6, рис. 6: стр. 7 и сл.; Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, № 23, 1951, стр. 149 и сл., рис. 1, 2.

имеют значительно более изогнутое лезвие и довольно короткий стержень. Общие же размеры кубанских серпов, как ранних, так и поздних, примерно равны. Относящиеся к I—III вв. н. э. серпы Прикубанья заметно отличаются от харакского — у них полоса уже, а изгиб лезвия больше.

Рис. 40. Железный серп I—II вв. до н. э. (из могильника у с. Ивановского)

Последнему типу серпов сравнительно близки по форме скифские железные серпы, обнаруженные при раскопках Каменского городища в 1949 и 1950 гг. Длина этих серпов

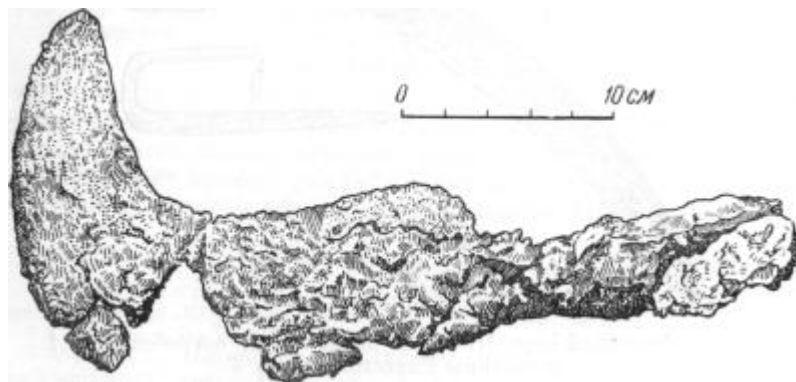

Рис. 41. Нож виноградаря из Пантикапея

достигает 0,22 м, ширина лезвия 0,02 м, при самом большом изгибе в 0,063 м.

Из орудий виноградарей при раскопках были обнаружены специально применявшиеся ими ножи с сильно искривленными массивными лезвиями. Такие ножи были найдены в 1949 г. при раскопках Пантикапея в слое II в. н. э. Лучше сохранив-

¹ П. Д. Либеров. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI—II вв. до н. э. «Материалы по истории земледелия СССР». Сб. 1. М., 1952, стр. 81 и сл., рис. 1.

шийся из них достигает в длину 0,188 м, при этом на лезвие приходится 0,119 м, остальное на втулку, в которую вставлялась деревянная ручка. Диаметр втулки около 0,03 м, ширина лезвия примерно 0,041 м; толщину клинка вследствие покрывшей его коррозии установить трудно. В существующем виде толщина колеблется от 0,003 до 0,005 м.

Рис. 42. Нож виноградаря из Херсонеса

Найденный в 1935 г. в Мирмикии железный нож виноградаря имеет несколько иные, более вытянутые очертания, с крючкообразно загнутой рабочей частью.

Иную форму имеет железный нож виноградаря, хранящийся в Херсонесском музее². Этот нож значительно шире и массивнее пантикапейского. В верхней части тыловой стороны

¹ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекии в 1935—1938 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 184 и сл., рис. 21.

² Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 57, табл. III, рис. 1.

к полосе ножа приставлен небольшой топорик¹. На ручку нож насаживался не посредством втулки, а довольно длинного черешка. Наконец, следует упомянуть изображение ножа на херсонесском надгробии с именем Дулия². У этого ножа очень широкое массивное лезвие, расположенное почти под прямым углом по отношению к сравнительно тонкой ручке.

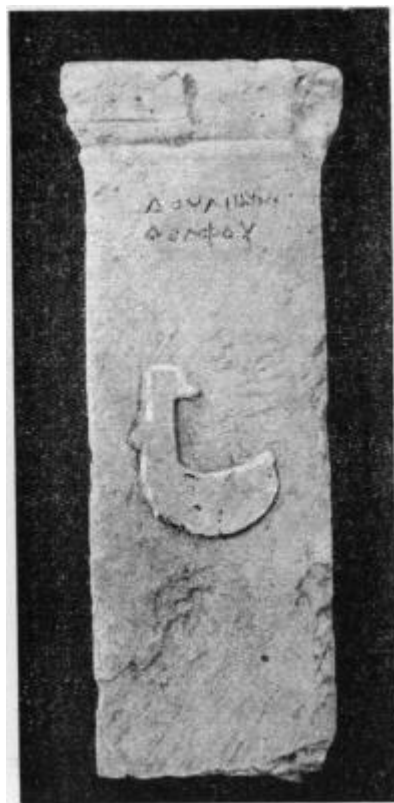

Рис. 43. Надгробие из Херсонеса с изображением ножа виноградаря

Наименее ясными из всех орудий, обнаруженных в Северном Причерноморье, представляются нам топоры. Двухлезвийный железный топор был обнаружен при раскопках Семибратнего городища в слое I в. н. э.³. О топорах имеется еще краткое упоминание в работе А. Л. Бертье-Делагарда⁴. Форма и специальное назначение этих топоров остаются неизвестными. Может быть, ими пользовались только для узко-хозяйственных целей. Вместе с тем вполне возможно высказывать догадки, ставя в связь находку топоров с теми заготовками леса или дров, которые производились на территориях, принадлежавших Херсонесу. Эти заготовки получили отражение в замечательной надписи о продаже

земельных участков¹, где мы находим слово ξυλεύειν. Применялся топор и античными пахарями, когда приходилось обрабатывать землю, заключающую корни кустов и деревьев. Плиний² сообщает, что в таких случаях на рукоятку плуга вешали топорик, которым пахарь перерубал корни, чтобы не вырывать их плугом, насаживая волов.

Наконец, скажем несколько слов о повозках, которые могли употребляться в сельском хозяйстве на Северном Понте. Для решения этого вопроса в высшей степени интересное наблюдение было сделано П. М. Леонтьевым при раскопках одного из некрополей курганов. Исследователь, подметив наличие слоев плотной уезженной земли между пластами более рыхлой, установил, что для насыпки кургана землю возили на больших широких телегах. Такие телеги, вероятно, были четырехколесными. Возможно, что они были близки по устройству к пантикапейским повозкам, известным по терракотовым моделям⁵. Не исключена возможность, что и упоминаемые Диодором обозные телеги (ἀμαξαι), которыми Сатир окружил свой лагерь перед битвой при Фате, были того же типа.

Таковы доступные нам материалы по сельскохозяйственным орудиям, применявшимся на Северном Понте. Они в сущности не отличались от аналогичных инструментов, употреблявшихся в то же время в сельском хозяйстве метрополии. Это сходство орудий труда находит объяснение как в тесных связях Северного Причерноморья с Эгейским бассейном, так и в близком уровне экономического развития этих стран.

¹ Херсонесский нож виноградаря своим более сложным устройством несколько приближается к изображению ножа в одной очень древней рукописи трактата Колумеллы (R. Billiard. *L'agriculture dans l'antiquité*. Paris, 1933, стр. 221, рис. 20).

² Е. Г. Суров. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом. Уч. зап. МГПИ, XXVIII, вып. 1, 1942, стр. 95; Г. Д. Белов. Херсонес Таврический, Л., 1948, стр. 63; его же. Херсонесские винодельни. ВДИ, 1952, № 2, стр. 236, рис. 12.

³ Н. В. Анфимов. Новые данные к истории Азиатского Босфора, СА, VII, 1941, стр. 262, рис. 5.

⁴ А. Л. Бертье-Делагард. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса. ЗООИД. XXVI, 1906, стр. 251.

¹ IOSPE, I2, № 403; IV, № 80.

² Plin., N. H., XVIII, 177.

³ П. Леонтьев. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях. Прописки. IV. М., 1854, стр. 500.

⁴ П. Бенковский. О терракотовых повозочках из Керчи, ИАК, выи. 9, 1904, стр. 63 и сл., табл. IV-VI.

⁵ Diod., XX? 22.

12. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Северо-понтйские сельскохозяйственные постройки лучше всего сохранились на Гераклейском полуострове, где до настоящего времени возвышаются над землей многочисленные руины хорошо укрепленных древних усадеб.

Обилие оборонительных башен на Гераклейском полуострове позволяет заключить, что большая часть, а вернее все находившиеся там усадьбы были хорошо укреплены. Однако это положение не распространяется на западную оконечность данной территории, именуемую Маячным полуостровом. Обследования, произведенные Н. М. Печенкиным¹, установили наличие там окруженных каменными оградами неукрепленных усадеб. Башни «гераклейского типа» не были обнаружены на Маячном полуострове и в последующее время². Отсутствие таких укреплений обусловлено тем обстоятельством, что весь Маячный полуостров был достаточно надежно обеспечен с суши оборонительной стеной, проходившей по узкому перешейку между Казачьей бухтой и морем. Эта стена³, имевшая менее километра (450 сажен) в длину, достигала 2,75 м в ширину и была усилена шестью башнями⁴.

¹ Н. М. Печенкин. Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса. ИАК, вып. 42, 1911, стр. 101 и сл., стр. 116 и сл., стр. 118 и сл.

² К. Э. Гриневич. Исследование подводного города, 1931, стр. 14.

³ К. Косцюшко-Валюжинич. Важное археологическое открытие в Крыму. ИТУАК, № 13 (Год пятый), Симферополь, 1891, стр. 58; А. Л. Бертъе-Делагард. О Херсонесе. ИАК, вып. 21, стр. 197 и сл.; ОАК, 1890, стр. 37—38.

⁴ Примерно в 180 м (85 саженях) к западу от упомянутой стены находилась вторая стена с восемью башнями. Такой же длины, как и первая, вторая стена имела в ширину 1,37 м. План этих стен см. С. Ф. Стржеleckий. Жертвенник Гераклу из т. н. Страбоновского Херсонеса. Отдельный оттиск, стр. 101, рис. 2.

Некоторое представление о неукрепленных усадьбах Маячного полуострова дают нам раскопки Н. М. Печенкина в 1910 г.

Одна из раскопанных тогда усадеб¹, стоявшая у перекрестка двух дорог (около 5 м шириной), занимала площадь не менее 560 м². Усадьба состояла из жилого дома и служб. Дом,

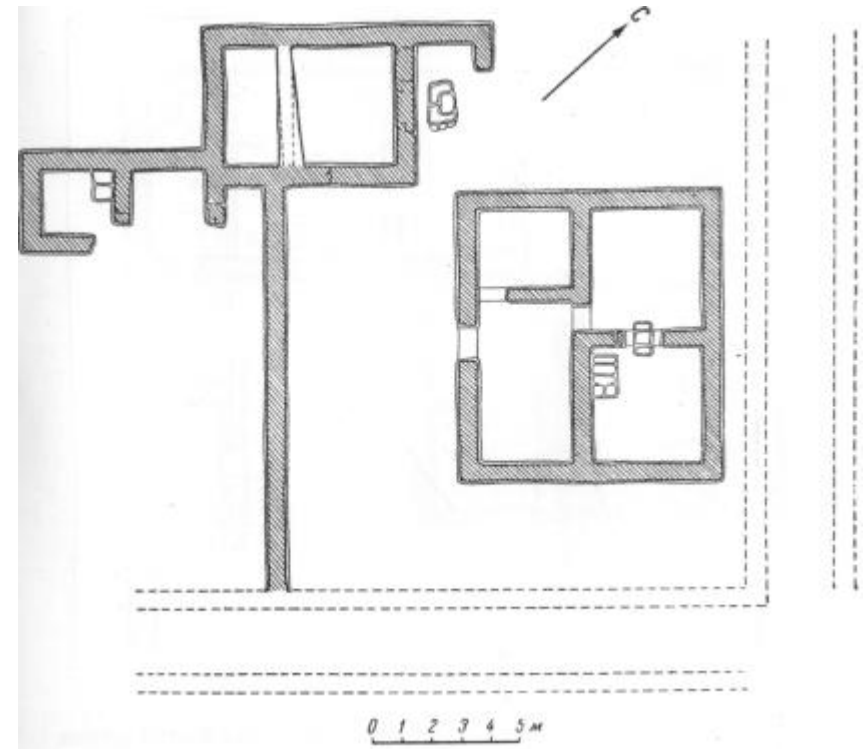

Рис. 44. План усадьбы на Маячном полуострове

площадью около 105 м², судя по наличию в нем каменной лестницы, видимо, был двухэтажным; в нижнем этаже в нем было четыре помещения. По всей видимости, под службы отведено было шесть помещений различной величины, назначение их не освещено исследователем. Во дворе находилась вырубленная в скале цистерна грушевидной формы, не менее 3 сажен (6,2 м)

¹ Н. М. Печенкин. Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса. ИАК, вып. 42, 1911, стр. 112 и сл., рис. 2—8.

глубиной. Судя по находкам, эта усадьба возникла в IV в. до н. э. и наиболее интенсивно жила в III—II вв. до н. э.

Другая усадьба занимала площадь около 520 м², но была застроена гораздо больше, чем предыдущая. Два здания, одно сильно вытянутое, прямоугольное, а другое в виде буквы «Г»,

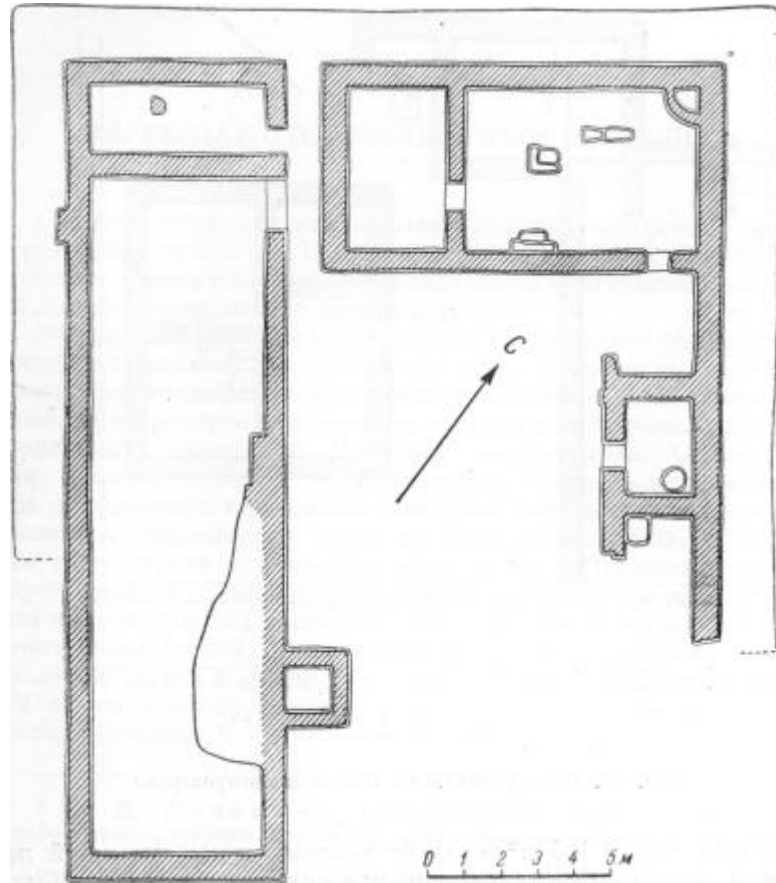

Рис. 45. План другой усадьбы на Маячном полуострове

с трех сторон обрамляли довольно широкий прямоугольный двор. От первого здания сохранилось пять помещений; наличие печи в угловой комнате допускает предположение, что хотя бы часть этого дома была жилой. Другое здание состояло из трех

¹ Н. М. Печенкин. Археологические разведки..., стр. 118—124, рис. 17—22.

помещений, различных по величине, наибольшее из них имело 18 м в длину и 5 м в ширину; назначение его скорее всего было хозяйственным. Среди находок обращает на себя внимание большое количество обломков остродонных амфор, особенно ручек с херсонесскими клеймами, что позволяет думать о винодельческом характере хозяйства. Заслуживает упоминания

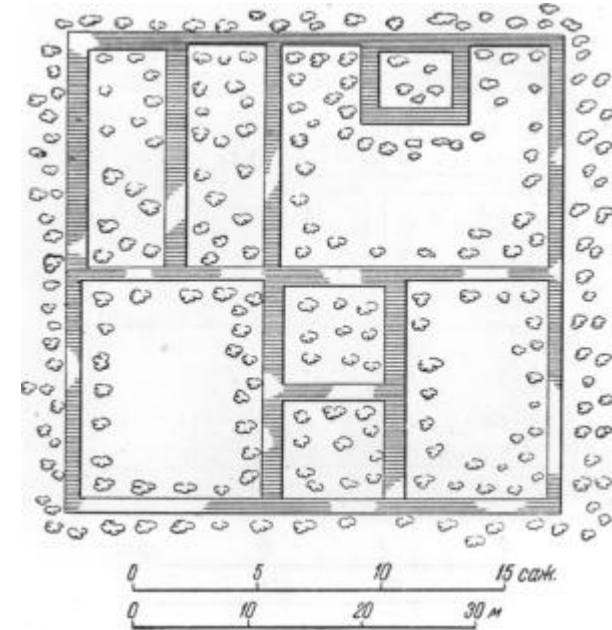

Рис. 46. План усадьбы около хутора Юхарина

венеч глиняной бочки-пифоса¹ со штемпелями и меткой Δ||, что, очевидно, означает 42². Судя по поддающимся датировке находкам, время бытования усадьбы — IV—II вв. до н. э.

Обследование других³ усадеб на Маячном полуострове дало еще меньше материала. Поэтому приходится ограничиться приведенными сведениями.

¹ Н. М. Печенкин. Указ. соч., стр. 123.

² Скорее всего можно думать, что объем обозначен в метретах. Размер метрета 39,39 л, следовательно, емкость пифоса достигала 1654,38 л.

³ Н. М. Печенкин. Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса. ИАК, вып. 42, 1911, стр. 116 и сл.

Повидимому, близкой по характеру к усадьбам, раскопанным Н. М. Печенкиным, была усадьба, частично откопанная в 1931 г. К. Э. Гриневичем (К. Э. Гриневич. Исследование подводного города в 1930—1931 году. М., 1931, стр. 17—22, табл. 3).

Укрепленные усадьбы Гераклейского полуострова издавна привлекали внимание исследователей. Они были известны еще во времена путешествия по Крыму академика Палласа в 1793—1794 гг.¹ О них писал Фр. Дюбуа де Монпере². Довольно обстоятельные и ценные сведения об этих сооружениях находим и у З. А. Аркаса³, который описывал и измерял эти развалины, не прибегая к раскопкам последних.

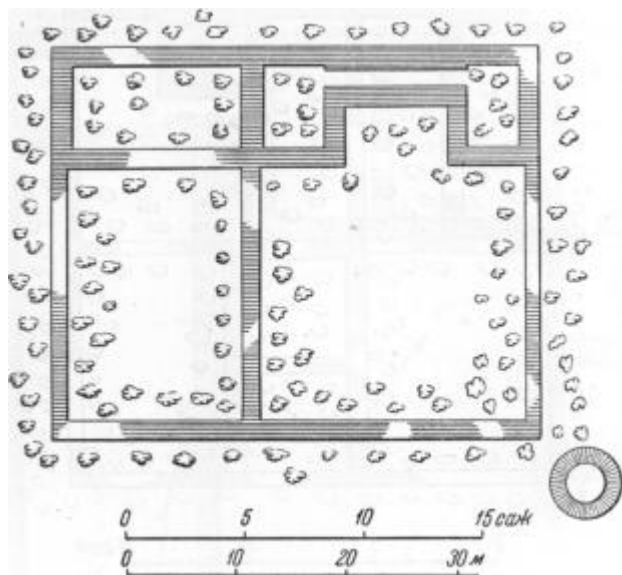

Рис. 47. План другой усадьбы около хутора Юхарина

Интерес к этим усадьбам особенно усилился в 20-х годах текущего столетия, причем особо следует отметить деятельность севастопольских краеведов, с большим энтузиазмом проводивших рекогносцировочные работы, результатом которых явились очень ценные материалы для археологической карты полуострова.

В 1924 г. там производились раскопки И. Н. Борозди-

¹ Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 гг. ЗООИД, XII, ² 1881, стр. 108 и сл.

Fr. Dubois de Montpéroux. Voyage autour de Caucase..., VI, 1843, стр. 183 и сл., 199 и сл., Atlas, I série, табл. XXI; IV série, табл. XXVI b., рис. 12.

³ З. Аркас. Описание Ираклейского полуострова и древностей его. ЗООИД, т. II, отд. 1-е, 1848, стр. 259 и сл.

ным¹, позднее, в 1928—1929 гг., К. Э. Гриневичем², обнаружившими очень интересные памятники, которые до настоящего времени не были надлежащим образом опубликованы.

Мы уже упоминали о том, что количество известных в настоящее время Гераклейских укрепленных усадеб достигло

Рис. 48. Гераклейский полуостров; развалины башни «Прекрасной»

солидной цифры — 128. Вместе с тем нельзя сомневаться в том, что число их в древности было значительно больше.

Характерной особенностью укрепленных усадеб Гераклейского полуострова было наличие в них монументальных крепостных башен. В плане они квадратные или прямоугольные. Длина их различна, но обычно она колеблется в пределах от 8 до 30 м. Стены постепенно суживались кверху, что прида-

¹ Проф. И. Н. Бороздин. Новейшие археологические открытия в Крыму (раскопки на Гераклейском полуострове). М., 1925.

² К. Э. Гриневич. Раскопки Гераклейской экспедиции 1928 г., журн. «Крым», № 2 (8), вып. II, 1928, раздел «Оригинальные статьи», стр. 34—71; е г о ж е. Социологические проблемы исследования прошлого Севастопольского района (по материалам раскопок 1928—1929 гг.), журн. «Крым», № 2 (10), 1929, раздел «Оригинальные статьи», стр. 44—48, рис. 1—2; е г о ж е. Отчетная выставка результатов раскопок Гераклейского полуострова (7 авг.—4 сент. 1929 г.) под руководством К. Э. Гриневича, Севастополь, 1929.

вало башням характерную пирамидальную форму. Эти башни воздвигались из скрепленных пиронами хорошо отесанных громадных блоков, иногда достигающих 1,5 м в длину; кроме того, башни нередко усиливались еще двойной обкладкой стен каменными блоками. Около башен сооружались цистерны для

Рис. 49. Гераклейский полуостров; развалины башни к востоку от башни «Пирамидальной» (деталь)

воды, колодцы, постройки с монументальными стенами и прочные ограды.

Гераклейские усадьбы были различных размеров, представляя собой более или менее сложные строительные комплексы. В более значительных из них была не одна, а две башни и большое количество различных помещений. Еще З. А. Аркас² заметил, что некоторые усадьбы Гераклейского полуострова состоят из нескольких (до десяти и более) помещений с оградой и цистернами. Размеры этих усадеб довольно значительны. Так, одна из них, недалеко от хутора Юхарина, по словам З. А. Аркаса, имела «здание с 11 отделениями или комнатами,

¹ Описание и чертеж разреза такой цистерны см.: Fr. Dubois de Montpereux. Voyage autour de Caucase..., VI, 1843, стр. 185 и сл., Atlas, IV série, табл. XXVIb, рис. 11.

² З. А. Аркас. Описание Ираклейского полуострова и древностей его. ЗООИД, II, отд. 1-е, 1848, стр. 261 и сл., табл. VIII, № 5, 9, 10, 11.

со службами, оградой и площадью. Длина строения 12 сажен (25,2 м), ширина 15 сажен (31,5 м), длина ограды 18 сажен (37,8 м), ширина 30 сажен (63 м)»¹.

И. Н. Бороздин, раскапывавший в 1924 г. укрепленную усадьбу около Александриады, ограничился опубликованием

Рис. 50. Гераклейский полуостров; усадьба у хутора Бермана, северо-восточный угол

общей статьи, в которой очень суммарно остановился на характеристике исследовавшегося им памятника. Со слов И. Н. Бороздина, видно только, что усадьба занимала прямоугольную площадь, примерно 27x24,6 м. Этот участок был обнесен стеной, сложенной из больших блоков; толщина последней 1,7 м. Внутри ограды находилась прямоугольная башня, а около нее две цистерны.

По сравнению с небольшими раскопками И. Н. Бороздина, К. Э. Гриневиц вскрыл в 1928—1929 гг. значительно большую площадь³. Однако, к сожалению, эти работы велись на весьма

¹ Там же, стр. 262.

² Проф. И. Н. Бороздин. Новейшие археологические открытия в Крыму (раскопки на Гераклейском полуострове). М., 1925, стр. 5, рис. 1, стр. 15 и сл.

³ К. Э. Гриневиц. Социологические проблемы исследования прошлого Севастопольского района. Журн. «Крым», № 2 (10), 1929, раздел «Оригинальные статьи», стр. 44—48, рис. 1—2.

невысоком научном уровне¹, в силу чего данными материалами приходится пользоваться с крайней осторожностью. К тому же, хотя отчет К. Э. Гриневича сравнительно обширен, а местами даже изобилует мелочными подробностями, но он не дает

Рис. 51. Гераклейский полуостров; усадьба у хутора Бермана, калитка в северной стене

достаточно четкого представления о разрытом памятнике, ввиду крайней запутанности изложения и неясности мыслей автора.

¹ Это ясно из сообщения руководителя об употреблявшихся им приемах работы: о применении разведочных траншей в 1,1 1/2 и 2 м шириной («Отчетная выставка результатов раскопок Гераклейского полуострова...», Севастополь, 1929, стр. 7), о копании «по слоям», мощность которых достигала 1 м, а датировка их исследователем охватывала тысячелетние периоды. Так, в 1928 г. II слой датировался от III—II вв. до н. э. до VIII в. н. э., а I слой VIII—XIX вв. (К. Э. Гриневич. Раскопки Гераклейской экспедиции 1928 года. Журн. «Крым», № 238), стр. 4d—4э).

В 1929 г. К. Э. Гриневич докапывал тот же самый памятник. При этих работах, которые он сам назвал «логическим продолжением работ 1928 г.» раскапывание велось уже по иным слоям, а именно I слой XII—XX вв., II слой от VI—VII до XI—XII вв., III слой от I до V в. н. э. и т. д. («Отчетная выставка результатов раскопок Гераклейского полуострова...», Севастополь, 1929, стр. 7, 23 и сл.). Не приходится говорить о том, что при такой работе стратиграфия слоев не была надлежащим образом выявлена, а весь материал безнадежно перепутан.

Гораздо отчетливее результаты этих работ описаны Е. Г. Суровым, который кратко характеризует гераклейские усадьбы в своей статье о виноградарстве и виноделии Херсонеса. Несомненно, что К. Э. Гриневич откопал большой комплекс усадебных построек, обнесенный крепкой оградой, сложенной из больших каменных блоков (размером 1,2х0,8х0,65 м) и снабженной бойницами. В этот комплекс входили две башни. Одна из них, почти квадратная в плане, размером 10х11 м, была сложена из больших квадратов и в дальнейшем укреплена обкладкой ее со всех сторон. Кроме того, обнаружены многочисленные помещения, по-видимому, преимущественно хозяйственного назначения, а также цистерны. О назначении усадеб свидетельствуют находки большого блока винодельческого пресса², а равно пифосов и пашенных ям, служивших для хранения хлеба.

Выше, говоря о Гераклейском полуострове, мы отмечали, что находившиеся на его территории башни служили укреплениями для расположенных около них деревенских усадеб. Эта точка зрения отнюдь не является новой, она высказывалась еще в конце XVIII в.³ Недавние попытки несколько по-иному истолковать эти сооружения, связав их с системой обороны Херсонеса, или видеть в них постройки, принадлежавшие государству, в которых сидели помещики, уполномоченные херсонесской общины, уже подвергались критике⁴.

Подобные башни, служившие убежищем в случаях нападений, нам известны не только на Гераклейском полуострове. Их строили античные землевладельцы и в Средиземноморье⁵. Много башен до недавнего времени находилось в довольно хорошей сохранности на острове Тенос, где они служили укрытием на случай набегов пиратов. Башня (πύργος) неоднократно упоминается в найденной на Теносе надписи III — начала II в. до н. э., в которой говорится о продаже земельных участков. Весьма примечательно при этом, что иногда несколько

¹ Е. Г. Суров. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом. Уч. зап. МГПИ, XXVIII, вып. 1, 1942, стр. 121 и сл.

² Г. Д. Белов. Херсонес Таврический, Л., 1948, стр. 57.

³ Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах. 300ИД, XII, 1881, стр. 108.

⁴ Е. Г. Суров. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом. Уч. Зап. МГПИ, XXVIII, вып. 1, 1942, стр. 122—124.

⁵ См. например, Demosth., or. XLVII, 56.

⁶ R. Dareste, B. Haussoullier et Th. Reinach. Recueil des inscriptions juridiques grecques. Paris, 1891, стр. 102.

План одной из них с укрепленным двором (длиной 25 м) издан H. Graillet et H. Frère. Turris, «Daremberg et Saglio, Dictionnaire des antiquités», V, стр. 550.

⁷ R. Dareste, B. Haussoullier et Th. Reinach. Указ. соч., стр. 66, § 8; стр. 72, § 21; стр. 74, § 22 и 24; стр. 88.

собственников совместно владели одной башней. Так, в одной из записей упомянутой теносской надписи говорится, что Ар- тиммах, сын Аристарха, приобрел имение с различными уго- диями и, кроме того, четвертую часть башни с цистерной¹.

Возвращаясь к гераклейским укрепленным усадьбам, еще раз отметим, что монументальные ограды и особенно пирами- дальные башни² могли служить надежным укрытием их вла- дельцам на случай внезапного нападения разбойников или иных недругов. Однако заслуживает внимания и другое обстоятель- ство. Исключительной солидностью в сущности отличаются и другие постройки. Это позволяет предполагать, что хозяева гераклейских усадеб держали своих рабов в помещениях, стены которых не уступали любому эргастулу³, и в силу этого могли служить достаточной гарантией как от побегов, так и иных выступлений. Да и самые пирамидальные башни, в которых вла- дельцы усадеб, возможно, ночевали со своими семьями, нужно думать, могли обеспечить их обитателей не только от внеш- ней опасности, но и от собственных рабов.

Помимо монументальных усадебных построек, не малых трудов и расходов требовало также сооружение каменных стен, со всех сторон ограждавших гераклейские клеры. Видимо, все эти мероприятия вызывались особыми условиями жизни на Гераклейском полуострове, следует думать, более тревожными, чем в метрополии. Во всяком случае в метрополии ограждение каменными стенами обширных садов представлялось непо- сильным расходом. По словам Колумеллы⁴, Демокрит в своей книге, озаглавленной «О земледелии», полагал неразумным строить ограды для садов, так как глиняные ограды не- прочны, а каменные приводят к издержкам, не соответствую- щим значению сооружения, причем ограждение обширного участка требует громадных средств.

Сельскохозяйственные постройки Ольвии и Боспора значи- тельно меньше привлекали внимание исследователей, чем усадьбы Гераклейского полуострова. Активное исследование ольвийской периферии началось лишь в последние годы, и результаты этих очень интересных работ не получили еще над- лежащего опубликования, а поэтому и не вошли в научный обиход.

¹ R. Dareste, B. Haussolier et Th. Reinach. Recueil des inscriptions juridiques grecques. Paris, 1891, стр. 72—74, § 22.

² Пирамидальная форма этих гераклейских построек отмечалась еще в литературе 20-х годов прошлого столетия (Е. О следах древнего гре- ческого города Херсона, видимых в Крыму. «Отечественные записки», 1822, № 22, стр. 160).

³ См. Colum., I, 6 и 8.

⁴ Colum., XI, 3, 2.

На Боспоре внимание исследователей всегда привлекали города или их некрополи, в силу чего по изучению сельских местностей до настоящего времени сделано крайне мало. Од- нако и там нам известен один очень важный памятник, откры- тый А. Е. Люценком в 1870 г., — винодельня на Темир-горе

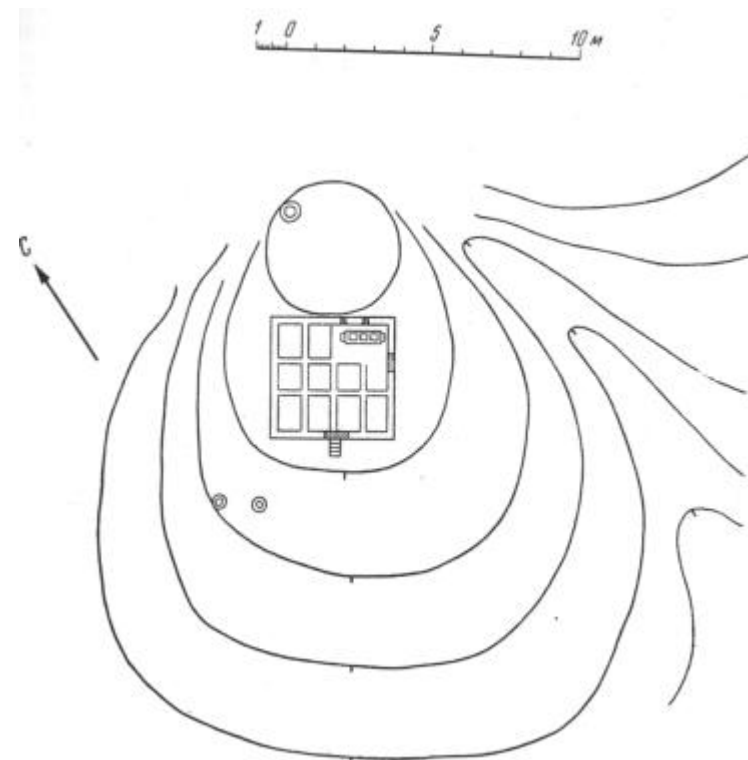

Рис. 52. Схематический план древних сооружений, открытых на Темир-горе в 1870 г.

(около Керчи), которую в известной мере можно считать близ- кой сооружениям Гераклейского полуострова. Этот памятник стал известен благодаря успешным архивным изысканиям В. Ф. Гайдукевича¹.

¹ В. Ф. Гайдукевич. Укрепленная villa rustica на Темир-горе СА, VII, 1941, стр. 45—59.

Должно, однако, отметить, что укрепленную винодельню на Темир- горе вряд ли можно считать отдельно стоявшей усадьбой. Как показали

Усадьба, обнаруженная около кургана на Темир-горе, представляла собою квадратное в плане сооружение размером 20 X 20 сажен (приблизительно 42 X 42 м). Наружные стены этого сооружения имели 3—3 1/3 аршина (т. е. 2,13—2,4 м) в толщину, что могло служить достаточно надежной защитой 1. Северо-восточный угол этого здания занимала винодельня, план которой убедительно восстановлен В. Ф. Гайдукевичем². Она состояла из двух давящих площадок и примыкавшей к ним цистерны, разделенной на два резервуара. Размеры этих резервуаров были: длина 3 аршина (2,13 м), ширина 1 1/2 аршина (1,06 м) и глубина 2 — 2 1/4 аршина (1,42—1,6 м). Наличие винодельни в северо-восточной части здания является бесспорным доказательством сельскохозяйственного назначения последнего. Остальная часть постройки разделена стенами, значительно уступающими по толщине наружным, на восемь прямоугольных помещений. В некоторых из них обнаружены ямы, вероятно, служившие для хранения зерна. Время существования описанной усадьбы — примерно последние столетия до н. э. — III в. н. э.

Начатые нами в 1950 г. исследования сельскохозяйственных поселений Синдики еще далеки до завершения. Однако уже в настоящее время можно утверждать, что в синдских поселениях сооружались монументальные каменные постройки и вымостки.

разведки, производившиеся в 1952 г. И. Д. Марченко, вокруг места раскопок А. Е. Люценко на значительном протяжении наблюдается культурный слой, ввиду чего можно думать, что винодельня находилась в древнем поселении.

Около усадьбы находились круглые башни, назначение которых не вполне ясно.

² В. Ф. Гайдукевич. Укрепленная villa rustica на Темир-горе. СА, VII, 1941, стр. 53, рис. 5.

13. ОБРАБОТКА И ХРАНЕНИЕ ПРОДУКТОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

О вопросах обработки и хранения продуктов сельского хозяйства можно судить главным образом на основании археологических данных. Остановимся сначала на зерновых культурах. Естественно, что собранный урожай хлеба обмолачивался. Какова была техника молотбы в Северном Причерноморье, нам неизвестно. Следует думать, что она едва ли отличалась от приемов, применявшихся в метрополии. По свидетельству Ксенофонта¹, там для молотбы служил всякого рода подъяремный скот — волы, мулы, лошади. Молотильщики гоняли животных по кругу, подбрасывая им под ноги пучки колосьев, из которых скот копытами выбивал зерна. Поскольку скота в Северном Причерноморье было никак не меньше, чем в метрополии, то нужно думать, что описанная Ксенофонтom система молотбы находила в древности широкое применение и на нашем Юге.

Для хранения зерна в древности применялись глиняные бочки-пифосы, обычно почти целиком закапывавшиеся в землю², и пашенные ямы.

Пифосы и особенно их фрагменты нередко встречаются при раскопках античных городищ Северного Причерноморья, и у нас нет оснований сомневаться в том, что и там они частично служили зернохранилищами. Во всяком случае, известны находки разбитых или треснувших пифосов³, починенных только

¹ Xenoph. Oecon., XVIII, 4, 5.

² Закапывание пифосов в землю было настолько распространено, что даже в тех случаях, когда полом кладовой служила материковая скала, не останавливались перед такой трудоемкой работой, как вырубание в скале специальных гнезд для пифосов. См. В. Лисин. Обзор археологических раскопок Херсонеса в 1937 г. ВДИ, 1939, № 2, стр. 139 и сл., рис. 4.

³ Примером может служить пифос, найденный в Пантикапее в 1946 г. Этот сосуд, треснувший в древности, был починен посредством

свинцовыми скрепами, Отсутствие последующей промазки швов, применявшейся, согласно письменным источникам¹, при ремонте винной посуды, свидетельствует, что такие пифосы употреблялись только для хранения сыпучих тел, скорее всего зерна.

Рис. 53. Пифос из Ольвии

На использование пифосов для хранения зерновых продуктов указывает также находка горелого проса среди обломков пифосов в кладовой известного ольвийского дома II в. до н. э., раскопанного Б. В. Фармаковским². В этой кладовой сохранились нижние части семи пифосов (первоначально, по всей видимости, их было двенадцать).

В иных случаях, помимо пифосов, для хранения зерна употреблялись и остродонные амфоры. Так, в доме I—III вв. н. э.³ обнаруженном в Киммерике при раскопках 1948 г., пшеница и ячмень хранились в больших позднебоспорских остродонных амфорах.

Помимо пифосов, для хранения зерна в широком ходу были также зерновые ямы, которые постоянно встречаются при раскопках античных городов Северного Причерноморья. Не мало их было обнаружено⁴ и при упоминавшихся выше раскопках Б. В. Фармаковского⁴ в Ольвии. Среди ольвийских пашенных ям отметим грандиозное по размерам зернохранилище, сооруженное, по-видимому, в III в. до н. э.⁵. Эта яма имела грушевид-

ную форму, глубина ее достигала 6,1 м, диаметр сверху — 1,5 м, внизу — 4,4 м. Таким образом, емкость ямы равнялась почти 60 м³. В яме были обнаружены остатки зерновых продуктов.

Рис. 54. Пифос из Херсонеса

семи свинцовых скреп (В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1945 г. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 106).

¹ Cato, 39, 1—2.

² Б. В. Фармаковский. Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг. ИАКЗ, вып. 13, 1906, стр. 74—75.

³ И. Б. Зеест. Раскопки Киммерика в 1947—1948 гг. ВДИ, 1949, № 3, стр. 97; е е же. Киммерикская мукомольная мастерская и зерновое хозяйство Боспора. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 99; е е же. Жилые дома древнего Киммерика. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 192.

⁴ Б. В. Фармаковский. Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг., ИАКЗ, вып. 13, 1906, стр. 76, 77, 80, 81, 104, 105, 107, 108.

⁵ Там же, стр. 76, 103 и сл.

На Боспоре зерновые ямы особенно широко применялись в сарматскую эпоху. Как бы промежуточное место между пифосом и простой пашенной ямой занимает яма-зернохранилище, обнаруженная в 1946 г. в Мирмикии¹. Стенки этой ямы были обмазаны глиной и затем обожжены; таким образом, получалось достаточно сухое помещение, которое вместе с тем было трудно доступно для землероек. Ямы аналогичного устройства,

¹ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., стр. 98, 503, прим. 10.

Рис. 55. Нижняя часть пифоса из Пантикапея со следами ремонта, произведенного в древности (раскопки 1945 г.)

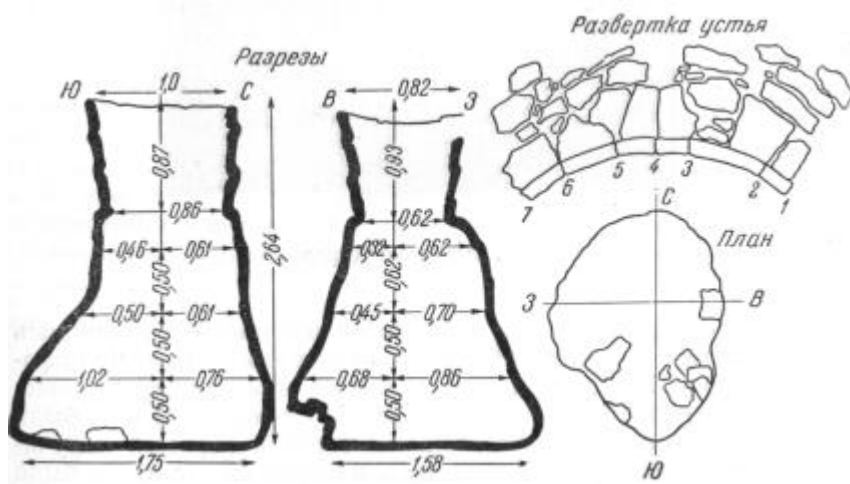

Рис. 56. Разрезы и план зерновой ямы в Пантикапее (раскопки 1945 г.). Измерения даны в метрах

Рис. 57. Верхняя часть зерновой ямы, открытой в Пантикапее в 1945 г.

по-видимому, сооружались и в других городах Боспора¹.

Большой комплекс пашенных ям², обнаруженный при раскопках Пантикапея в 1945—1946 гг., был сооружен без таких предосторожностей. Эти зернохранилища, в одном из которых обнаружены зерна мягкой пшеницы, ячменя и ржи³, представ-

ляли собою ничем не облицованные ямы, вырытые в культурном слое городища; лишь немногие, наиболее глубокие из них, нижней частью врезались в материк.

Пантикапейские ямы имели грушевидную форму. Дно их плоское или вогнутое. Такую яму обрамляли частично нависавшие над ней грубо наломанные плоские плиты, образуя горловину, иногда столь узкую, что человек может протиснуться через нее только с трудом. Горловину окружал воронкообразный венец из грубо отесанного камня, представляющий некое подобие колодца. Когда яма была заполнена зерном, ее закрывали крышкой, накрывавшей горловину, и засыпали землей вровень с краями венца. Крышкой служила плоская плита,

¹ По определению М. М. Кобылиной, остатки разрушенной зерновой ямы такого типа были обнаружены в Фанагории при раскопках в 1948 г. Эта яма также была облицована глиной, которую затем подвергли обжигу.

² И. Б. Зеест. Земляные зернохранилища Пантикапея. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 80—83.

³ И. И. Никишин. Находка зерен в Керчи. КСИИМК, XXIII, 1948, стр. 84—85.

обычно почти квадратная, с закругленными углами. Размеры ям различны. В среднем глубина их 2—2,5 м, наибольшая ширина 1,7—1,8 м, диаметр каменного венца 0,8—1 м, а емкость 3,5—4 м³. Одна из ям, дошедшая до нас в разрушенном виде, имела глубину около 4 м, а диаметр нижней части достигал 2,5 м. Таким образом, емкость наиболее крупных ям могла достигать 16 м³.

Рассмотренный комплекс пантикапейских зерновых ям относится к III—IV вв. н. э. Наличие такого значительного зернового хозяйства в черте города, на месте, где в III—II вв. до н. э. находились богатые жилые дома, позволяет говорить о заметной рустификации Пантикапея в поздний период его существования. Следует думать, что это изменение хозяйственного облика горда находится в известной связи с сарматизацией последнего. В этом отношении весьма примечательна стена, служившая оградой описанного выше зернового хозяйства. Достигавшая в ширину 1,2 м, она была выложена из громадных грубовыломанных каменных глыб, между которыми были проложены мелкие камешки. Другими словами, строительные приемы, употреблявшиеся при сооружении ограды нашего зернового хозяйства, неразрывно связаны не с античными традициями, а с навыками, принесенными на Боспор местными племенами.

Но данное замечание относится только к условиям сооружения пантикапейского хозяйственного комплекса, а отнюдь не к вопросу о возникновении самих пашенных ям, так как зерновые ямы широко применялись во всем античном мире. Об этих ямах упоминает Колумелла², сообщая, что их сооружают в некоторых провинциях за морем, вырывая в земле, наподобие колодца. Подробнее о пашенных ямах говорит Плиний³. Согласно последнему, такие зерновые ямы — сиры — применяются в Каппадокии, Фракии, Испании и Африке. Сиры должны быть вырыты в сухой земле, выстланы мякиной, а затем в них следует ссыпать хлеб в колосе. По свидетельству Варрона, переданному Плинием, ссыпанная таким образом пшеница сохранялась 50 лет, а просо — 100 лет⁴.

Как показали раскопки Фанагории⁵, там, в зерновой яме II в. н. э., хранилось пшеничное зерно не в колосьях, а хорошо обмолоченное и хорошо отвеянное (согласно определению В. А. Петрова). Так же хорошо обмолочены и отвеяны были

¹ В. Д. Блаватский. Северопонтийские города в конце II—I вв. до н. э. Вести. Москов. ун-та, № 7, 1949, стр. 60 и сл.

² Colum. De re rust., I, 6, 15.

³ Plin. N. H., XVIII, 306.

⁴ Там же, 307.

⁵ Раскопки М. М. Кобылиной в 1948 г.

зерна пшеницы двузернянки, найденные в 1948 г. в Фанагории, в слое I в. н. э.

Перед засыпкой зерна в пашенные ямы иногда применялось окуливание их с целью дезинсекции. По указанию В. А. Петрова, одна из зерновых ям в Нимфее, содержащая пшеницу, была обкопчена посредством сжигания в ней можжевельника.

Зерно хотя бы в некоторых случаях подвергалось просушке в особых печах. Вероятно, именно такая печь была обнаружена

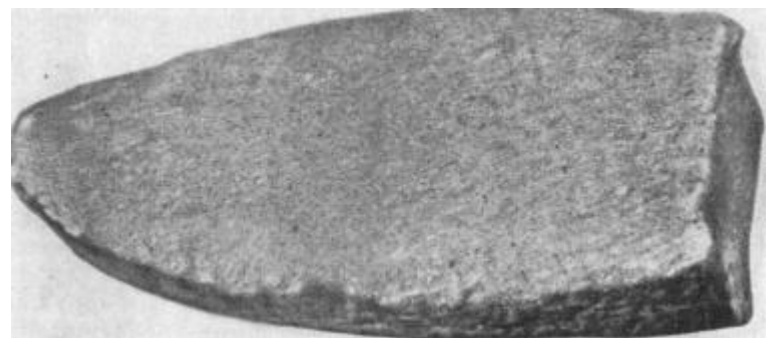

Рис. 58. Гранитная зернотерка из Пантикапея конца VI в. до н. э. (раскопки 1952 г.)

в 1949 г. при раскопках древнего поселения у Широкой балки, в 1,5 км к югу от Ольвии. Она была сооружена из сырцовых кирпичей и имела в длину 2,6 м, а в ширину 2,2 м.

Об обработке зерна в Северном Причерноморье можно судить по многочисленным находкам зернотерок, различного рода жерновов и каменных ступок. Ступки служили для приготовления крупы, жернова — муки.

Наиболее ранней по типу является зернотерка, обнаруженная в 1952 г. при раскопках Пантикапея в одном из помещений дома Коя. Она датируется концом VI в. до н. э. или, самое позднее, первыми годами V в. до н. э. Эта зернотерка, сделанная из гранита розовато-лилового цвета, имеет ладьевидную форму с совершенно гладкой нижней рабочей поверхностью. Ширина зернотерки — 0,18 м, высота 0,097 м, в длину она сохранилась

¹ Е. И. Леви. Итоги Ольвийской экспедиции. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 183 и сл.; Л. М. Славин. Древний город Ольвия. Киев, 1951, стр. 63; Б. М. Рабичкин. Поселение у Широкой балки. КСИИМК, XL, 1951, стр. 117 и сл., рис. 32, 2.

на 0,34 м, первоначальная же длина, вероятно, была около 0,45 м. Как показывают аналогичные орудия, найденные в Олинфе I, подобными ладьевидными зернотерками перемалывали зерно в муку на плоских каменных плитах. Размеры таких плит, обнаруженных в Олинфе, колебались от 0,45 до 0,59 м в длину, от 0,3 до 0,45 м в ширину, при толщине 0,05—0,07 м.

Работа названным орудием была мало эффективной, результаты ее могли удовлетворить только домашние потребности. В дальнейшем ручная зернотерка была вытеснена более совершенной ручной мельницей. Эти мельницы², восходящие, вероятно, к V в. до н. э., известны нам по находкам их в античных городах Эгейского бассейна, они встречались также и в Северном Причерноморье.

Подобная мельница была найдена при раскопках Киммерика в 1948 г.³, давших нам особенно яркое представление об античном мукомольном деле в Северном Причерноморье. Там был обнаружен дом, существовавший в I—III вв. н. э., одно из помещений которого служило для обработки зерна (судя по находкам пшеницы и ячменя). В этом помещении найдены две ступки, жернова и столик для них.

Одна из ступок тщательно вытесана из камня. По наружным очертаниям она почти цилиндрической формы, но суживается книзу. Высота ее равна 0,64 м, диаметр — 0,5 м, углубление в ней имеет диаметр 0,2 м, а глубину — 0,5 м.

Другая ступка высечена более грубо из прямоугольного блока, высота ее — 0,7 м, ширина — 0,5 м. Нижняя часть ступки была врыта в землю, при этом сильно суживающееся глубокое дно ее находилось несколько ниже уровня пола. Диаметр углубления сверху равен 0,22 м.

Невысокий столик из больших необработанных камней служил, по всей видимости, основанием для жерновов. Оба жернова высечены из красного гранита. Нижний жернов представлял собою довольно тонкую, немного вытянутую, прямоугольную плиту с слегка округленными краями. Размеры ее 0,63 X X 0,43 м. Верхняя поверхность нижнего жернова слегка вогнута посередине и постепенно повышается к приподнятым краям узких сторон. На поверхности имеются пять неглубоких бороздок.

¹ D. M. Robinson и J. W. Graham. Excavation at Olynthus. VIII, Baltimore, London, Oxford. 1938, стр. 326 и сл., табл. 79, 1—4 и 5—7.

² Там же, стр. 327 и сл., табл. 79—80; Th. Wiegand и H. Schröder. Priene. Berlin, 1904, стр. 376, рис. 474, стр. 393 и сл., рис. 524—525.

³ И. Б. Зеест. Киммерийская мукомольная мастерская и зерновое хозяйство Босиора. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 97—99.

Сложнее устройство верхнего жернова (толкача). Он несколько толще нижнего, но также имеет прямоугольную форму

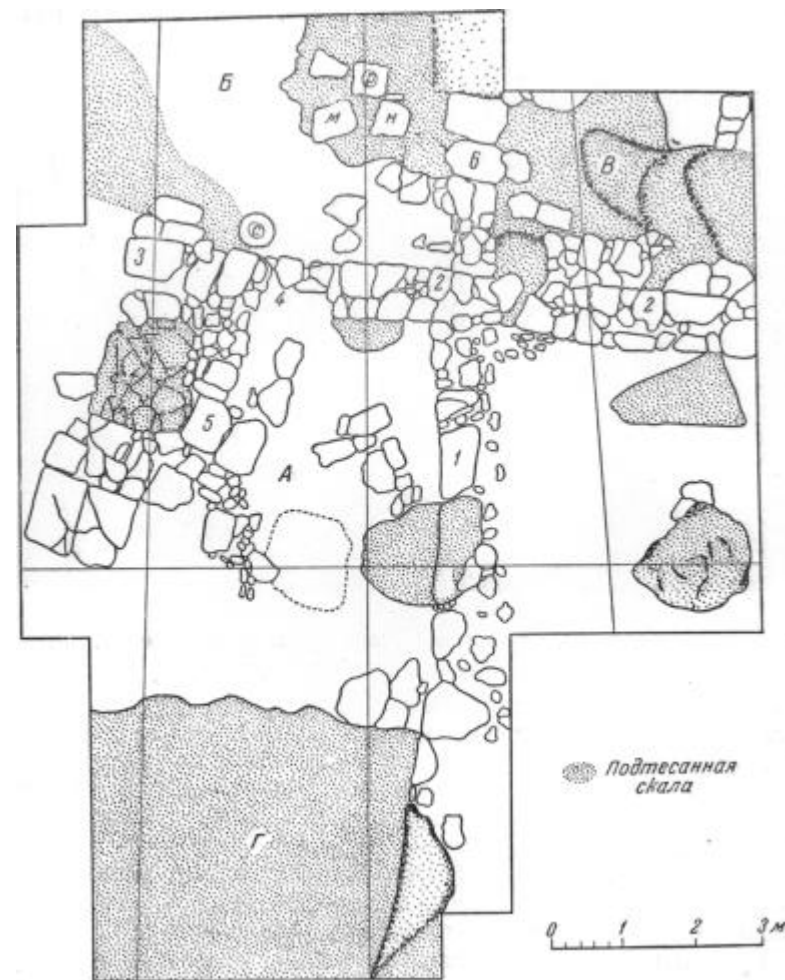

Рис. 59. План здания с мукомольней в Киммерике (раскопки 1948 г.)

А — открытый дворик; Б — Б' — северные помещения; Г — южное помещение; 1 и 2 — подпорные стены; 3 — лестница; 4 — окно; 5 — кладка стены с порогом; 6 — стена, пристроенная впритык; М — жернов; Н — столик, сложенный из камней; Р — С — каменные ступы

со слегка округленными углами. Сверху в жернове воронкообразное (точнее, пирамидальное) углубление, заканчивающееся

прорезом в виде узкой щели. Нижняя, рабочая поверхность жернова, чуть выпуклая, покрыта неглубокими бороздками.

Нижний жернов был неподвижным, верхний приводился в движение вдоль него особым рычагом. Один из концов этого рычага прикреплялся к установленному на столе вертикальному

Рис. 60. Ступка на мукомольне в Киммерике

стержню. Средняя часть рычага соединялась с верхним жерновом посредством специальных выемок в последнем. Другой конец рычага толкали то вперед, то назад, приводя таким образом жернов в движение. Зерно насыпалось в углубление верхнего жернова. При движении оно проникало через щелевидное отверстие и перетиралось между жерновами в муку.

Обработка зерна подобными жерновами хорошо известна по рельефному изображению на вазе из Беотии эллинистического времени, где представлена мукомольня.

Ручная мельница, состоящая из пары подобных жерновов, была случайно обнаружена в 1951 г. на одном из синдских поселений, примерно в 10 км к юго-востоку от станицы Таманской.

В 1950 г. при раскопках одного из синдских поселений около Гермонассы был найден нижний жернов в виде тонкой плиты (толщиной — 0,04 м, длиной — 0,55 м, шириной — 0,31 м) и, вероятно, относящийся к нему обломок верхнего жернова. Слой, в котором была обнаружена эта находка, позволяет

закljučить, что жернова-толкачи применялись в Синдике в III—II вв. до н. э. ¹

Аналогичного типа жернова², сделанные из крепкого дикого камня, белого с синеватым оттенком цвета, были обнаружены

Рис. 61. Ручная мельница из Киммерика (раскопки 1948 г.)

В. Сизовым при раскопках городища возле станицы Раевской, но получили в отчете названного исследователя совершенно

¹ В. Д. Блаватский. Первый год работы Синдской экспедиции. КСИМК, XLVIII, 1952, стр. 74 и сл., рис. 22, I.

² В. Сизов. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. МАК, вып. II, 1889, стр. 128 и сл., рис. 48, табл. XXIII, 3.

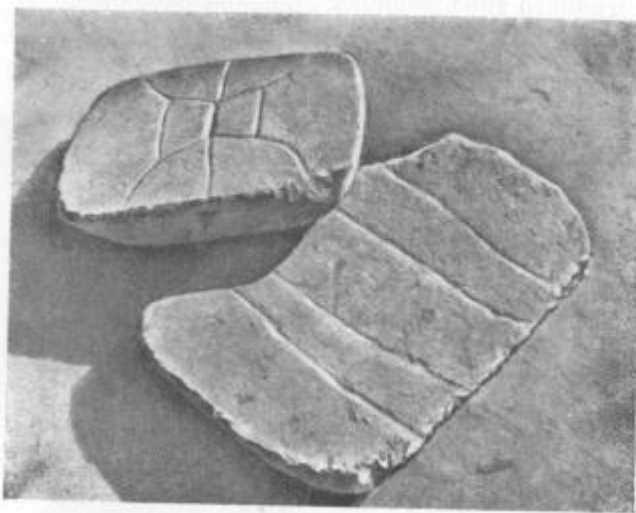

Рис. 62. Ручная мельница из Киммерика (жернова с рабочей стороны)

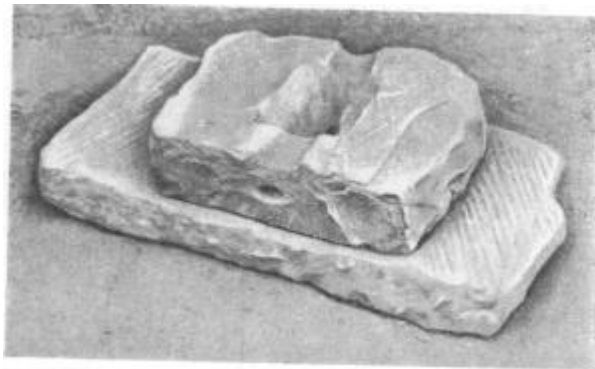

Рис. 63. Синдская мельница, найденная в 1951 г.

неправильное истолкование.¹ Подобного типа жернова известны также и в Прикубанье¹.

Такие же ручные мельницы проникли и в Нижнее Поднепровье, как об этом свидетельствует находка верхнего жернова² в городище Золотая балка, расположенном примерно в 75 км вверх по Днепру от города Берислава.

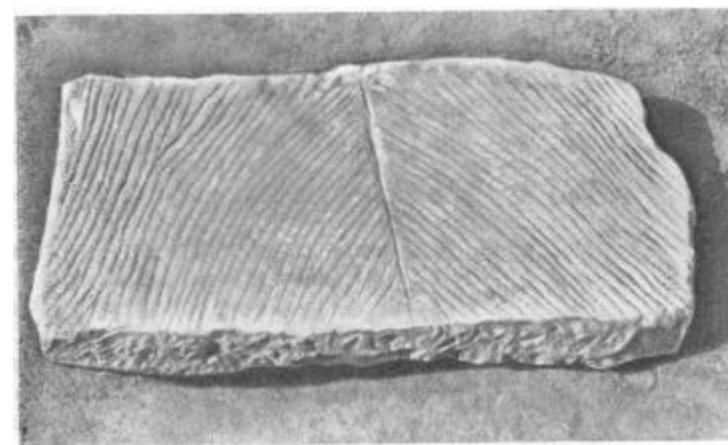

Рис. 64. Нижний жернов синдской мельницы, найденной в 1951 г.

Помимо жерновов типа прямоугольных толкачей, в Северном Причерноморье имел применение и другой тип жерновов — круглых, вращающихся. Подобные жернова, размером от 0,3 до 0,4 м в диаметре, были обнаружены при раскопках Харакса, Среди них особенно интересна пара жерновов, в настоящее время хранящихся в Ялтинском музее. Неподвижный **НИЖНИЙ** жернов имеет форму невысокого конуса, верхний — снизу и сверху конусообразные выемки, соединяющиеся круглым сквозным отверстием. Высота обоих жерновов, положенных друг на друга, достигает 0,24 м, наибольший диаметр их около 0,35 м. Для изготовления муки зерно насыпалось сверху в конусообразное углубление верхнего жернова и при вращении последнего, проникая через его отверстие, постепенно между двумя жерновами перетиралось в муку.

Для хлебопечения в Северном Причерноморье применялись

¹ Н. В. Анфимов. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953, стр. 50 и сл.

² П. Д. Либеров. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI—II вв. до н. э. «Материалы по истории земледелия СССР». Сб. I. М., 1952, стр. 87 и сл., рис. 5.

различные приспособления, начиная с примитивных очагов¹ для приготовления лепешек и кончая настоящими хлебными печами.

Наиболее обстоятельное представление о печах, служивших для выпечки хлеба, нам дают остатки пекарни, обнаруженные

Рис. 65. Круглый жернов из Харакса

при раскопках Ольвии в 30-х годах текущего столетия. Тогда в нижнем городе было раскопано большое здание пекарни с несколькими помещениями и печами, датированное исследователем второй половиной I—II вв. н. э.

Среди откопанных остатков хорошо сохранились развалины довольно большой, овальной в плане печи. Длина этой печи снаружи достигала 2,12 м, а внутри — 1,48 м, ширина соответственно равнялась 1,83 и 1,12 м. Стены печи сложены из камня

на глиняном растворе; сохранилось 4—5 рядов камней высотой 0,65—0,8 м. Стены, поднимаясь вверх, переходили в свод, большая часть которого не сохранилась. С внутренней стороны стены обмазаны слоем глины 0,05 м толщиной. Ширина устья печи была 0,8 м. Под печи был очень тщательно выложен из хорошо обожженных кирпичей размером 0,35x0,16 X 0,04 м.

Значительно хуже сохранилась другая, четырехугольная в плане печь⁴. Под этой печи имел сложную слоевую субструкцию из глинистых, золистых и иных пластов, общая мощность которой достигала одного метра.

Эти печи, несомненно, довольно часто требовали новой обмазки, а, возможно, еще и другого ремонта. В силу этого в пекарне находилось творило для глины. Судя по обнаруженным остаткам⁵, оно имело прямоугольную форму, размером 2,75x2,12 м, что указывает на потребность в значительном количестве глины.

¹ Такой очаг в виде обожженного глинобитного пологого конуса был обнаружен в 1950 г. при раскопках упомянутого синдского поселения под Гермонассой, возле нижнего жернова. Он также датируется последними веками до нашей эры.

² Л. М. Славин. Отчет о раскопках Ольвии в 1935 и 1936 гг. Сб. «Ольвия», т. I, Киев, 1940, стр. 78.

³ Там же, стр. 61 и сл.

⁴ Там же, стр. 67 и сл.

⁵ Там же, стр. 64 и сл.

С северопонтийским виноградарством теснейшим образом было связано виноделие. О широких масштабах виноделия свидетельствуют многочисленные находки тарапанов (служивших нижними частями прессов) и виноделен по всему Северному Причерноморью и, особенно, на Боспоре и Гераклеиском полуострове.

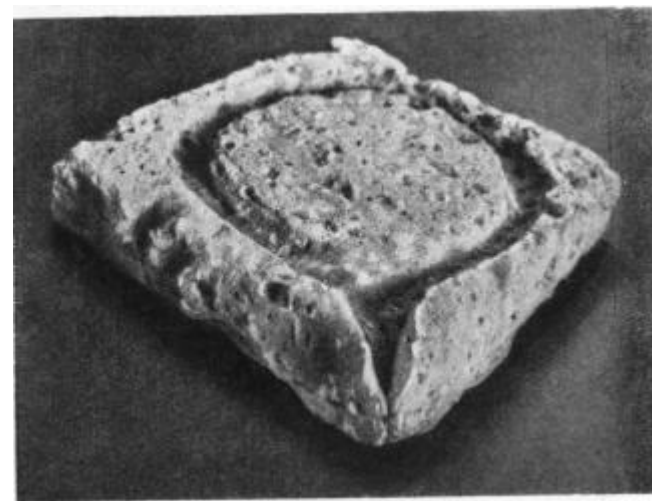

Рис. 66. Херсонесский тарапан

В Херсонесе нам известны тарапаны и вырубленные в скале давяльни. Херсонесские тарапаны¹, сравнительно небольшие по величине, несколько различаются друг от друга по своему устройству. Один из тарапанов, сделанный из известняковой плиты размером 0,58x0,42x0,10 м, имел площадку длиной 0,35 м, на которую укладывался виноград. Эта площадка ограничена желобком (шириной 0,08 м), куда стекал виноградный сок, а затем по особому каналу поступал в подставленный сосуд. У другого тарапана площадка, несколько больших размеров (0,5x0,5 м и больше), окружена бортиками, в которых сделан слив для стока сусла.

Обширные материалы по херсонесским давяльням² были

¹ Е. Г. Суров. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом. Уч. зап. МГПИ, XXVIII, вып. 1, 1942, стр. 115.

² См. описание и чертеж давяльни на Гераклеиском полуострове F. Dubois de Montpéroux. Voyage autour de Caucase..., VI, 1843, стр. 177. Atlas, IV Série, табл. XXVIb, рис. 16.

собраны М. И. Скубетовым и подверглись дальнейшей обработке Е. Г. Суоровым¹. Эти давилни были вырублены в скале, в таком месте, где она круто спускалась вниз. Давильная площадка сооружалась наподобие открытого карьера, размеры ее были от 0,6 X 0,6 м до 1 X 1,2 м. Площадка имела наклон к наружному

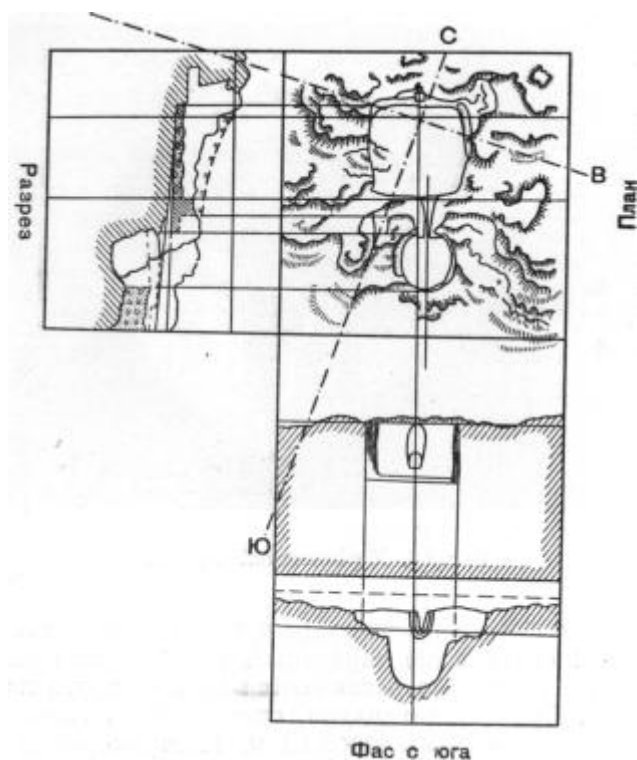

Рис. 67. План и разрез херсонесской давилни в Карантинной балке (по Скубетову, № 1)

краю, у которого устраивался сток, расположенный над таким местом, где скала резко понижалась. Там особенно было удобно выдолбить углубление для сосуда, в который собирался виноградный сок. В задней стенке давилной площадки имела небольшая выемка (площадью 0,1 X 0,15 м) для рычага, которым можно было давить виноград. Для этой цели прессуемая масса

¹ Е. Г. Суоров. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом. Уч. зап. МГПИ, XXVIII, вып. 1, 1942, стр. 116—119.

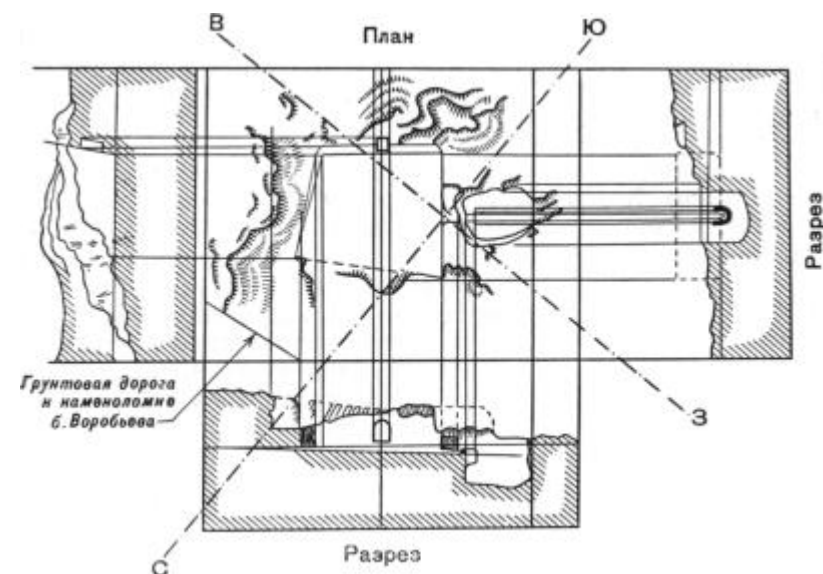

Рис. 68. План и разрез херсонесской давилни в Карантинной балке (по Скубетову, № 2)

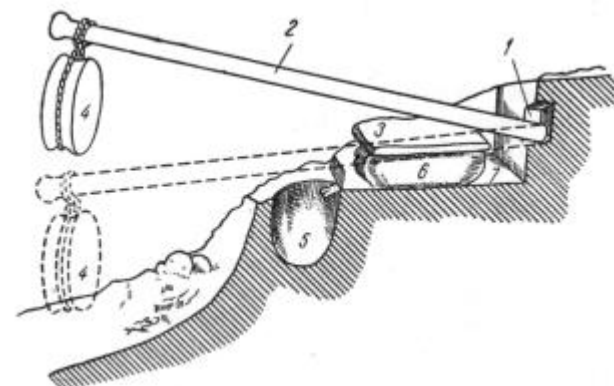

Рис. 69. Реконструкция херсонесской давилни

1 — выемочка для вала; 2 — вал; 3 — плита; 4 — груз; 5 — углубление для сосуда; 6 — прессуемая масса; 7 — площадка давилни

винограда в поддающейся давлению таре (мешке или корзине) помещалась на давяльной площадке и накрывалась сверху широкой доской. На доску налегал рычаг, один из концов которого, вдвинутый в упомянутое углубление, был неподвижен, а другой постепенно оттягивался вниз людской силой посредством канатов или в результате подвешивания к нему тяжестей (больших каменных гирь).

В недавнее время исследованы две винодельни, обнаруженные в самом Херсонесе¹. Одна из них, относящаяся к II—IV вв. н. э., имела помещение площадью 7X5,25 м. В ней — три резервуара для виноградного сока и давяльная площадка размером 6x3 м. Последняя имела наклон в сторону резервуаров. Через площадку проходит паз, шириной 0,06 м и глубиной 0,05 м. Вероятно, паз предназначался для деревянной перегородки, делившей площадку на участки, отвечающие первому и второму резервуарам. Площадка имеет субструкцию из слоя бутового камня и известкового раствора с битыми черепками, поверх которого лежат слои красноватого раствора (с примесью шамота). Слоев раствора с шамотом — 6—7; они последовательно наносились по мере изнашивания. Толщина пласта площадки достигает 0,2 м.

Два резервуара сложены из мелкого камня на растворе: глиняном — внутри, известковом — снаружи. Они облицованы известковым раствором с шамотом. Облицовка состоит из нескольких слоев. При последнем ремонте на дно резервуаров были уложены кровельные черепицы размером 0,5x0,45 м. Сооруженный несколько позднее, чем первые два, третий резервуар был построен из обломков черепиц на известковом растворе и покрыт обычной облицовкой.

Вторая винодельня I—IV вв. н. э. обнаружена в Херсонесе в 1947 г. Открыто большое здание с подвалом, винодельней, винным складом и мощным двором, где были колодец и цистерна. Давильная площадка была длиной 5 м и шириной 4 м. Резервуаров было три, каждый примерно в 1 м³ емкостью. В находившемся при давяльне винном складе обнаружено не менее 25 вырубов в материковой скале для установки пифосов. Это позволяет предполагать, что продукция давяльни могла быть 20 000—30 000 л вина в год. Названная цифра в 3—4 раза меньше того количества вина, которое в среднем давал в год виноградник Катона². Если для обслуживания его было нужно 10 работников виноградарей-виноделов, то для херсонесской давяльни число потребных рабочих, несомненно, должно было быть меньше, вероятно не более 4—6 человек.

¹ Г. Д. Белов. Херсонес Таврический, Л., 1948, стр. 112 и сл.; его же., Херсонесские винодельни. ВДИ, 1952, № 2, стр. 225 и сл. Cato., 11.

По сравнению с херсонесскими, значительно более исследованы давяльни Боспора. Они были обнаружены в Пантикапее¹, Фанагории², Патрее³ и в большом числе в Мирмии и Дии-Тиритаке (о винодельне на Темир-горе, около Керчи, уже упомя-

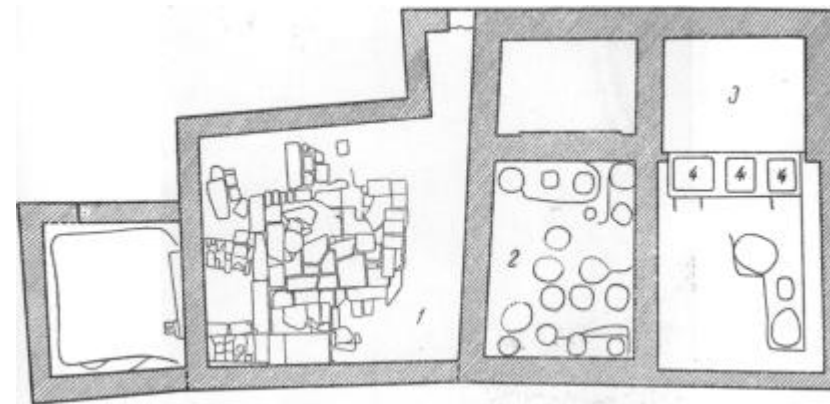

Рис. 70. План херсонесской винодельни II—IV вв. н. э. (раскопки 1947 г.)
1 — мощный двор; 2 — Ионный склад; 3 — давяльная площадка; 4 — резервуары

нуто выше). Мирмии и Дия-Тиритака раскапывались преимущественно В. Ф. Гайдукевичем⁴, подробно описавшим исследованные им винодельни.

Прежде всего следует отметить, что на Боспоре, так же как и в Херсонесе, в не малом количестве были обнаружены

¹ В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея (1947). КСИИМК XXV, 1949, стр. 34 и сл., рис. 13 и 14.

² В. Блаватский. Раскопки в Фанагории в 1940 г. ВДИ, 1941, № 1 (14), стр. 221.

³ Винодельня в Патрее была обнаружена в 1948 г. А. С. Башкировым. Об этом см. В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 204.

⁴ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 27 и сл., рис. 15, 16, 21, 22; его же. Боспорские города Тиритака и Мирмекия на Керченском полуострове. ВДИ, 1937, № 1, стр. 226—234; его же. Раскопки Мирмекии и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937—1939 гг. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 303 и сл.; его же. Итоги раскопок Тиритаки и Мирмекии. ВДИ, 1947, № 3, стр. 193 и сл.; его же. Раскопки Тиритаки и Мирмекии. КСИИМК, XXI, 1947, стр. 89 и сл.; его же. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 104 и сл.; см. также ВДИ, 1939, № 2, стр. 132, 134, рис. 7; В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прусская. Раскопки северной и западной части Мирмекии в 1934 г. МИА, № 4, 1941, стр. 113 и сл.

тарапаны. По большей части они сравнительно небольших размеров и, вероятно, служили при изготовлении вина, предназначенного для домашнего потребления.

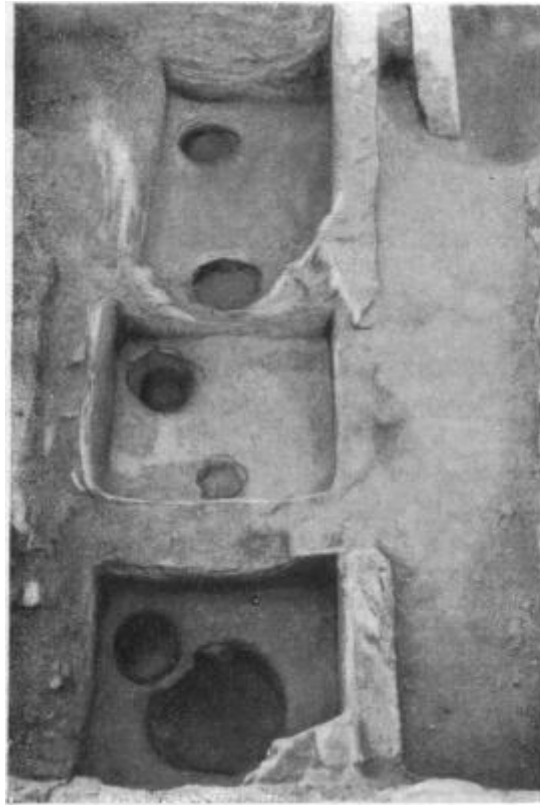

Рис. 71. Резервуары херсонесской винодельни II—IV вв. н. э. (раскопки 1947 г.)

Несомненно промысловый характер имели боспорские винодельни, специально приспособленные для одновременной выжимки нескольких тысяч литров виноградного сока. Самой древней из них, по определению В. Ф. Гайдукевича, была винодельня, раскопанная в Дии-Тиритаке в 1946 г.¹; она относится

¹ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 103 и сл., рис. 11.

к III—II вв. до н. э. В этой винодельне была одна давящая площадка размером 5,25x2,7 м, покрытая известковым раствором толщиной 0,05 м. Площадка имела небольшой наклон в направлении к каменному сливу, который нависал над

Рис. 72. Винодельня в Дии-Тиритаке

прямоугольным резервуаром. Резервуар имел 2 м в длину, 1,75 м в ширину и 1,55 м в глубину. Стенки его дна были тщательно выложены камнем и оштукатурены тем же раствором, который покрывал площадку. Выжимание виноградного сока в такой давяльне производилось только ногами виноделов. Стекавший

при этом виноградный сок собирался в резервуаре, откуда затем разливался по пифосам.

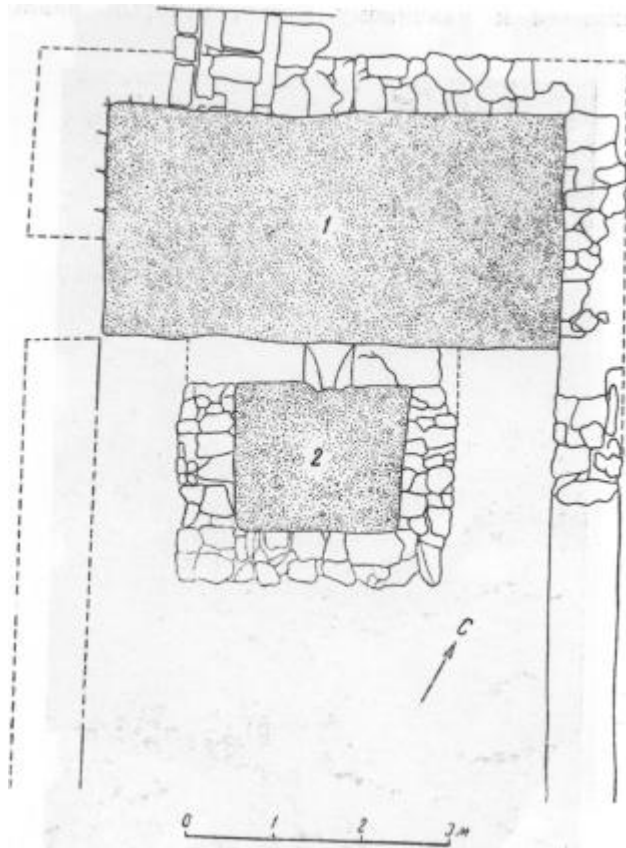

Рис. 73. План винодельни в Дии-Тиритаке
1 — давящая площадка; 2 — резервуары

Более сложное устройство имеет винодельня, раскопанная в Мирмекии в 1934 г. Она была сооружена в конце III в. до н. э. и подверглась значительной перестройке в первых веках нашей эры. В этой винодельне имелось специальное помещение,

1 В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М. - Л., 1949, стр. 106 и сл., рис. 12; В.Ф. Гайдукевич, Е.И. Леви, Е.О. Прушевская. Раскопки северной и западной части Мирмекии в 1934 г. МИА, №4, 1941, стр. 113 - 123.

вымощенное каменными плитами, вероятно, служившее для хранения винограда и хозяйственного инвентаря. Далее, помимо выжимания виноградного сока, на давящей площадке такого же типа, как в винодельне из Дии-Тиритаки, в мирмекийской винодельне были еще приспособления для обработки винограда посредством пресса. Соответственным образом и резервуар для виноградного сока делился на два отсека различной величины. Поступавший в обработку виноград сначала давили ногами на площадке, покрытой известковым раствором (в мирмекийской винодельне он имеет розоватый оттенок, вследствие примеси толченого черепка — шамота). Стекавший с площадки

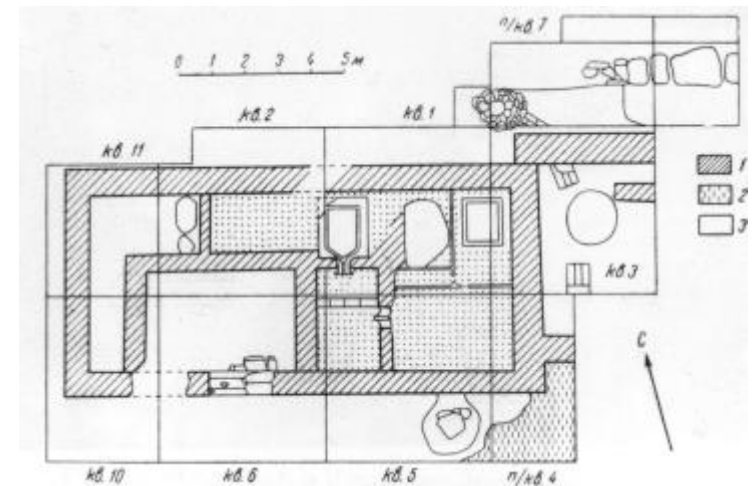

Рис. 74. План винодельни в Мирмекии
1 — остатки стен; 2 — каменные вымостки; 3 — цемент

виноградный сок поступал в больший из отсеков и давал в дальнейшем первосортное вино. Оставшаяся после отжима ногами масса мятого винограда (миздра) складывалась в поддающуюся давлению тару (мешок или корзину). Корзину с миздрой ставили на каменное ложе (большой тарпан) и, накрыв широкой доской, подвергали давлению рычажным прессом. Устройства такого пресса мы уже касались, когда описывали херсонесские давящие. Выжатый при помощи пресса сок давал вино второго сорта, в нем было больше мути, и оно могло стать несколько горьковатым, если были раздавлены косточки. Количество сока, получавшегося при второй отжимке, было значительно меньше, чем при первой, поэтому и отсек резервуара для него делался соответствующих размеров.

Так, в пантикапейской винодельне, обнаруженной при раскопках 1947 г., больший из отсеков резервуара, предназначенный для сока первой выжимки, по своей емкости, вдвое превосходил меньший отсек. В первый входило 2,835 м³ жидкости, во второй только 1,701 м³.

Достоин внимания, что большая часть боспорских виноделен обнаружена в больших (Пантикапей, Фангория) и малых

Рис. 75. Винодельня в Мирмикии

городах (Мирмикии, Дия-Тиритака, Патрэй). Однако раскопки последних лет позволяют полагать, что это объясняется только тем обстоятельством, что боспорские города исследованы в значительно большей степени, чем хора, к изучению которой мы только приступаем. Весьма знаменательно, что в самое последнее время были открыты винодельческая вилла между Пантикапеем и Мирмякием¹, относящаяся к III—II вв. до н. э., и винодельня III в. н. э. в одном из синдских поселений на юго-восточном берегу Керченского пролива².

¹ Раскопки В. Ф. Гайдукевича 1951—1953 гг.

Следует еще отметить находку большого тарапана в виде круглой плиты (диаметром 1,4 м) с желобом и сливом, обнаруженного к северу от Мирмикии, недалеко от Царского кургана. Эта находка указывает на существование там древней винодельни (В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 108, 169, рис. 29).

² Раскопки, производившиеся нами в 1953 г.

Наконец, следует сказать об уже упоминавшихся нами ольвийских винодельнях I—II вв. н. э., открытых И. Е. Забелиным в 1873 г. и Б. В. Фармаковским в 1908 г. Эти давяльни, близкие по типу боспорским, имели цементированные давяльные площадки и резервуары, около которых находились пифосы.

Рис. 76. Винодельня в Пантикапее (раскопки 1947 г.)

Значительно сложнее решить вопрос, каково было назначение больших хозяйственных комплексов³, примерно IV—III вв. до н. э., открытых в Ольвии (на раскопе «И») в 1946—1949 гг. Там была обнаружена закрытая каменной плитой большая яма, служившая погребом. В яме находилось 59 тщательно уложенных пустых остродонных амфор, в большинстве гераклейских (энглифических), в меньшей части фасосских.

¹ Все эти сведения любезно сообщены мне Л. М. Славиным.

² Как любезно сообщил мне А. Н. Карасев, еще одна давяльня первых веков нашей эры была обнаружена в Ольвии раскопками 1952 г. Т. Н. Книпович. Ольвийская экспедиция. КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 26 и сл., рис. 11 а, б, в; ее же. Основные итоги Ольвийской экспедиции. КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 101; Е. И. Леви. Итоги Ольвийской экспедиции. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 174 и сл., рис. 57, 2.

В непосредственном соседстве с этим погребом обнаружено прямоугольное помещение, служившее складом для остродонных амфор, почти вплотную приставленных одна к другой в один ряд числом до тридцати (часть их дошла до нас в обломках). Некоторые амфоры имели клейма, преимущественно ге-

Рис. 77. Боспорский тарапан III в. до н. э.

раклейские. Позднее в этом помещении были установлены три пифоса; в одном из них, несомненно, хранилось вино, так как на дне его оказался отстойник, заполненный смолистым буроватым веществом, напоминающим винный осадок в амфорах.

В другой части того же раскопа открыто большое подвальное помещение с прекрасно оцементированным полом. В углу подвала находилась громадная цистерна с каменной горловиной и оцементированными стенками. Глубина этого сооружения достигает 7 м, нижний диаметр 3,2 м. Осадок красновато-бурого цвета не оставляет сомнения в том, что данная

цистерна служила для хранения вина. Она относится к III в. до н. э. Подвальное сооружение с цистерной едва ли можно считать давящей — оно слишком отличается от последних, к тому же, как мы уже говорили выше, в Ольвии в III в. до н. э. не было ни виноградарства, ни виноделия.

В силу этого описанное сооружение скорее было предназначено для переработки привозного вина, что находит некоторое подтверждение в найденных здесь же складах пустой

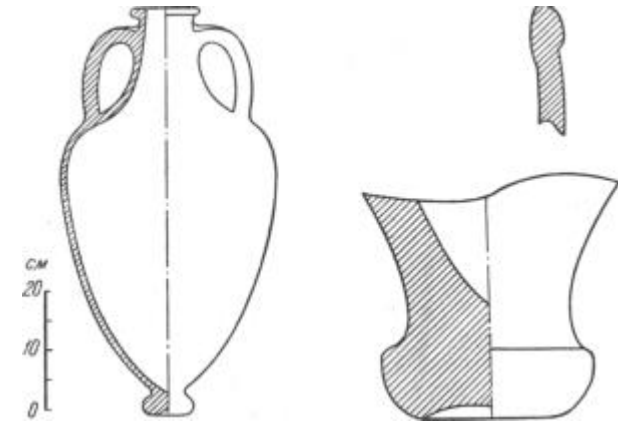

Рис. 78. Боспорская амфора IV—III вв. до н. э.

гераклейской и фасосской тары, вероятно, предназначавшейся в дальнейшем для заполнения. Подобная переработка, иногда с целью удаления дурного запаха² или ради подделки определенных сортов вина (греческого³, косского), несомненно, имела место в Италии во II в. до н. э., как об этом свидетельствует Катон. Возможно, что в Ольвии такое же предприятие существовало уже в III в. до н. э. Отметим, кстати, что фасосское вино, тара для которого встречается в ольвийском заведении, было весьма дорогим и, следовательно, его могли с особой охотой подделывать ловкие предприниматели.

Тарой для хранения вина на Северном Понте, так же как и в метрополии, служили большие глиняные бочки — пифосы, аналогичные тем, в которых хранилось зерно. Для перевозки

¹ Cato., 110.

² Там же, 24.

³ Там же, 112.

вина в Херсонесе и на Боспоре применялись остродонные амфоры такого же типа, как и в метрополии. Производство остродонных амфор на Боспоре в настоящее время надежно засвидетельствовано в ряде пунктов: в Пантикапее, в Фанагории, в Горгиппии. Форма боспорской (пантикапейской) амфоры IV—III вв. до н. э. была установлена И. Б. Зеест¹. Это большие сосуды с невысокой шейкой, двумя ручками, яйцевидным,

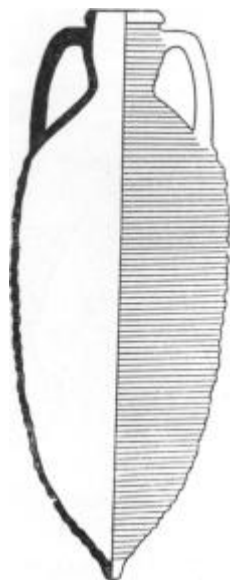

Рис. 79. Боспорская амфора
III—IV вв. н. э.

сильно раздутым вместилищем и маленькой низкой ножкой. Емкость этих амфор примерно 27 л (т. е. около трех ведер). Не меньшую емкость имели и херсонесские амфоры, производство которых началось примерно в то же время, что и на Боспоре² (в IV в. до н. э.).

Указанное нами наличие двух различных типов тары для вина — пифосов для хранения и амфор для перевозки — характерно для Боспора как в эпоху Спартокидов, так и в раннесар-

датское время. В III—IV вв. н. э., в эпоху русификации городов и падения торговли, когда в экономике Боспора явно намечаются тенденции к установлению натурального хозяйства, появляется новый тип сосудов для хранения вина. Это громадные позднебоспорские остродонные амфоры, по своим размерам занимающие промежуточное место между прежними амфорами и пифосами. Эти вместительные сосуды, следует думать, были теперь универсальной тарой: в них можно было хранить значительный запас вина, могли служить они и для перевозок, которые теперь производились по большей части лишь на небольшие расстояния.

¹ И. Б. Зеест. Раскопки Киммерика в 1947—1948 гг. ВДИ, 1949, № 3, стр. 100, рис. 7.

² ВДИ, 1947, № 1 (19), стр. 160 и сл., стр. 173.

14. ВОПРОС ОБ УРОЖАЙНОСТИ РАСТЕНИЙ

По вопросу об урожайности растений в Северном Причерноморье имеются весьма ограниченные сведения.

Как мы уже отмечали, плодородие крымской почвы засвидетельствовано древними источниками. В дошедшем до нас тексте «Географии» Страбона¹ говорится, что Крым, за исключением горной области, представляет собою равнину с хорошей почвой; будучи вспахана любым плугом (или, может быть, любым пахарем), она «τρίσχιοντα ὅον ἀποδίδωσι». Давно было установлено, что это место испорчено и в первоначальном тексте Страбона, вероятно, стояло не *τρίσχιοντα ὅον*, а *τρίσχιοντα οὖν*. Нередко эта фраза древнего географа истолковывалась в том смысле, что земля дает урожай сам-тридцать². Однако исследование П. Гиро³ показало, что это место следует толковать по-иному, видя здесь не указание, во сколько раз урожай больше количества засеянного зерна, а свидетельство о том, сколько хоев зерна можно собрать с одного плефра.

Таким образом, по Страбону оказывается, что один плефр (примерно 950 м²) крымской земли мог дать 30 хоев зерна (каждый из них равен 3,53 л). По расчету Р. Биллара⁴, при подобной урожайности с 1 га собирали около 1000 л зерна.

О количестве зерна, которое считалось потребным для посева в древности, нам сообщают древнеримские агрономы. Плиний⁵ указывает, что на один югер земли полагается сеять 5 модиев пшеницы и шесть — ячменя. Если почва рыхлая, сухая и плодородная, то на той же площади пшеницы сеют 4 модия. Емкость модия равна 8,733 л, следовательно, для того,

¹ Strab., VII, 4, 6.

² См., например, перевод во ВДИ, 1947, № 4 (22), стр. 205.

³ P. Guiraud. La propriété foncière en Grèce jusqu'à la conquête romaine. Paris, 1893, стр. 554.

⁴ R. Billiard. L'agriculture dans l'antiquité d'après les Géorgiques de Virgile. Paris, 1928, стр. 93.

⁵ Plin. N. H., XVIII, 198—199.

чтобы засеять 1 га, требовалось приблизительно 140—176 л пшеницы и около 208 л ячменя.

Таким образом, оказывается, что северопонтийские земледельцы собирали не баснословный по условиям античной агрономии урожай — сам-тридцать, а гораздо более скромный: для пшеницы, примерно сам-шесть или сам-семь, а для ячменя — сам-пять. По тем временам эти цифры отнюдь не были низкими. Ведь по словам Колумеллы¹, урожай хлеба в Италии был не более чем сам-четыре. В одной из самых плодородных стран древнего мира — Сицилии² урожай хлеба достигал сам-двенадцати и сам-пятнадцати³.

Вот все, что мы можем сказать об урожайности зерновых культур. О других растениях мы, к сожалению, не располагаем какими-либо данными. Можно только говорить о значении тех или иных культур, что связано с большей или меньшей продуктивностью той или иной отрасли сельского хозяйства. Следует отметить большую роль виноградарства в Северном Причерноморье. Результатом его было значительное развитие виноделия в Херсонесе⁴ и на Боспоре.

Б. Н. Граков⁵ произвел подсчет количества херсонесских клейм на ручках остродонных амфор, найденных в различных местах. Им было также установлено и число обнаруженных в Херсонесе клейм других центров.

При этом выяснилась следующая картина. В Херсонесе обнаружено 749 херсонесских клейм и 738 клейм других центров, причем из числа последних почти две трети — 476 — приходится на Синопу. Нужно принять во внимание, что из Синопы могло ввозиться и, вероятно, ввозилось в Херсонес не только вино, но и оливковое масло. Последнее, наверно, поступало в не малом количестве. Поэтому едва ли подлежит сомнению то, что местное вино потреблялось в Херсонесе в значительно большем количестве, чем привозное.

Некоторое количество херсонесских клейменных ручек было обнаружено и в других северопонтийских городах. В наибольшем количестве они найдены в Ольвии и Пантикапее. Это отнюдь не должно означать преимущественный вывоз херсонесского вина именно в эти города — они более, чем другие, были раскопаны.

Что же касается процентного отношения найденных в Ольвии и Пантикапее клейменных ручек херсонесских остродонных амфор к ручкам других центров, то оно весьма невелико.

¹ Colum. De re rust., III, 3, 4.

² A. Jardé. Les céréales dans l'antiquité grecque. Paris, 1925, стр. 58 и сл.

³ См. Е. Г. Суров. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом. Уч. зап. МГПИ, XXVIII, вып. 1, 1942, стр. 125—128.

В Ольвии херсонесские ручки составляют всего 4,1% общего числа ручек, а в Пантикапее — только 0,99%.

Попытка представить, какой была продуктивность виноградских и винодельческих хозяйств Гераклейского полуострова, возможна лишь посредством обращения к аналогиям в хозяйствах Средиземноморья, известных нам по сообщениям римских агрономов. Этот путь, разумеется, весьма ненадежный, и полученные таким образом цифры заведомо неточны и могут дать лишь самое приближенное представление о масштабах производства гераклейских клеров.

Из слов Катона¹ можно заключить, что виноградник в 100 югеров за 5 лет должен был дать 800 мехов винограда. Следовательно, в среднем на 1 югер в год приходится 1,6 меха. Мех, как известно, равнялся 20 амфорам² (по 26,26 л каждая); таким образом, с 1 югера получали 840,32 л вина.

Колумелла, упомянув о баснословно больших урожаях стародавних времен³, приводит несколько более скромные цифры⁴: 30 амфор (787,8 л) вина с 1 югера, согласно его расчету⁵, и 20⁵ амфор (525,2 л), по расчету Грецина.

Таким образом, с 1 югера итальянские виноградари и виноделы получали примерно от 500 до 840 л вина, следовательно, с 1 га — 2000—3320 л. Если считать эти цифры исходными, то тогда клер около Круглой бухты, где под виноградниками было 12 1/2 га, должен был дать 25 000—40 000 л (или 1000—1600 амфор) вина. Принимая во внимание большую урожайность, вероятно, культивировавшейся на Гераклейском полуострове битурической лозы, можно считать эти цифры скорее заниженными, чем завышенными. Во всяком случае упомянутый нами клер, по всей видимости, давал в год несколько десятков тысяч литров вина.

¹ Cato., XI, 1.

² Катон указывает, что при продаже вина следует в мех покупателя отпускать 41 полуамфору (или урну), т. е. продавать «с походом» (Cato., CXLVIII, 1).

³ Colum., III, 3, 2; III, 9, 3.

⁴ Там же, III, 3, 7.

⁵ Видимо, 20 амфор вина (один мех) с 1 югера считал нормой и Плиний (Plin. N. H., XVIII, 316—317).

15. ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА И ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ. СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

Об организации труда, рабочей силе, о социальном и этническом составе производителей мы располагаем немногочисленными прямыми указаниями, поэтому приходится широко пользоваться косвенными свидетельствами.

Остановимся сначала на сельскохозяйственном районе Херсонеса — Гераклейском полуострове. Уже неоднократно упоминалось о наличии там клеров, площадью 27 и 30,5 га (800 и 900 гектарюгеров). Один из них, расположенный около Круглой бухты, дошел до настоящего времени в замечательной сохранности.

Как отмечалось, размер названного клера — 30,5 га — близок образцовому винограднику Катона^{*}, для которого требуется 100 югеров, т. е. 25,18 га. Все приемы распределения полей, устройство усадьбы и всего земельного района не оставляет сомнения в том, что на Гераклейском полуострове мы имеем дело с целым рядом клеров,² организованных согласно всем правилам рабовладельческого хозяйства. Более того, как сказано выше, вполне возможно, что система, положенная в основу при организации как хозяйства клера Круглой бухты, так и виноградника Катона, в некоторой степени восходит к одному образцу винодельческого хозяйства.

¹ Cato., II, 1.

² Широкое использование рабского труда в сельском хозяйстве Херсонеса вряд ли может вызывать сомнение, хотя в доступных нам письменных источниках почти нет на это указаний. Мы располагаем в сущности одним надгробием с изображением виноградного ножа и именем Дулия, которое по происхождению явно рабское (Е. Г. Су ров. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом. Уч. зап. МГПИ, XXVIII, вып. 1, 1942, стр. 95, 126; Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 63).

При таких обстоятельствах можно со значительной долей вероятия предполагать, что указанное у Катона количество потребной рабочей силы для образцового винодельческого хозяйства вполне приложимо и к нашему клеру. Необходима только некоторая поправка, если учесть, что площадь гераклейского клера примерно на 5,3 га больше имения Катона. Исходя из этого расчета, взамен 16 рабов, по Катону, для гераклейского клера потребуется человек 18. Примерно ту же цифру мы получим и при другом расчете. По Катону, в его имении работают 10 рабов-виноделов и 4 работника, выполняющих другие работы; к последним относятся пахарь, а также скотники и, наконец, вилик и вилика. Если считать, согласно Колумелле², что один виноградарь может обработать 7 югеров, то тогда в имении Катона виноградники занимали 70 югеров, т. е. 17,5 га, а на остальные угодия приходилось 7,5 га.

В гераклейском клере виноградник занимал площадь немного более 12,5 га, что должно было потребовать 7 работников. На обслуживание остальных угодий, площадью около 17 га, по пропорциональному расчету нужно примерно человек 9. К этому прибавим рабов, выполняющих функции вилика и вилики. В итоге у нас получится также цифра 18 человек.

Как мы отмечали выше, в разделе, посвященном античному землевладению в Северном Причерноморье, гераклейские клеры были различных размеров. Наряду с наделами в 27 га часто встречались клеры, величиной в 20 га, а вообще нам известны размеры в пределах от 3 до 60 га. При этом малые наделы, по всей видимости, были преимущественно сосредоточены на защищенном стеной Маячном полуострове.

Естественно, что в зависимости от размеров клера изменялось и количество потребной для обработки его рабочей силы. Мы можем предполагать примерно такое соотношение:

Для клера	в	3	га	нужно	2	работника
»	»	»	20	»	»	13 работников
»	»	»	27	»	»	17 »
»	»	»	30,5	»	»	18 »
»	»	»	60	»	»	35 »

Разумеется, что эти цифры лишь ориентировочные, так как количество необходимой рабочей силы зависело не только от площади участка, но также от ряда других факторов, прежде всего от того, как этот участок использовался.

Несмотря на весьма относительную точность этих цифр,

¹ Cato., 11, 1.

² Colum., De re rust., III, 3, 8.

можно думать, что на Гераклейском полуострове в основном были средние и мелкие рабовладельческие хозяйства. Как уже отмечалось, изучение археологической топографии района Херсонеса показало, что мелкие хозяйства были сосредоточены на сравнительно небольшом по площади Маячном полуострове (обследованном Н. М. Печенкиным), а хозяйства средних размеров занимали остальную, большую часть Гераклейского полуострова (известную по плану Анании Строкова). Это позволяет заключить о преобладании в окрестностях Херсонеса средних по размеру хозяйств.

В этих хозяйствах, по всей видимости, использовался труд покупных рабов или военнопленных, поработанных херсонесцами тавров и скифов. Это подтверждается видом укрепленных усадеб Гераклейского полуострова. Они имели неприступные башни, служившие надежными убежищами для их владельцев на случай любой опасности, и очень прочно построенные службы и помещения, вполне подходящие для использования их в качестве эргастулов, где можно было запирать на ночь непокорных рабов. Все это было совершенно необходимо именно для хозяйства, построенного по рабовладельческой системе. Этим и объясняются колоссальные затраты средств и труда при сооружении укрепленных усадеб, которые складывались иногда из таких громадных камней, каких мы не найдем даже в городских твердынях самого Херсонеса. В гераклейских кладках нередко встречаются блоки до 1,5 м в длину и до 2,5 т весом.

Остановимся еще на этой особенности усадебных построек Гераклейского полуострова. В технике сооружения последних заметно широкое применение крупноблочных кладок. Другие античные постройки в Северном Причерноморье, как правило, сложены из камней, значительно меньших по размеру. Указанная выше особенность херсонесских усадеб, можно полагать, вызвана не только необходимостью сделать более прочным убежище хозяина, но отчасти с целью воспрепятствовать рабам бежать из эргастула, проломав его стены. Здесь, возможно, сказались в известной мере и строительные навыки тех кадров рабочей силы, которыми располагали херсонесцы, соорудившие свои усадьбы, а таковыми в первую очередь, следует думать, были рабы таврского происхождения¹. Мегалитические

¹ Это обстоятельство отмечалось в литературе очень давно; см. Е. О следах древнего греческого города Херсона, донные видимых в Крыму. «Отчужденные записки», 1822, № 22, стр. 159 и сл.

Об этом свидетельствует хотя бы замечательный рабский некрополь, открытый в Херсонесе Г. Д. Беловым в 1936—1937 гг. и до настоящего времени далеко недооцененный и нередко неправильно интерпретируемый в нашей литературе (ВДИ, 1949, № 3, стр. 146 и сл.).

кладки оборонительных стен гаврских убежищ, прекрасным образцом которых служит циклопическая стена на Ай-Тодорском холме, являются едва ли не высшим достижением строительного искусства тавров. Херсонесцы, можно предполагать, использовали для своих построек на Гераклейском полуострове строительные навыки и большую сноровку тавров в перемеще-

Рис. 80. Развалины башни на Гераклейском полуострове

нии и установке громадных каменных блоков. При наличии этих условий оказалось возможным разрешить трудную задачу сооружения укрепленных усадеб.

Таким образом, намечается следующая картина. В хозяйстве Херсонеса, так же как и в его метрополии, Гераклеоне Понтийской, земледелие играло, по всей видимости, ведущую роль. Но между этими колониями было и некоторое различие. Прибывшие из Мегары переселенцы застали на южном берегу Понта мариандинов — местное оседлое население, имевшее достаточно развитое сельское хозяйство. Покорив мариандинов, гераклеоты превратили их в своего рода илотов. С побежденных взималась дань, которую они были обязаны доставлять гераклеотам. Вместе с тем мариандины были прикреплены к своей земле и не могли быть проданы в рабство за пределы Гераклейского государства.

В иных условиях оказались гераклеийские переселенцы, основавшие Херсонесский полис в конце V в. до н. э. Соседившие с ними тавры, если и были при этом покорены херсонесцами, то лишь в той небольшой части, которая обитала в ближайших окрестностях Херсонеса. Уровень хозяйственного развития тавров был значительно ниже, чем у мариандинов. Земледелие у тавров не было развито и они, нужно думать, в основном жили скотоводством, охотой и рыбной ловлей. Это исключало возможность таких же взаимоотношений между покоренными таврами и херсонесцами, какие сложились между мариандинами и гераклеотами. Захваченных в плен тавров превращали в рабов (типа рабов покупных или военнопленных). К тому же в сельском хозяйстве херсонесцев очень видное, может быть, даже первенствующее место занимало не хлебопашество, как на Боспоре, а виноградарство, т. е. не местная культура, а принесенная самими херсонесцами. Этим обусловлен весь чисто античный характер сельского хозяйства Херсонеса. Из всех городов Северного Причерноморья он меньше других был связан с местным населением, и в нем местные элементы играли незначительную роль. В отличие от греко-меотского Боспора, Херсонес оставался греческим полисом, не вступавшим в сколько-нибудь тесное общение с таврами. Такой же характер, по всей видимости, имело и его сельское хозяйство.

Располагая приведенными данными, постараемся примерно подсчитать количество населения на Гераклейском полуострове в древности. При этом возможны два способа расчета.

Согласно первому способу, мы можем исходить из того, что по плану подпоручика Анании Строкова на Гераклейском полуострове было примерно 220 наделов¹, близких по размеру к клеру у Круглой бухты или немного меньших (около 27 га). Население этих клеров, как уже отмечалось, вероятно, состояло из 18 (может быть, 17) рабов. К этому числу нужно прибавить еще некоторое количество свободных, ибо невозможно допустить, чтобы защита укрепленной усадьбы, и особенно ее башни, могла быть доверена рабам, часть которых, возможно, держали в эргастуле. Эти свободные, очевидно, жили с семьями, вследствие этого вряд ли в описываемой усадьбе их было менее 10.

¹ Необходимо, однако, отметить, что раскопки С. Ф. Стржелецкого в 1952 г. в районе Инкермана показали наличие там земледелия еще в период² предшествующий возникновению Херсонесского эмпория.

Отметим кстати, что число сохранившихся до настоящего времени Гераклейских укрепленных усадеб (не менее 128) делает вполне вероятным указанное количество клеров.

Если принять эти цифры, то количество населения на 220 наделах окажется:

	На 1 надел	На 220 наделах
Число рабов	18	3960
» свободных	10	2200
Всего..		6160

Однако более вероятным нам представляется другой способ расчета, а именно: следует исходить из установленной нами плотности населения для 30,5 га (примерно 18 рабов и 10 свободных). При таких обстоятельствах на Гераклейском полуострове, площадь которого приблизительно равна 60 км², окажется примерно 3533 раба и 1967 свободных, а всего 5500 человек. Итак, в результате наших подсчетов намечаются следующие цифры: количество рабов от 3500 до 4000¹, свободных около 2000, а общее число населения полуострова 5500—6000 человек.

Сельское хозяйство Херсонеса в основном обслуживалось трудом рабов. Однако при некоторых сезонных работах недостаток рабочей силы заставлял обращаться и к труду свободных. Особенно это могло иметь место при уборке винограда, когда потребность в рабочих руках бывает особенно велика. Согласно свидетельству Катона², можно заключить, что тогда требовалось работников в два с половиной раза больше, чем в обычное время (40 вместо 16). В этих работах могло участвовать не только свободное население гераклейских усадеб, но также и жившие в городе граждане Херсонеса со своими семьями.

¹ Производивший аналогичный подсчет Е. Г. Суров («К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом. Уч. зап. МГПИ, XXVIII, вып. 1, 1942, стр. 125) дает значительно меньшую цифру — всего 1500 рабов. Однако необходимо заметить, что этот подсчет исходит из весьма неточной карты Дюбуа де Монпере, а главное, производительность труда сельскохозяйственного рабочего Е. Г. Суров определяет по нормам XIX в. Это — явная модернизация, ибо производительность труда рабов была много ниже, чем у работников XIX в.; это видно по тем высоким нормам труда пахарей, которые устанавливал Сазерна — 1 югер в 4 дня, т. е. 1/16 га в день (Varr. De re rust., I, 18, 6). Эта низкая производительность отнюдь не должна объясняться недостаточностью тяжелой силы парной упряжки волов (Cato., II, 1; Varr. De re rust., I, 19, 1; Colum. De re rust., II, 12, 7), о которых владельцы проявляли особую заботу (см. Комментарий Е. М. Сергеенко к труду Марка Порция Катона «Земледелие», М.—Л., 1950, стр. 137).

Помимо сказанного, следует принять во внимание еще одно обстоятельство: виноградная лоза занимала, по всей видимости, значительную часть Гераклейского полуострова, однако она не была там единственной культурой. Участки же, отведенные под поля, которые Е. клере у Круглой бухты составляли 2/5 общей площади, несомненно требовали меньшего числа рабочих рук.

² Cato., II.

Некоторое указание на это дает херсонесская надпись¹ III в. до н. э., сообщающая о нападении варваров на херсонесцев, когда они с детьми (и, вероятно, с женами) принимали участие в несении Диониса. Данная процессия скорее всего была связана с празднествами, сопровождавшими сбор винограда.

Итак, сельское хозяйство Херсонеса было организовано на чисто античный лад, и мы не располагаем какими-либо данными, свидетельствующими о наличии там иных хозяйственных

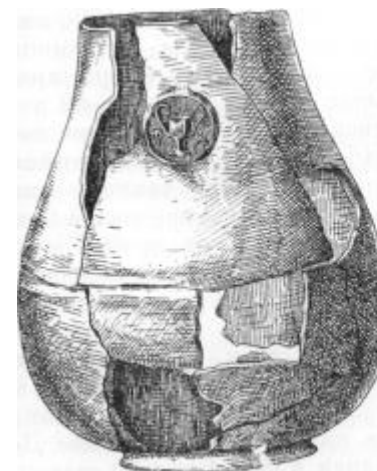

Рис. 81. Фанагорийская мерная ойнохоя

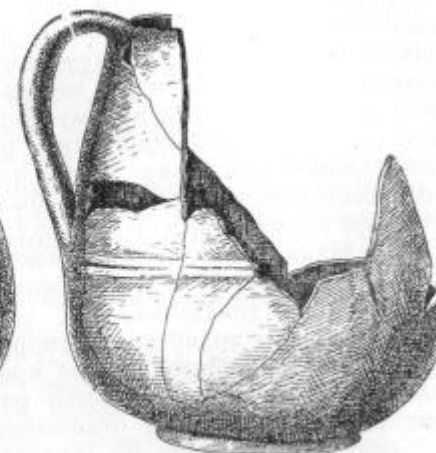

Рис. 82. Фанагорийская мерная ойнохоя

форм. Сложнее, по всей видимости, была картина, наблюдаемая на Боспоре. Уже в первой половине IV в. до н. э. Боспорское государство, подобно эллинистическим монархиям Ближнего Востока, состояло из разнохарактерных элементов — античных городов и хоры, заселенной местными племенами.

Как отмечалось выше, возникновение античного земледелия на Боспоре, вероятно, относится ко времени основания там полисов, т. е. еще к VI в. до н. э. Большая роль культа Деметры в боспорских городах того времени позволяет предполагать, что значительная часть их населения занималась земледелием. Раскопки некрополей и городских слоев VI—V вв. до н. э., а также данные нумизматики позволяют думать о значительной роли и большом числе мелких потребителей, а следовательно,

¹ IOSPE, I², № 343.

и мелких производителей на Боспоре в тот период¹. На этом основании можно предполагать, что и хлебопашеством тогда занимались преимущественно земледельцы типа Гесиодовых крестьян, которые сами пахали и вместе с тем пользовались трудом принадлежавших им немногочисленных рабов.

Подобные мелкие земледельцы, видимо, продолжали существовать на Боспоре и в IV в. до н. э., хотя в то время главная роль в сельском хозяйстве принадлежала уже не им². Иначе трудно объяснить уже упоминавшееся нами событие — раздачу земли царем Евмелом (310/9—304/3 гг. до н. э.) 1000 каллатийцев, бежавших на Боспор вследствие голода, вызванного войной с Лисимахом. Полученные каллатийцами клеры представляли собою, очевидно, небольшие наделы, которые их владельцы обрабатывали преимущественно своим трудом или, возможно, с помощью одного-двух рабов. Наделение каллатийцев небольшими участками земли показывает, что такие мелкие рабовладельческие хозяйства были вполне жизнеспособны на Боспоре конца IV в. до н. э., ибо трудно допустить, чтобы Евмел, распределяя между переселенцами клеры, пытался возродить давно устаревшую и совершенно утратившую жизнеспособность форму хозяйства.

В сельском хозяйстве Боспора IV в. до н. э. нам известны не только подобные мелкие производители. В то время, по всей видимости, имели место разнообразные формы организации труда. В этом отношении интересно упоминание Демосфена³ об отправке из Пантикапея в Феодосию 80 стамнов прокисшего косского вина какому-то земледельцу или, скорее, землевладельцу (ἀνθρώπῳ τινὶ γεωρῶν)⁴ для его полевых работников (τοὺς ἐργάτας τοὺς περὶ τὴν γεωργίαν).

¹ О существовании мелких потребителей на Боспоре времени ранних Спартокидов говорит наличие небольших мерных сосудов — ойнохой (В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Фанагории в 1938—1940 гг. МИА, № 19, 1951, стр. 218 и сл., рис. 16, 5—7).

² Diod., XX, 25.

³ Demosth. adv. Laer., 32.

⁴ Термин γεωρῶν, буквально земледелец, видимо, имел различные оттенки в греческом языке (Liddell-Scott. Greek-English Lexicon, Oxford, I, 1941, стр. 347). Несомненно, что он мог также употребляться в смысле «землевладелец», так как глагол γεωρῶν может иметь значение «владеть землею» (см. Diod., XV, 29, 8; M. N. Tod. A selection of Greek Historical Inscriptions. Vol. II, Oxford, 1948, стр. 64, № 123). Обращаясь к свидетельству Демосфена (Demosth. adv. Laer., 32), следует обратить внимание на то, что афинский оратор с явной тенденциозным презрением трактует всю торговую операцию, говоря то о «косском винце» (οἰναρίον τοῦ Κόου), то о «прокисшем вине» (ἐξεσπίχτος οἶνος).

Применив этот адвокатский прием, Демосфен заодно свысока упоминает и о покупателе, говоря про него ἀνθρώπῳ τινὶ γεωρῶν, т. е. «какой-то земледелец (или землевладелец)». Нам представляется наиболее вероятным, что в данном случае скорее всего идет речь о владельце небольшого

Упомянутые Демосфеном οἶνοι 1, несомненно, представляли собою не расписные широкогорлые сосуды, употреблявшиеся для смешивания вина с водой на пирах, а обычную винную тару — остродонные амфоры, как это прежде всего видно из свидетельских показаний, в которых они именуются ἡράρια 2.

Значительно труднее истолкование значения другого, гораздо более важного для нас термина, упоминаемого Демосфеном, а именно тех ἐργάται, для которых было предназначено доставлявшееся вино. С. А. Жебелев, подробно рассмотрев значение этого термина, пришел к возможному заключению, что οἱ ἐργάται οἱ περὶ τὴν γεωργίαν следует понимать в смысле «земледельческие работники». Однако дальнейший вывод С. А. Жебелева о том, что здесь имеются в виду не рабы, «а просто какие-то рабочие, надо полагать, вольнонаемные», не был подкреплен какими-либо доказательствами³. В. В. Струве в недавно вышедшей статье выдвинул положение, что в феодосийских эргатах следует видеть рабов, ибо, получая продовольствие, они не были «барщинниками, кормившимися за счет своего собственного хозяйства»⁴. Нам кажется, что точка зрения В. В. Струве более убедительна и в пользу ее возможно привести некоторые доказательства.

Прежде всего следует отметить, что в IV в. до н. э. на Боспоре, как и во всем античном мире, было сильно развито денежное обращение, и трудно допустить, чтобы наемные рабочие получали оплату труда продуктами; сравнительно маловероятно и выдача им пайка натурой. Это сомнение усиливается еще и тем обстоятельством, что для феодосийских эргатов было преднамеренно куплено прокисшее вино. Едва ли такой напиток

имения. Из показания свидетеля Ерасикла (Demosth. adv. Laer., 34) можно заключить, что этот γεωρῶν был жителем Феодосии, вероятно, имел там дом, что еще более заставляет нас видеть в этом человеке не земледельца, а землевладельца. Наконец, названный γεωρῶν, несомненно, был человеком богатым, закупившим сразу такое количество вина, какое, как будет видно из дальнейшего, намного превышало потребности семьи на год. Не приходится говорить о том, что подобную покупку не мог сделать обычный земледелец.

¹ Э. Поттье указывает на целый ряд случаев, когда древние авторы употребляли слово οἶνος в смысле — амфора для вина или масла (E. Pottier. Stannos. «Daremberg et Saglio, Dictionnaire des antiquités», т. IV, 2, Paris, стр. 1457. См. также Б. Н. Граков. Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в классической Греции VI—IV вв. до н. э. ИГАИМК, вып. 108, 1935, стр. 152, 163).

² Demosth. adv. Laer., 34.

³ С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития Боспорского государства. ИОН, 1934, стр. 597.

⁴ Отметим кстати, что С. А. Жебелевым не было надлежащим образом учтено прямое указание Аристотеля (Arist. Oecon., I, 5, 1) на то, что рабы, непосредственно занятые трудом, именуются ἐργάται.

⁵ В. В. Струве. Восстание Савмака. ВДИ, 1950, № 3, стр. 38.

стали бы пить свободные люди. К тому же это «косское вино» (οἶνᾱριον τοῦ Κωῶν) подозрительно напоминает описанное Катон¹ зимнее вино для рабов, которое после солнцестояния становилось крепчайшим и превосходным уксусом². Далее вместе с этим, вероятно купленным по дешевке³, прокисшим вином, была отправлена и соленая рыба (το τάριχος), согласно показанию свидетелей, в количестве 11 или 12 амфор³. Низкокачественное вино и острая соленая закуска были обычной добавкой к хлебному рациону, составлявшему основную пищу рабов, как это ясно видно из слов Катона⁴. Таким образом, продукты, заготовленные для феодосийских эргатов, побуждают нас видеть в них рабов, а не свободных работников.

Запас подкисшего вина, закупленный в Пантикапее для феодосийских эргатов, несомненно был рассчитан на срок не более одного года. На большее время продукты обычно не запасаются, к тому же, вероятно, через такой промежуток это οἶνᾱριον τοῦ Κωῶν уже должно было превратиться в уксус. Норма винного пайка⁵ для раба в Италии нам известна. По свидетельству Катона⁶, в год на обыкновенного раба полагалось 7 квадранта лов (183,82 л), а на закованного — 10 квадранталов (262,6 л). Однако, принимая во внимание, что в зимнем вине для рабов, согласно рецепту того же Катона⁶, было 80 % воды, то фактически на долю раба приходилось едва ли больше 135 или 193 л. Это составляет 4 1/2 или 6 7/2 коссских амфор, так как последние обладают довольно большой емкостью — не менее 30 л. Какова была норма вина рабов, трудившихся в сельскохозяйственных предприятиях под Феодосией, неизвестно. Однако, если их владельцу приходилось вино покупать, а не пользоваться своим даровым, как Катону, то скорее всего эта норма была не выше общерабского винного пайка (т. е. 135 л, или 4 1/2 амфоры в год). Это позволяет рассчитать количество рабов, принадлежавших феодосийскому рабовладельцу: их было не менее 18.

Мы не закрываем глаза на то обстоятельство, что точность наших подсчетов весьма относительна и включает много лишь

¹ Cato., 104.

² Возможно, что вино было куплено в Пантикапее по случаю, по дешевой цене, как испорченный товар. Весьма примечательно, что его переправляли в Феодосию. Это не только не совпадало с маршрутами морской торговли того времени, но, напротив, было прямо противоположно последним. Согласно периплу Псевдо-Скилака (Ps.-Scyl. 68), морской путь проходил через Феодосию в Пантикапей. Следовательно, в данном случае вино, несомненно, было отправлено в обратном направлении.

³ Demosth. adv. Laer., 34.

⁴ Cato., 56, 58.

⁵ Там же, 57.

⁶ Там же, 104.

предполагаемого, но отнюдь не доказанного. Однако, если эти подсчеты признать допустимыми, то тогда можно думать, что в IV в. до н. э. в районе Феодосии существовали средние по величине поместья, представлявшие собою чисто рабовладельческие хозяйства. Таким образом, по размерам и характеру эти предприятия были близки гераклейским поместьям. Что же касается основных культур, то в феодосийских поместьях, несомненно, преобладал хлеб¹, а на гераклейских клерах, как мы уже отмечали, видное место занимала виноградная лоза.

Прежде чем перейти к следующему разделу, вернемся еще раз к утверждению С. А. Жебелева о том, что в эргатах следует видеть вольнонаемных рабочих. Тогда, конечно, их можно считать только сезонными работниками, т. е. занятыми сравнительно короткий срок, примерно 2 — 4 недели². Какое количество вина могло отпускаться этим свободным работникам, неизвестно, однако можно с уверенностью сказать, что оно не могло быть значительно больше рабского пайка³.

Таким образом, только очень большое количество вольнонаемных работников могло выпить 80 амфор (примерно 2400 л) косского вина. В зависимости от продолжительности работ их должно было быть 300 — 500 человек. Использовать такой отряд сезонных работников можно было бы только в имении с постоянным составом рабов примерно в 100 — 200 человек. Такое имение являлось бы настоящей латифундией. Большое количество батраков, неизвестно чем занимавшихся в перерывах между сезонными работами, а равно и наличие латифундий под Феодосией в IV в. до н. э. не согласуются с историческими условиями того времени. Такое предположение представляется явным модернизмом. Это побуждает нас не сомневаться в том, что в феодосийских эргатах следует видеть рабов, а не вольнонаемных рабочих.

С расширением Боспорского государства при Левконе I (правившем в 389/8 — 349/8 гг. до н. э.) там наряду с сельскохозяйственными районами античных полисов оказались обширные территории, заселенные местными⁴ земледельцами —

¹ Demosth. adv. Lept., 33.

² Допустим, а это весьма сомнительно, что срок работы наемных работников был большим — один-два месяца. Но и в таком случае, несмотря на уменьшение рассчитанного нами числа рабов вдвое, размеры латифундии кажутся маловероятными.

³ Косское вино, содержавшее большую примесь морской воды (см. М. С. Альтман. К технике виноделия в древней Греции. ИГАИМК, вып. 108, 1935, стр. 131), судя по свидетельству Афиней (Athen. Deipn., I, 32, e), вряд ли могло употребляться в большом количестве. Примечательно наличие большой примеси морской воды в предложенном Катон⁴ом рецепте подделки косского вина (Cato., 112, 3).

⁴ Не исключена возможность, что некоторое, разумеется небольшое, количество местных землепашцев, обитавших в ближайших окрестностях

синдами, торетами, дандариями и псессами. Позднее состав племен, входивших в Боспорское государство, иногда изменялся. Но всегда при этом оставался неизменным разнородный характер самого государства, в которое входили различные местные племена и античные города. Это резко отличало Боспор от более монолитного Херсонеса.

Каков был социальный строй племен, вошедших в IV в. до н. э. в Боспорское государство, неизвестно, так как источники совсем не освещают этот вопрос. У нас нет оснований утверждать, что в IV в. до н. э. в азиатской части Боспора имели место столь же развитые рабовладельческие отношения, как в районе Феодосии или на Гераклейском полуострове. Скорее можно предполагать, что у племен Азиатского Боспора четко выделялась знать¹, от которой находилась в зависимости поработанная ею масса рядового земледельческого населения. Это зависимое население отличалось от покупных рабов тем, что, сохраняя свои племенные различия, оно жило на своей родине, имело семьи и, в силу установившегося уклада, вряд ли могло покинуть ту землю, на которой оно сидело. Вероятно, в жизни этих земледельцев большую роль играла община. Эти хлебопашцы, очевидно, должны были отдавать часть урожая своей племенной знати или боспорским царям.

Почти бесправных земледельцев, находившихся в тяжелой

боспорских городов, оказалось в зависимости от эллинской знати, переселившейся туда еще в VI в. до н. э. Указание на это, может быть в глухой форме, сохранилось в свидетельстве Эфора, которое передал нам Афиней (Athen. Deipn., XII, 26), сообщающий, что милетиане, пока не предали роскоши, побеждали скифов и заселили славными городами Понт Евксинский. Образцом для использования труда местных землепашцев могли послужить порядки в Милете — метрополии эллинских переселенцев. Ведь гергиты — местное земледельческое население, обитавшее вокруг Милета, находилось в подчинении у греков и платило им дань (Hiller von Gaertringen. Miletos. «Pauly Wissowa. Real-Encyclopedie», Dreizigster Halbband, стр. 1594).

Так или иначе, если подобное зависимое население и существовало вокруг боспорских городов в VI—V вв. до н. э., то оно было незначительным по сравнению с теми многочисленными племенами, которые занимали обширные территории, вошедшие в состав Боспорского государства при Левконе I.

Возможно, что эту знать следует видеть в управителях ком, т. е. местных поселений, о которых упоминает Полиэн (Polyaen Strat., VI, 9, 3). Однако к этому свидетельству приходится относиться с крайней осторожностью, так как Полиэн представляет собою весьма ненадежный источник, своего рода собрание анекдотов и невероятных историй. Курганные погребения V—IV вв. до н. э. на Тамани и Нижнем Прикубанье свидетельствуют о богатствах племенной знати, следует думать, в значительной мере накопленных благодаря дани, получаемой с полупоработанных земледельцев. Эту синдо-меотскую знать можно сравнить с фракийской, которая, по свидетельству Фукидида, любила получать дары (Thuc., II, 97, 4).

зависимости от своих господ, мы встречаем в различных государствах античного мира. В положении их бывали некоторые отличия; одни попадали в зависимость за неуплату долгов, другие — в результате завоевания, но постоянной характерной особенностью их было полурабское состояние. К таким земледельцам можно отнести аттических шестидольников (ἑξτημόροι)¹, спартанских илотов², афинских пелатов на Наксосе³, фессалийских пенестов⁴, гераклейских мариандинов⁵ и других⁶. Возможно, к таким земледельцам в известной мере приближались по своему положению и зависимые пахари-меоты. Можно думать, что в некоторых отношениях их допустимо сближать с «рабами» (servi) германцев, описанных Тацитом. По словам римского историка, каждый из них распоряжался в своем доме и в своем хозяйстве, а их обязанности по отношению к господину заключались в том, что они, подобно колонам, платили оброк хлебом, мелким скотом или одеждой.

Вполне возможно, что значительная часть земель, занятых местными племенами, после включения их в Боспорское государство, стала собственностью архонтов Боспора, получивших теперь титул «царствующих» над этими племенами. При таких обстоятельствах сидевшие на земле хлебопашцы должны были оказаться в положении, близком к тому, в котором находилось земледельческое население эллинистических государств.

Каково было число земледельцев на Боспоре после территориальных расширений при Левконе I, нам достоверно неизвестно. Мы можем лишь высказать предположения, основываясь на очень шатких данных, а именно сведениях о количестве хлеба, отправлявшегося из Боспора в Атику. Согласно свидетельству Демосфена⁷ в его речи против Лептина, с Боспора, повидимому, ежегодно ввозилось в Афины по 400 000 медимнов хлеба (около 16 700 т). Там же у Демосфена⁸ имеется указание, что Левкон I освободил афинских купцов от взимания вывозной пошлины с хлеба, которая взималась с других торговцев в размере V³⁰ стоимости товара.

Исходя из указанной Демосфеном цифры — 400 000 медимнов в год, можно примерно подсчитать, какое количество земледельцев было нужно, чтобы обеспечить ежегодный вывоз

¹ Arist. Respubl. Athen., II, 2.

² Arist. Polit., II, 7, 3.

³ Plat. Eutiph., 4, C.

⁴ Dion. Hal. Ant. Rom. II, 9, 2.

⁵ Poseid. ap. Athen., VI, 253, C.

⁶ Poll., III, 83.

⁷ Tac. Germ., XXV.

⁸ Demost. adv. Lept., 32.

⁹ Там же, 31.

боспорского хлеба в Аттику, вне зависимости от того, работали ли они непосредственно на Левконе I или добытый их трудами хлеб приобретался архонтами Боспора покупкой у соседних племен.

Согласно свидетельству Колумеллы¹, незасаженное деревьями поле в 200 югеров могут обработать шесть работников и два погонщика с двумя упряжками волов. Таким образом, если на 200 югеров требуется труд восьми человек, то на одного работника приходится 25 югеров (около 6,3 га).²

Как мы говорили выше, по словам Страбона³ видно, что крымская почва давала 30 хоев зерна с одного плетра. В таком случае с 1 га собирали примерно 1000 л, или 800 кг, зерна. При таких обстоятельствах 6,3 га должны были дать 5040 кг, или около 5 т.

При учете расхода зерна одним хлебопашцем мы исходим из того, что в основном на Левконе I работали не рабы, подобные феодосийским эргатам, а зависимые местные земледельцы, жившие со своими семьями. Считая, что норма потребления зерна таким работником и его домочадцами была не ниже той, которую устанавливает Катон⁴ для своих сельскохозяйственных рабов, можно полагать следующее. На самого пахаря нужно в зимние месяцы по 4 модия, пшеницы, а в летние по 4 1/2 модия, что составляет в год 51 модий, или 446 1/4 л. Потребности жены пахаря могут быть примерно приравнены к вилке, получающей по 3 модия пшеницы в месяц, или в год 36 модиев, что составляет 315 л. Считая число детей и иных домочадцев примерно равным трем, можно предположительно отнести на них 600 л хлеба в год. При таких обстоятельствах на питание пахаря и его семьи в год потребуется примерно 1350 л.

Количество зерна, потребного для посева, мы можем установить, следуя норме, указанной Плинием⁵, — 5 модиев пшеницы на 1 югер. Тогда на 25 югеров (6,3 га) потребуется 125 модиев, или 1093,75 л.

Значительно труднее рассчитать, сколько требовалось зернового корма для рабочего скота. Мы даже не знаем, в каком количестве содержался этот скот в каждом хозяйстве. Одно лишь можно сказать с полной уверенностью, что число скота скорее было значительным, чем малым, ибо Северное Причерно-

¹ Colum. De re rust., II, 12, 7.

² Strab., VII, 4, 6.

³ Это отнюдь не означает, что в распоряжении Левкона I и его преемников не было значительного числа рабов; в частности, рабы боспорских правителей трудились в эргастериях, где изготовлялась кровельная черепица (Б. Н. Граков. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 210)

⁴ Cato., 56.

⁵ Plin., N. H., XVIII, 198.

морье в античную эпоху, несомненно, было богато скотом. По вопросу о том, сколько пахотной земли может обслужить одна упряжка волов, у древних авторов не было единогласия. Так, согласно Колумелле¹ и Сазерне², упряжка волов может обработать 100 югеров (25,182 га) пашни; по Плинию³, пара быков должна вспахать 40 югеров легкой земли или 30 югеров трудной.

Неясны также данные и о количестве зернового корма, дававшегося волам. Катон⁴ сообщает об этом сбивчивые сведения; к тому же и самый текст, относящийся к данному вопросу, видимо, попорчен. Рацион, предлагаемый для волов Колумеллой⁵, менее питателен, чем у Катона.

При таких обстоятельствах весьма трудно говорить о каких-либо единых нормах корма для волов в рабовладельческих хозяйствах Италии. Даже если таковые и были, то у нас нет решительно никаких оснований переносить эти нормы в хозяйства Боспора, где питание рабочего скота могло иметь и, вероятно, имело существенные отличия. Все это создает большие трудности при решении поставленного вопроса. Однако нельзя думать, чтобы рабочий скот, применявшийся для пахоты на боспорских полях, кормился только травой и сеном. Несомненно, что для него требовалась добавка и более питательной еды — бобов или зерна. Если при расчете принять за основу хотя бы и недостаточно надежные цифры, которые сообщает нам Катон⁶, то в год паре волов было нужно не менее 190 модиев такого корма, что составит примерно 1660 л, или 1400 кг.

Остается совершенно открытым вопрос, какое соотношение было между числом пахарей и числом рабочего скота на Боспоре. По этому вопросу мы не располагаем ни прямыми, ни косвенными свидетельствами. Тем не менее обилие находок костей крупного рогатого скота при раскопках боспорских городов и поселений позволяет думать о значительном числе быков в древних хозяйствах и делает вполне допустимым предположение, что в античную эпоху там на каждого пахаря приходилась одна упряжка рабочего скота.

Если исходить из таких расчетов, то потребности в зерне земледельца на его пропитание, семью, рабочий скот и семена для следующего посева должны составить около 4100 л, или 3300 кг. Таким образом, произведя около 5 т зерна и расходуя 3,3 т, пахарь получал излишек примерно в 1700 кг. Эти 1700 кг зерна, вероятно, были тем предельным количеством хлеба,

¹ Colum. De re rust., II, 12, 7.

² Varr. De re rust., I, 19, 1.

³ Plin. N. H., XVIII, 131.

⁴ Cato., 54, 60.

⁵ Colum. De re rust., XI, 2, 99—101.

⁶ Cato., 60.

которое можно было получить боспорскому царю от одного зависимого земледельца в условиях сельского хозяйства того времени.

Получив эту цифру, нетрудно подсчитать, какое количество пахарей требовалось, чтобы доставить Левкону I те 400 000 медимнов хлеба, которые он ежегодно отправлял афинянам. 400 000 медимнов равны примерно 21 000 000 л и весят 16 800 000 кг, или 16 800 т; разделив эту цифру на 1,7 (количество тонн, которое давало хозяйство одного земледельца), мы получим 9865.

Таким образом, если количество земледельцев, работавших на Левкона I для потребностей вывоза, было около 10 000, то они ежегодно засевали хлебом примерно 63 000 га, а принимая во внимание земли, находившиеся под паром, луга и другие угодия, нужно думать, что освоенный ими сельскохозяйственный район имел площадь никак не менее 200 000 га, или 2000 км², что составляло довольно значительную часть территории Боспорского государства².

Но этими десятью тысячами пахарей, несомненно, не ограничивалось количество рабочих рук в сельском хозяйстве Боспора. Дело не в неясности свидетельства Демосфена³ о том, что Левконом I была дана беспощадность хлебу, вывозившемуся из Феодосии, порт которой не уступал Боспору. Несомненно, устройство этой гавани способствовало повышению количества вывозимого хлеба, однако у нас нет никаких оснований утверждать, что ежегодно в Афины вывозилось 800 000 медимнов⁴. По всему содержанию речи Демосфена видно, что постоянным был ввоз в 400 000 медимнов, иначе бы названный оратор

¹ Нам неизвестно, был ли хлеб, отправлявшийся афинянам Левконом I, добыт трудом боспорских хлебопашцев или частично приобретен у местных жителей покупкой. Мы строим наши расчеты исходя из первого предположения. Однако необходимо отметить, что его нельзя считать доказанным.

² Какую площадь занимало Боспорское государство при Левконе I и его ближайших преемниках, в точности неизвестно, поскольку границы его надлежащим образом не установлены. Можно только сказать, что основная часть его: Керченский полуостров, Таманский полуостров (бывший в то время архипелагом), а также низовье Кубани вместе занимали пространство в несколько тысяч квадратных километров (вряд ли менее 5000). Значительно труднее определить размеры боспорских владений на восточном побережье Азовского моря, а также и около Танаиса. Последние, по всей видимости, играли значительно меньшую роль, чем земли, примыкавшие к Керченскому проливу. Однако они занимали довольно обширные пространства, возможно, близкие по размеру основной территории.

³ Demosth. adv. Lept., 33.

⁴ Журн. «Rheinische Museum für Philologie», LXXXI, 1932, стр. 321 и сл.

не преминул бы сказать, что Левкон дарит афинским торговцам не 13 000, а 26 000 медимнов хлеба.

Дело в том, что, помимо Левкона I, афинским хлеботорговцам продавали зерно также и представители боспорской знати, разумеется, располагавшие меньшими ресурсами, чем правитель. Так, по свидетельству Исократ¹, один из знатных боспорцев Сонеи отправил со своим сыном в Афины два корабля, груженные хлебом. Точно определить количество хлеба мы не можем, так как не знаем тоннажа Сопеевых кораблей. Известная нам грузоподъемность двадцативесельного корабля, который, согласно Демосфену², предназначался для торгового рейса из Афин в Менду или в Скиону, а оттуда на Боспор, была примерно 300 т³. Чтобы получить такое количество хлеба, нужен был труд приблизительно 177 земледельцев.

Боспорский хлеб шел не только в Афины. Постоянные торговые связи, несомненно, существовали и с Митиленой, как об этом свидетельствует митиленская надпись⁴ середины IV в. до н. э. Неудовлетворительная сохранность этого памятника затрудняет его полное восстановление, однако не подлежит сомнению предоставление митиленцам льготного тарифа, что позволяет считать их крупными покупателями. Одно из возможных восстановлений допускает видеть в этой надписи указание на ежегодный вывоз боспорского хлеба в Митилену, превышавший 100 000 медимнов. Если это верно, то снабжение хлебом Митилены обеспечивалось трудом не менее чем 2500 пахарей. Кроме Афин и Митилены, боспорский хлеб вывозился и в другие города. Так, Демосфен⁵ сообщает, как некий Лампид нагрузил на Боспоре хлебом большой корабль и, прибыв с ним в Аканф, продал там хлеб.

Наконец, помимо хлеба, вывозившегося в метрополию, значительное количество его было нужно для все более возрастающего населения Боспорских городов. Судя по площади, которую занимали Боспорские города в IV в. до н. э., население их было примерно 40 000—60 000 человек. Учитывая, что городское население в значительном количестве употребляло в пищу мясо и рыбу, положим в среднем на человека в год 250 кг хлеба.

¹ Isocr. Trap., 3, 4.

² Demosth. adv. Laer. 10, 18 (Demosthenis Orationes. II, Lipsiae, 1879, стр. 406, 408).

³ Этот корабль, согласно Демосфену, должен был поднять 3000 амфор мендского вина, вес которых, нужно думать, равнялся примерно 150 т.

⁴ При таких обстоятельствах корабли Сопея могли везти 300 т. IG, XII, 2, 3; Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии..., № 32 (ВДИ, 1939, № 3); С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития Боспорского государства. ИОН, 1934, стр. 604, прим. 1.

⁵ Demosth. adv. Phormion, XXXIV, 36.

Тогда на 40 000—60 000 горожан потребуется 10 000—15 000 т зерна. Согласно нашему расчету, для получения этого количества хлеба требовался труд 5882—8823 пахарей, или в среднем труд около семи с половиной тысяч человек.

Подведем теперь итоги нашим расчетам. Пшеница, вывозимая Левконом I в Аттику, обеспечивалась трудом десяти тысяч пахарей. К этому надо добавить хлеб, доставлявшийся в Аттику другими боспорцами, нужно думать, в значительном количестве (например, на двух кораблях Сопея). Затем следуют большие и постоянные поставки боспорского хлеба в Митилену, возможно, производившегося трудом не менее чем 2500 земледельцев, а равно вывоз хлеба и в другие греческие города (например, в Аканф). Наконец, потребности в хлебе городов самого Боспора, вероятно, удовлетворялись трудом примерно 7500 пахарей. Произведя подсчеты, мы можем предположить, что число землепашцев на Боспоре было не менее двадцати с небольшим тысяч, а вернее оно значительно превосходило это число, вероятно, достигая 25 000, а может быть, даже превосходя и эту цифру.

Некоторая часть этих пахарей представляла собой рабов; к ним принадлежали уже упоминавшиеся нами феодосийские эргаты. Помимо этих землепашцев, в IV в. до н. э. на Боспоре, видимо, еще сохранялись свободные крестьяне, работавшие сами и пользовавшиеся трудом немногочисленных рабов. В конце IV столетия до н. э. к числу таких крестьян присоединилась 1000 прибывших на Боспор каллатийских переселенцев. Такое применение рабского труда в сельском хозяйстве Боспора, видимо, практиковалось лишь в ближайших окрестностях городов. Известные нам случаи связаны с Феодосией и Фанагорией. Таковы хозяйства средних размеров, обслуживавшиеся трудом феодосийских эргатов, и мелкие хозяйства каллатийцев. Что же касается более обширных территорий, занятых местными племенами, то там преобладал, надо думать, труд зависимых земледельцев. Едва ли можно сомневаться в том, что эти земледельцы представляли подавляющее большинство производителей в сельском хозяйстве Боспора.

Исходя из этих данных, мы можем предполагать, что количество населения в сельских районах Боспора было примерно 100 000—150 000 человек. Вместе с городскими жителями общее число народонаселения Боспора достигало 150 000—200 000 человек. Размер сельскохозяйственной территории Боспора при таких расчетах доходил бы приблизительно до 5000 км². Эта площадь примерно равна основной территории Боспорского государства после земельных приобретений при Левконе I. Столь интенсивное использование принадлежавших Боспору земель для нужд сельского хозяйства не должно удивлять.

С этим в полной мере согласуется значительная густота населения в античную эпоху, засвидетельствованная данными исторической географии, во всяком случае для Таманского полуострова и территорий, прилежащих к нему с востока.

Только эти части Боспорского государства привлекали в достаточной мере внимание археологов, и производившиеся там разведки дают возможность сделать надлежащие заключения.

Помимо рассмотренных выше свидетельств письменных источников о вывозе боспорского хлеба во времена ранних Спартокидов, мы располагаем только одним, но весьма важным свидетельством Страбона¹ о том, что Левкон I отправил из Феодосии в Афины 2 100 000 медимнов хлеба. Как видно из слов древнего географа, он имел в виду не систематически повторявшиеся посылки транспортов, а единичный случай, вероятно, вызванный какими-то особыми обстоятельствами, нам неизвестными. В плане настоящей работы важнее всего для нас выяснить вопрос, в какой мере этот факт может способствовать осуществлению масштабов земледелия на Боспоре. Здесь прежде всего должно отметить, что единичный случай отправки 2 100 000 медимнов хлеба гораздо менее показателен, чем те 400 000 медимнов, которые ежегодно поступали в Афины. Ведь отправка очень большого транспорта могла быть обеспечена или необычайно большим урожаем в том году, или накопленными за предшествующее время запасами зерна. Наконец, не исключена возможность, что часть этого хлеба была закуплена

¹ К. К. Герц. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870; его же. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года. М., 1876; М. О. Поначевный. Географический очерк Босфорского царства. «Кубанский сборник», II, Екатеринодар, 1891, Ф. Ф. Соколов. Карта древних поселений и могильников в районе станции Таманской. ИТУАК, № 56, 1919, стр. 39 и сл.; С. Ф. Войцеховский. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднему времени. «Сев.-кавказ. краевед, об-во археол., ист. и этногр., Записки, кн. 1, том III, вып. 5—6» Ростов, 1929, стр. 5 и сл.; А. С. Башкиров. Археологическое обследование Таманского полуострова в 1926 г. Тр. Этногр.-археол. музея I МГУ, № 3, стр. 26 и сл.; его же. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 года. Тр. Секц. арх. Ин-та арх. искусствозн. «РАНИОН», III, М., 1928, стр. 71 и сл.; А. А. Миллер. Таманская экспедиция. СГАИМК, № 1, 1931, стр. 26 и сл.; его же. Выставка работ экспедиций Гос. Академии истории материальной культуры. СГАИМК № 7—8, 1932, стр. 44 и сл.; его же. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. СГАИМК, № 7—8, 1932, стр. 67 и сл.; М. В. Покровский и Н. В. Анфимов. Карта древних городищ и могильников Прикубанья. СА, IV, 1937, стр. 265 и сл.

Strab., VII, 4, 6.

у местных земледельческих племен, не входивших в Боспорское государство.

Во всяком случае, если подсчитать количество пахарей, которые могли бы обеспечить отправку в Афины 2 100 000 медимнов хлеба, то получатся цифры слишком большие и поэтому маловероятные, именно — 2 100 000 медимнов соответствуют примерно ИО 250 000 л и весят 88 200 т. Если считать, что один пахарь может дать 1,7 т хлеба, то для указанного количества потребовался бы труд 51 889 пахарей. При таких обстоятельствах общее число пахарей на Боспоре должно было достигать 70 000 человек, а все население приближаться к 400 000 человек. Но если мы все же допустим столь большое число жителей, то совсем невероятными представляются размеры территории, необходимой для такого населения. Ведь для 70 000 земледельцев, исходя из нормы 6,3 га на каждого, потребуется 441 000 га, т. е. около 4500 км². Учитывая, что столько же земли нужно под пар и какое-то количество земли потребно для других угодий, мы получим как минимальную цифру 12 000 км². О невероятности данной цифры не приходится говорить, ибо, сколько мы можем судить, она превосходит размеры Боспорского государства.

Таким образом, намеченная нами раньше картина масштабов и характера хозяйственной жизни Боспора во времена ранних Спартокидов в основных чертах, видимо, остается в силе.

Однако в добавление к сказанному необходимо сделать существенную оговорку. Ведь помимо боспорских царей и знати, продававших за море хлеб, поступавший с их земель, определенное количество хлеба вывозилось также боспорскими купцами (οι ἐμπόροι), существование которых засвидетельствовано письменными источниками¹. Демосфен² сообщает нам, что вывоз хлеба в Афины с Боспора происходил на льготных условиях, без обычной пошлины, которая удерживалась в размере 1/30 стоимости товара. Лесбосская надпись³ в честь Левкона I π его сыновей свидетельствует о том, что митиленские купцы платили на Боспоре пошлину по льготному тарифу. Наличие этих привилегий, предоставляемых боспорскими правителями афинянам и митиленянам, позволяет думать, что не меньшее, а скорее большее количество хлеба вывозилось с Боспора в другие города, граждане которых облагались пошлиной в полной мере.

Все сказанное приводит нас к выводу, что количество хлеба, вывозившегося с Боспора, было значительно больше указан-

¹ Demosth., adv. Lept., 32; Diod., XX, 25; Polyae. Strat., VI, 2.

² Demosth., adv. Lept., 32.

³ IG, XII, 2, 3.

ных выше цифр, примерно соответствующих тому, что могла дать сельскохозяйственная территория Боспора. Этот излишек поступал к боспорским купцам от соседних независимых племен. Усилению притока хлеба извне на боспорские рынки в период ранних Спартокидов должна была способствовать возросшая торговая активность Боспора в это время. Значительный рост боспорской торговли со степью приводит к включению в IV—III вв. до н. э. в сферу экономических связей Пантикапея и Среднего Приднепровья, где в VI—V вв. до н. э. всецело господствовала Ольвия⁴.

Однако до настоящего времени остается открытым вопрос, какие именно соседние племена и в каком количестве могли доставлять боспорским купцам хлеб для экспорта. С наибольшей долей вероятности мы можем предполагать, что это были меоты Прикубанья. В пользу такого предположения говорят находки керамической тары⁵. Меньше оснований имеется у нас думать о том, что хлеб мог поступать на Боспор с бассейна Дона, ибо несколько более позднее свидетельство Страбона⁶ сообщает, что из Танаиса шли рабы, шкуры и другие товары кочевников. Мало вероятным представляется также предположение, что хлеб мог доставляться гужевым транспортом с Среднего Приднепровья в боспорские гавани. Громоздкие товары в древности, по всей видимости, обычно перевозились по воде. В силу этого перевозки осуществлялись по большим рекам наших южных степей⁷. О роли речного пути наглядно свидетельствует Страбон⁸, сообщающий нам, что кочевники, живущие по Танаису, неохотно вступают в сношения с чужестранцами, не допускают их в свою страну, а равно и не разрешают плавания по реке.

Весьма показательно так же и то, что довольно громоздкие остродонные амфоры, служившие тарой для вина, проникали лишь в те части наших южных степей, которые были расположены вблизи от водных путей⁹. При таких обстоятельствах со Среднего Приднепровья на Боспор скорее всего шел не хлеб, а скот и другие легко доставляемые товары.

Боспор, сколько мы можем судить, и в этническом, и в социальном, и в экономическом отношении не был однородным. Он представлял собою государство, состоявшее из разнохарактерных элементов. В аспекте нашей темы подчеркнем,

¹ Б. Граков. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? Сб. «Археологія», I, Київ, 1947, стр. 27 и сл.

² И. Б. Зеест. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией. МИА, № 19, 1951, стр. 118.

³ Strab., XI, 2, 3.

⁴ Там же, 2, 2.

⁵ Наблюдение любезно сообщено Б. Н. Граковым.

что доступные нам данные о сельском хозяйстве Азиатского Боспора побуждают думать лишь о применении там труда зависимых землепашцев — местных обитателей, а равно и свободных мелких производителей, возможно, применявших труд немногочисленных рабов.

Можно предполагать, что иные формы организации сельского хозяйства если и были в азиатской части Боспора, то во всяком случае играли меньшую роль. Иная картина намечается для европейской части Боспорского государства. Там чисто рабовладельческие сельскохозяйственные предприятия, видимо, можно считать засвидетельствованными в IV в. до н. э. упоминанием Демосфена о феодосийских эргатах. Можно думать, что в дальнейшем количество рабов, покупных и военнопленных, на Боспоре, особенно в его европейской части, все возрастало. Именно там число их было столь велико, что в условиях кризиса конца II в. до н. э. стало возможным восстание рабов под предводительством Савмака¹. Захват рабами Пантикапея и Феодосии, нужно думать, осуществлялся восставшими, которые находились не только внутри городов, но и вне их. Если это справедливо, то тогда в восстании участвовали не только рабы, трудившиеся в городских эргастериях или предназначенные к отправке на средиземноморские рынки, но также и рабы, труд которых использовался в сельском хозяйстве.

Судя по доступным данным, восстание Савмака ограничилось европейской частью Боспора и не перекинулось на другую сторону пролива. Это явление, как нам кажется, можно объяснить только тем обстоятельством, что в сельском хозяйстве азиатской части Боспора и во II в. до н. э. труд рабов, покупных или военнопленных, применялся более умеренно. А одни городские рабы, использовавшиеся в эргастериях, не были достаточно сильны для того, чтобы свергнуть своих господ.

Конец II и I вв. до н. э. был переломным периодом в истории Северного Причерноморья вообще и Боспора в частности. Ряд городов: Ольвия, Пантикапей, Танаис, вероятно Феодосия, а возможно, и другие города подверглись разрушению или разорению в это бурное время². В восстановлении и последующей жизни разгромленных северо-понтйских городов сыграли большую роль местные обитатели Северного Причерноморья, прежде всего сарматы, в немалом числе пополнившие население возрождавшихся городов. По всей видимости, особенно большое

значение сарматы приобрели на Боспоре, во главе которого установилась сарматская династия Асандра — Аспурга.

Новые пришельцы приносили свои привычные формы хозяйственной жизни и свой бытовой уклад. Именно с этими явлениями может быть поставлена в связь роспись склепа Анфестерия, сына Гегесиппа, относящаяся к концу I в. до н. э.—

Рис. 83. Роспись склепа Анфестерия

началу I в. н. э., которая показывает нам быт пантикапейцев того времени. Знатный пантикапеец со своей семьей в сопровождении вооруженных слуг выезжает на лето в степь для занятия земледелием и выпаса скота. Таким образом, сельское хозяйство приобретает выездной характер. Однако едва ли это сопровождалось переходом к переложной системе. Гораздо более вероятно, что и в этих условиях продолжала сохраняться переменная система.

Другой особенностью сельского хозяйства того времени является необходимость ограждения используемой территории оборонительными сооружениями для защиты от нападений кочевников. Страбон, ссылаясь на Ипсикрата, сообщает, что Асандр отгородил таким образом перешеек Херсонеса у Меотиды. Это должно было обеспечить от нападений европейскую часть Боспора. Возможно, несколько в более позднее время возник довольно обширный сельскохозяйственный укрепленный район Киммерика³, расположенный у горы Опук, в южной части Керченского полуострова. В связи с этим следует упомянуть небольшое, сильно укрепленное военно-земледельческое

¹ С. А. Жебелев. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. ВДИ, 1938, № 3 (4), стр. 49 и сл.; В. В. Струве. Восстание Савмака. ВДИ, 1950, № 3, стр. 23 и сл.

² В. Д. Блаватский. Северо-понтйские города в конце II—I вв. до н. э. Вест. Моск. ун-та, 1949, № 7, стр. 55—70.

¹ М. Ростовцев. АДЖ, СПб., 1913, стр. 172 и сл., табл. LI, 6.
² Strab., VII, 4, 6.

³ И. Б. Зеест. Разведочные работы в Киммерике. КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 52 и сл.; ее же. Раскопки Киммерика в 1947—1948 гг. ВДИ, 1949, № 3, стр. 92 и сл., рис. 1.

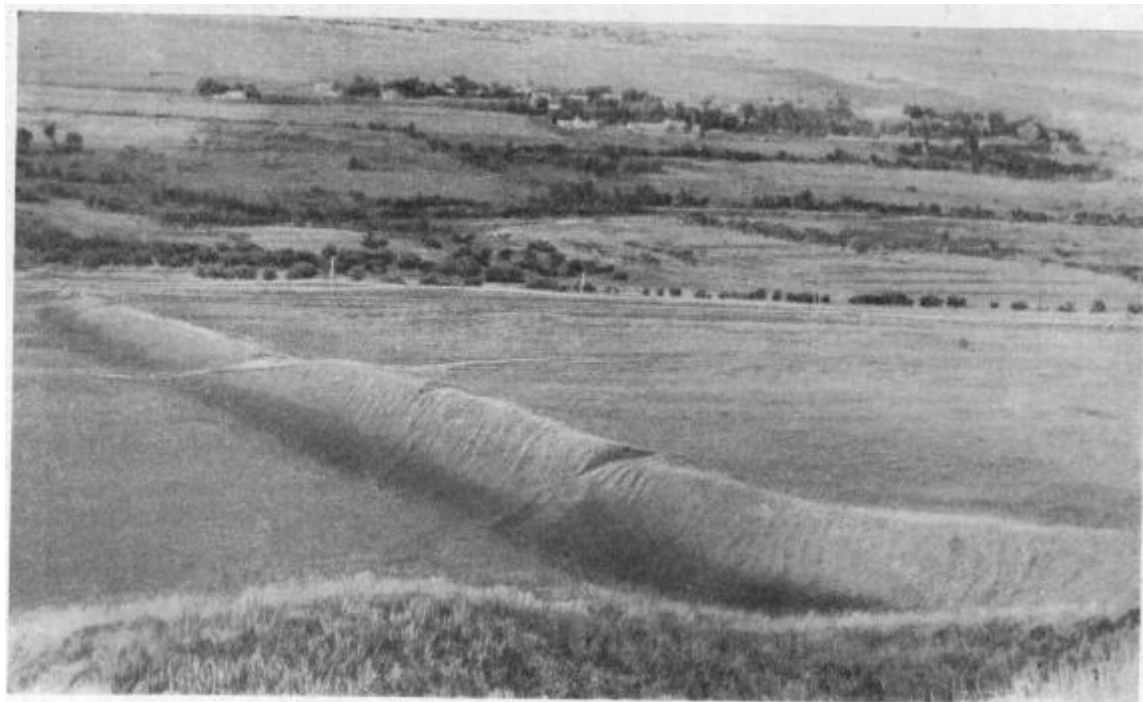

Рис. 84. Древний вал на Керченском полуострове (у Золотого кургана)

Рис. 85. Древний вал на Керченском полуострове (у Золотого кургана)

поселение,— предполагаемый Илурат¹ (около нынешней деревни Ивановки, к западу от Чурубашского озера), возникшее в I в. н. э.

Указанные изменения в организации хозяйства были связаны с изменениями в социальном строе. Имеются данные, свидетельствующие о том, что рабский труд на Боспоре в первых веках нашей эры становился нерентабельным, и это повлекло

Рис. 86. Второй древний вал на Керченском полуострове (у Узунларского озера)

за собой отпуск рабов на волю. До нас дошел ряд боспорских надписей, представляющих собою манумиссии, т. е. акты об отпуске рабов на волю. Эти надписи исследованы недостаточно. Их трактовали² главным образом как источник для изучения иудаизма в Северном Причерноморье, не придавая значения заключенным в них ценным сведениям о социальной истории Боспора.

Всего нам известно 14 боспорских манумиссий, которые мы перечислим, расположив их примерно в хронологическом порядке.

1. Фанагорийская манумиссия 16 г. н. э., согласно которой Фодак, сын Пофона, посвятил Аполлону (?) своего вскормленника Дионисия.

¹ См. о нем В. Ф. Гайдукевич. Боспорский город Илурат. СА, XIII, 1950, стр. 173 и сл.
² Б. И. Надель. Об экономическом смысле оговорки *χωρίς εἰς τὴν προσευχὴν θωπείας τε καὶ προσκαρτερήσεως* боспорских манумиссий. ВДИ, 1948, № 1, стр. 203—206.
³ IOSPE, II, Ks 364.

2. Горгиппийская манумиссия 41 г. н. э., согласно которой Пофос, сын Стратона, посвятил в молельне свою вскормленницу Хрису под попечением Зевса, Геи и Гелия¹. Посвящение богу всевышнему.

3. Пантикапейская манумиссия 57 г. н. э., у которой не сохранилась нижняя часть, содержащая имя или имена осво-

Рис. 87. Второй древний вал на Керченском полуострове (у Узунларского озера)

бождаемых рабов, а равно и наименования божества, которому их посвящают.

4. Возможно, горгиппийская (найденная близ станицы Ново-Михайловской около Джубги) манумиссия 59 г. н. э., которая дошла до нас в очень плохой сохранности. Связь этой надписи с иудейской синагогой хотя и допустима, но вызывает большие сомнения³.

5. Фанагорийская манумиссия 79 г. н. э., нижняя часть которой не сохранилась⁴.

6. Пантикапейская надпись, возможно обломок манумиссии, в которой упоминается иудейская синагога⁵.

7. Пантикапейская манумиссия 81 г. н. э., согласно которой

¹ IOSPE, II, № 400.
² IOSPE, IV, № 204.
³ В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России. ИАК, вып. 27, 1908, стр. 38 и сл., № 34.
⁴ В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1911 году. ИАК, вып. 45, 1912, стр. 10 и сл., № 2.
⁵ В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1912 году. ИАК, вып. 49, 1913, стр. 64 и сл. № 2.

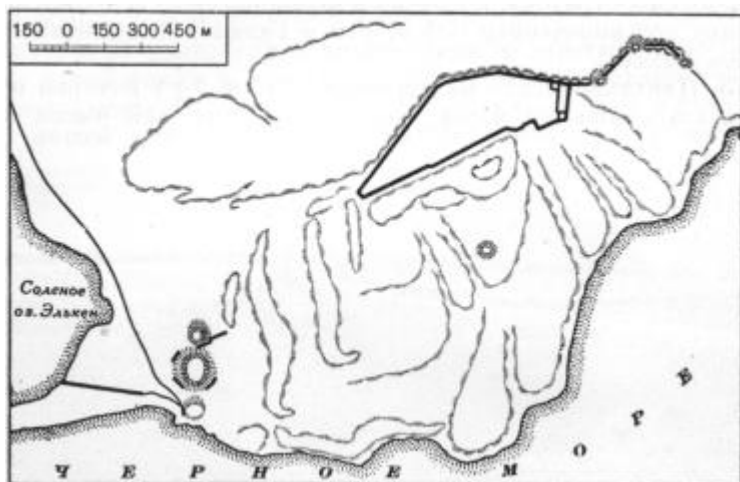

Рис. 88. План района Киммерика

Рис. 89. Остатки стены в восточной части укрепленного района Киммерика

Хреста отпускает своего вскормленника¹ (θρεπτός) Геракла с участием в опеке иудейской синагоги².

8. Пантикапейская манумиссия, согласно которой рабы, в том числе Герм, отпускаются на свободу с участием в опеке иудейской синагоги³.

9. Горгиппийская манумиссия конца I в. н. э., согласно которой отпускаемая должна быть под попечением Зевса, Геи и Гелия⁴.

Рис. 90. Остатки стены в западной части укрепленного района Киммерика

10. Пантикапейская манумиссия, согласно которой отпускаемый обязывается пребывать при молельне под опекой иудейской синагоги⁵.

11. Горгиппийская манумиссия, времени Тиберия Юлия Савромата (9³/4—12⁴/4 гг. н. э.), согласно которой Тимофей, сын Нимфагора, с сестрой Илидой отпускают вскормленницу Дорею. Посвящение богу всевышнему.

¹ IOSPE, II, № 52.

² Там же, № 53.

³ Эта надпись, находившаяся до войны в Анапском музее, в ближайшем будущем будет издана Т. В. Блаватской.

⁴ ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 66 и сл., V.

⁵ IOSPE, II, № 401.

12. Найденная на хуторе Батарейке, около станицы Запорожской, манумиссия 105 г. н. э., согласно которой Гликария, жена Аполлония, посвящает Зевсу и Гере (?) своего вскормленника Филодеспота **Κ**

13. Горгиппийская манумиссия II—III вв. н. э., от которой сохранилась только часть текста, сообщающая об отпущении на волю рабыни при условии, чтобы она оставалась при молельне².

14. Пантикапейская манумиссия времени Савромата III (229/30—232/3 гг. н. э.), согласно которой Хрест, сын Косса, и жена его Химата отпускают свью вскормленницу Фаллусу под попечением Зевса, Геи и Гелия³.

Из этого перечисления видно, что боспорские манумиссии начинаются с 16 г. н. э. С этого времени до 80-х годов I в. н. э. нам известно пять манумиссий; четыре из них происходят из Азиатского Боспора, а одна из Пантикапея. Из этой группы манумиссий с иудейской синагогой может быть связана только одна⁴, да и то под сомнением.

Ко второй группе надписей конца I — начала II вв. н. в. относятся семь манумиссий; четыре из них, найденные в Пантикапее, заключают упоминания об иудейской синагоге и, несомненно, связаны с прозелитизмом. Три другие, происходящие из Азиатского Боспора, не имеют такого характера.

Наконец, следуют две манумиссии, II—III вв. н. э. Одна из них, пантикапейская, включает упоминание о Зевсе, Гее и Гелие; в другой, горгиппийской, говорится о молельне, может быть иудейской.

Таким образом, из боспорских манумиссий лишь меньшая часть⁵, происходящая только (или почти только) из Пантикапея, оказывается связанной с прозелитизмом. Составляющие

¹ Н. И. Новосадский. Неизданная надпись Темрюкского музея. ДАН, 1930, сер. В., № 12, стр. 224 и сл.

² В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России (находки 1909 и 1910 гг.). ИАК, вып. 37, 1910, стр. 74 и сл., № 8.

³ IOSPE, II, № 54.

⁴ В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России (находки 1909—1910 гг.). ИАК, вып. 27, стр. 38 и сл., № 34.

⁵ Упоминание об иудейской синагоге мы находим в манумиссиях № 6, 7, 8 и 10 нашего списка; в № 4 такое восстановление возможно, но вызывает сомнение. Что же; касается термина **προσευχή** — молельня, встречающегося в манумиссиях № 2 и 13, то во всяком случае в надписи № 2, он, несомненно, означает храм эллинского божества или героя, так как волеотпущенница отдается под попечение Зевса, Геи и Гелия. О том, что эллинский храм могли именовать **προσευχή**, писал еще В. В. Латышев («Заметки по греческой эпиграфике». ИРАИМК, I, 1921, стр. 26 и сл.).

Бесомощные попытки Р. Л. Эрлиха («Ольвийская надпись IOSPE, I², 176. ДАН, 1928, сер. В., № 6, стр. 124—127) опровергнуть положения маститого русского эпиграфиста, удивляют своей наивностью и не заслуживают даже рассмотрения.

большинство надписей манумиссий из Азиатского Боспора, за исключением одной, и притом сомнительной (№ 4), имеют чиста античный характер. Достоинно внимания, что к числу этих надписей принадлежат самые ранние памятники, возникшие до 80-х годов I в. н. э.

Это заставляет нас рассматривать перечисленные манумиссии как источник, в высшей степени важный для выяснения социально-экономических условий на Боспоре в первые века нашей эры. Приведенные надписи позволяют предполагать, что на Боспоре, особенно в его азиатской части, уже с начала I в. н. э. стали складываться такие условия, при которых применение рабского труда не всегда было целесообразно. Эта должно было повлечь за собой отпуск рабов на волю. О таком явлении, помимо манумиссий, говорят также и пантикапейские надгробные надписи¹. Возможно, на Боспоре уже в начале сарматской эпохи наметилось вытеснение рабского труда трудом зависимых землепашцев, довольно близких колонам, которые позднее стали основными производителями в сельском хозяйстве всего Средиземноморья.

Использование труда зависимых землепашцев, видимо, было привычной формой организации сельского хозяйства и для представителей местных племен, проникавших на Боспор в эпоху Сарматской династии. Так, Тацит², рассказывая в своих «Анналах» о событиях 49 г. н. э., сообщает, что осажденные в Успесирики предлагали выдать римлянам «servitii decern milia». Эти 10 000 сервициев вряд ли были подобны римским³ рабам. Скорее, они приближались к тем меотским зависимым земледельцам, о которых мы говорили выше, описывая Боспор во времена Левкона I и его ближайших преемников.

Зависимые земледельцы, видимо, имевшие сходное положение с хлебопашцами Северного Причерноморья, встречаются в это время и в пределах Римской империи. К ним, вероятно, следует отнести⁴ упомянутых в эпитафии Плавтия Сильвана Элиана⁵ переселенных в Мезию 100 000 обитателей задунайской области с женами и детьми. Весьма примечательно сообщение упомянутой эпитафии о том, что Плавтий Сильван первый

¹ IOSPE, II, № 129; В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России (находки 1901—1903 годов). ИАК, вып. 10, 1904, стр. 75 и сл., № 84.

² Тацит, *Annal.*, XI, 17.

³ Возможно, ряды таких сервициев могли пополняться путем полон, о которых упоминает Овидий (*Ovid., Trist.*, III, 10, 61—62; IV, 1, 79—84). Такие же полоны постоянно вводились и в значительно более позднее время. См. хотя бы *Dexippus*, fr. 16 а.

⁴ В. Н. Дьяков. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 87.

⁵ *CIL*, XIV, 3608.

собрал для римского народа с этой провинции хлебные припасы, преимущественно пшеницей.

Ценнейшим источником для изучения положения земледельцев в азиатской части Боспора середины II в. н. э. является одна из фанагорийских надписей. В ней говорится, что в 448 г. боспорской эры (151 г. н. э.) царь Тиберий Юлий Римиталк собрал и увеличил, восстановил в первоначальном виде, земли в Фианнеях и число пелатов. Последние некогда были посвящены Литодором богине (Афродите Апатуре), но с течением времени уменьшились в числе. Упоминаемые в надписях пелаты (πελάται) которых посвящали богине вместе с землями сначала Литодор и позднее Тиберий Юлий Римиталк, нужно думать, были земледельцами, которые сидели на этих землях и были прикреплены к ним. Иначе нельзя понять совместное упоминание посвящаемых богине земель и пелатов. Положение этих зависимых земледельцев, видимо, было близко к тому, в котором находились колонны, также прикрепленные к своим участкам. Это наблюдение позволяет предполагать, что в положении местных земледельцев на Азиатском Боспоре с IV в. до н. э. до II в. н. э. могли произойти некоторые изменения. Первоначально они, платя дань, сидели на земле своего племени, как оседлые обитатели последней; позднее их пребывание на этой земле приобрело характер прикрепления к ней, зафиксированного определенным юридическим актом.

Фанагорийская надпись 151 г. н. э. представляет большой интерес еще и в том отношении, что она свидетельствует об известной роли храма богини, видимо Афродиты Апатуры, в организации сельского хозяйства Боспора. Кем был и когда жил упоминаемый в этой надписи Литодор, мы не знаем¹, однако вряд ли посвященные им земли и пелаты могли уменьшиться в очень быстрый срок, да и в надписи говорится, что это произошло с течением времени (χρόνῳ). В силу этого трудно допустить, чтобы пожертвование Литодора произошло позднее I в. н. э. Так можно считать установленным, что еще в раннесарматскую эпоху боспорские храмы могли принимать участие в организации сельского хозяйства, используя для этого труд пелатов.

Пантикапейские манумиссии, возможно, указывают на то, что несколько позднее (в конце I — начале II в. н. э.) было заведено храмовое хозяйство и иудейской синагогой.

Вернемся к вопросу о землях в Фианнеях, упомянутых в фанагорийской надписи 151 г. н. э. Мы уже говорили о том,

что по очень убедительному предположению В. В. Латышева¹, клеры, розданные каллатийцам Евмелом (310/9—304/3 гг. до н. э.), находились в Фианнеях. Далее мы показали, что размеры этого урочища невелики — около 5000 га. Поэтому оно, вероятно, было отдано 1000 каллатийских переселенцев полностью или почти полностью. К тому же и слова Диодора о разделении области (χωράν) следует скорее всего понимать в этом смысле. К сожалению, нам неизвестно, продолжали ли потомки каллатийских переселенцев сидеть на фианнейской земле и через четыре с лишним столетия после того, как ее получили их предшественники. Если это имело место, то тогда на Боспоре возможен следующий исторический процесс: постепенное превращение ранее совершенно свободных владельцев небольших клеров в близких колонам пелатов.

Таким образом, намечается еще один вывод. Если на Боспоре, представлявшем в эпоху ранних Спартокидов государство неоднородного характера, существовали различные формы организации сельского хозяйства, а именно применение труда свободных производителей, зависимых земледельцев и, наконец, рабов, то в более монолитном по своей структуре Боспоре эпохи Сарматской династии намечается постепенное вытеснение рабского и свободного труда трудом пелатов, близких колонам. Этой развившейся в сарматскую эпоху системе организации сельского хозяйства в полной мере отвечают доступные нам сведения о наличии в это время на Боспоре крупного землевладения.² О нем свидетельствуют только что рассмотренная надпись³ о храмовых землях в Фианнеях и ранее упоминавшаяся нами надпись⁴, устанавливающая границы крупного земельного участка на западном берегу Керченского пролива.

Параллельно развитию труда пелатов, своего рода боспорских колоннов, мы наблюдаем натурализацию хозяйства Боспора. Торговые связи Боспора с Малой Азией, еще очень интенсивные в начале сарматской эпохи, падают к началу III в. н. э. С этого времени почти все потребности обеспечиваются внутренним производством.

Далее отметим намечавшуюся еще в раннесарматскую эпоху русификацию городов. Раскопки последних лет показали

по древней географии северного и восточного побережья Черного моря. Сб. «PONTIKA», стр. 171—173

² Diod., XX, 25.

³ IOSPE, II, № 353.

Л а т ы ш е в . IOSPE, II, № 313. ИАК, Дополнения, вып. 37, стр. 11—13. и IOSPE, II,

⁴ В. Д. Блаватский. Северопонтийские города в конце II—I вв. до н. э. Вестн. Московск. ун-та, 1949, № 7, стр. 60, 69 и сл.

13 В. Д. Блаватский

1 В.

4 Там

¹ IOSPE, II, № 333. В. В. Л а т ы ш е в именуется Литодора «homo ignotus» (IOSPE, II, № 353).
192

наличие виноделен в боспорской столице Пантикапее в I в. до н. э. — II в. н. э., а крупных зерновых хозяйств в III—IV вв. н. э.

Хотя аналогичный процесс в позднеантичную эпоху, видимо, коснулся и греческой метрополии, как это видно из слов Плутарха¹, однако вряд ли можно сомневаться в том, что русификация боспорских городов шла рука об руку с сарматизацией последних. И та и другая, нужно думать, во многом являлись разными сторонами одного и того же исторического процесса. Представители местных племен, несшие привычные им формы хозяйства и культуры, проникая в боспорские города, постепенно способствовали вытеснению форм хозяйственной жизни, свойственных античным полисам, где ремесло и торговля всегда играли очень большую роль. Аммиан Марцелин², писавший во второй половине IV в. н. э., говорит о Херсонесе (Таврическом полуострове), как об изобилующем греческими колониями, население которого занимается хлебопашеством и питается его продуктами.

Отмеченные нами русификация и постепенная сарматизация городов, наряду с распространением труда пелатов в сельском хозяйстве Боспора эпохи Сарматской династии и особенно в III—IV вв. н. э., можно думать, определили унификацию, наблюдаемую в экономической и отчасти социальной и культурной жизни Боспора позднеантичного времени. В этом заключалось отличие позднего Боспора от многообразного и разнохарактерного по своей структуре государства ранних Спартокидов.

По сравнению с Боспором и Херсонесом, данные об организации труда и рабочей силе, применявшейся в сельском хозяйстве Ольвии, довольно скудны.

Естественнее всего предположить, что ольвиополиты, так же как и херсонесцы, пользовались трудом рабов. Об ольвийских рабах (servis), по всей видимости городских, упоминает Макробий³, сообщая, что осажденные Зопирионом борисфениты освободили своих рабов. Повидимому, более важное для нас свидетельство заключается в знаменитом декрете в честь Протогена. Как известно, там описываются бедствия, обрушившиеся на Ольвию, после того как галаты и скиры заключили союз с целью напасть на этот город. К числу этих событий, по словам декрета, принадлежало и то, что «все решительно рабы (την οἰκτεῖαν ἀλασάν) и пограничные миксэллыны, числом не менее 1500, бывшие в предыдущую войну союзниками в городе, были совращены врагами»⁴.

¹ Plut. De def. orac., 413, F.

² Ammian. Marc., XXII, 8, 32

³ Macrob., Saturn., I, 11, 33.

⁴ IOSPE, I², № 32, B.

Данное место декрета особо подчеркивает тяжелое положение, в котором тогда находилась Ольвия, с тем чтобы оттенить заслуги Протогена. В декрете указывается количество перешедших к врагам миксэллынов — их было не менее 1500 человек; это, по всей видимости, представлялось ольвиополитам весьма значительным числом, о рабах же сказано только, что все они были совращены врагами. Это позволяет думать, что количество рабов у ольвиополитов было не очень большим, иначе авторы декрета, назвав такое число, не упустили бы случая еще более сгустить мрачные краски и тем еще более подчеркнуть благодеяния Протогена. Далее вряд ли можно считать случайностью, что ольвийские рабы называются в декрете η οἰκτεῖα — наименованием, наиболее приложимым к рабам, служившим домашней прислугой. Таким образом, нам представляется, что едва ли ольвиополиты располагали очень значительным количеством рабов во времена Протогена декрета, т. е. в III в. до н. э. Еще меньше оснований у нас утверждать, что в сельском хозяйстве Ольвии использовался труд сколько-нибудь значительного числа рабов. Это в полной мере отвечает и намеченным выше данным о весьма скромных размерах сельскохозяйственного района, находившегося под властью Ольвии.

Соседившие с Ольвией каллипиды, именуемые Геродотом² эллинами-скифами (Ελληνες Σκύθαι) и, видимо, идентичные с миксэллынами (Μίξελληνες) Протогенова декрета, нужно думать, не были подчинены ольвиополитам.

Таким образом, Ольвия представляется нам сравнительно небольшим полисом, большая часть населения которого обитала в стенах города, занимаясь торговлей и ремеслом. Судя по размерам города, число жителей в этом полисе было десять, самое большое пятнадцать тысяч³. Отсутствие сколько-нибудь значительной сельскохозяйственной базы, находившейся в распоряжении Ольвии, как мы уже отмечали выше, приводило этот город к продовольственным затруднениям. Такие затрудне-

¹ Liddle-Scott. Greek-English. Lexicon. II, стр. 1203.

² В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе Ольвии. СПб., 1887, стр. 17.

³ Мы вычисляем, исходя из площади города, максимально достигавшей 37—38 га, если принять реконструкцию границ, предложенную А. Н. Карасевым (А. Н. Карасев. Оборонительные сооружения Ольвии. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 30, рис. 4). Что же касается населения сельскохозяйственного района Ольвии, то, как видно из всего вышесказанного, оно вряд ли было многим более одной-двух тысяч человек.

⁴ О продовольственных затруднениях и связанной с ними дороговизне хлеба красноречиво свидетельствует декрет в честь Протогена (IOSPE, I², № 32, A.).

ния, по всей видимости, не имели места на Боспоре¹, обширные пашни и многочисленные земледельцы которого могли надежно обеспечить хлебом это большое государство.

В отличие от Ольвии Херсонесское государство имело более значительный по размерам сельскохозяйственный район и, несомненно, большее количество производителей. Мы уже говорили, что на Гераклеяском полуострове было около 6000 жителей, можно предполагать, что едва ли меньше народу было в сельскохозяйственных районах Керкинитиды и Прекрасной гавани. В самом Херсонесе, судя по его размерам, было 10 000—15 000 обитателей², а в других городах³ 4000—7000 жителей. В таком случае общее число населения в Херсонесском государстве должно было составлять примерно 25 000—35 000. Эта цифра объясняет различие, существовавшее между более слабой Ольвией, влачившей довольно жалкое существование в III—II вв. до н. э. и, наконец, разрушенной гетами, и более сильным Херсонесом, который оказался в состоянии гораздо дольше отстаивать свою независимость.

Хотя Херсонес и обладал более значительным, чем Ольвия, сельскохозяйственным районом с довольно многочисленным населением, тем не менее и он, по всей видимости, временами испытывал затруднения в снабжении города хлебом. Об этом прежде всего свидетельствует гражданская присяга херсонесцев⁴, в которой все граждане дают обязательство не вывозить и не продавать в ином месте, кроме Херсонеса, σίτον ἀπό του πεδίου ἀ[π]α[ρ]χῆς (т. е. хлеб, вывозимый с равнины). О гражданах, «стесненных недостатком хлеба» (σίτον τε θλαίβο[ρ]α[ν]), говорится в одном херсонесском почетном декрете⁵, вероятно, относящемся ко временам Тиберия (14—37 гг. н. э.).

Причину этих затруднений в снабжении хлебом Херсонеса следует скорее всего видеть в том, что значительную часть его сельскохозяйственной территории, во всяком случае, на Гераклеяском полуострове, занимали виноградники. Припомним, что на хорошо известном нам клере у Круглой бухты несколь-

ко более половины земли (свыше 16,7 га) было отведено под виноградники и сады. Если даже все остальные угодья (площадью около 12 га) и были полностью отведены под пашню, то и тогда своего хлеба не хватило бы для прокормления постоянных обитателей клера. Ведь необходимо принять во внимание, что засеиваться хлебом могла только половина пашни, а другая оставалась под паром или использовалась для культивирования бобовых растений. Но даже если бы клер у Круглой бухты был исключением, и на других гераклеяских клерах площади, отведенные под пашни, были гораздо больше (для чего, кстати сказать, особых оснований у нас не имеется), то и в таком случае хлебных излишков с Гераклеяского полуострова едва хватило бы для пропитания только небольшой части населения Херсонеса. Это заставляет нас думать, что Херсонес в основном снабжался хлебом из других мест, а именно, из сельскохозяйственных районов Керкинитиды и Прекрасной гавани.

Собранные материалы по земледелию античных государств в Северном Причерноморье позволили уточнить наши представления о примерных размерах и территории, а также и о количестве населения. Сопоставление этих цифр весьма показательно. Для ольвийского полиса мы можем предполагать число населения в 10 000—15 000 человек, для Херсонесского государства — 25 000—35 000, для Боспорского государства — 150 000—200 000. Эти числа, как нам представляется, в полной мере отвечают тем соотношениям сил, которые были между данными государствами почти на всем протяжении их истории.

* * *

Подведем теперь итоги нашим наблюдениям над земледелием в античных государствах Северного Причерноморья.

Характерной особенностью земледелия северопонтийских государств прежде всего является значительная роль труда местного населения. Свободные греки — пахари, подобные 1000 каллатийцев, переселившихся при Евмеле, имели несравненно меньшее значение, чем многочисленные земледельцы из числа местных жителей. В Северном Причерноморье, так же как и в Птолемеевском Египте, греческое население, видимо, было преимущественно сосредоточено в городах и в весьма ограниченной мере проникало в сельские районы.

В полном соответствии с этим, особое развитие земледелие получило не в Ольвии и даже не в Херсонесе, а в полумеотском Боспоре.

Пока в боспорских городах, и особенно в Пантикапее, преобладали античные элементы, они были по преимуществу ремесленными и торговыми центрами (т. е. примерно в эпоху

¹ С. А. Жебелс в. Основные линии экономического развития Боспорского государства. ИОН, 1934, № 1, стр. 599, прим. 1.

² Эту цифру мы предлагаем, исходя из площади города, равной 38 га, и количества находившихся в нем жилых домов — примерно 1200 (В. Д. Блаватский. Северопонтийские города в конце II—I вв. до н. э. Вестн. Московск. ун-та, 1949, № 7, стр. 64, прим. 2).

³ Судя по данным разведок П. Н. Шульца, площадь Керкинитиды равнялась 10 га, в силу этого мы можем предполагать в ней 3000—5000 жителей, а в Прекрасной гавани, занимавшей всего 4 га, могло быть 1200—2000 человек. Таким образом, в городах, подчиненных Херсонесу, должно было быть 4000—7000 жителей.

⁴ IOSPE, I², № 401.

⁵ Там же, № 355.

Спартокидов). Когда же, начиная, приблизительно, с I в. до н. э., эти города стали подвергаться сарматизации, то параллельно ей начала развиваться и рустификация последних. Она сказалась в выездном земледелии и появлении зерновых хозяйств в самом Пантикапее.

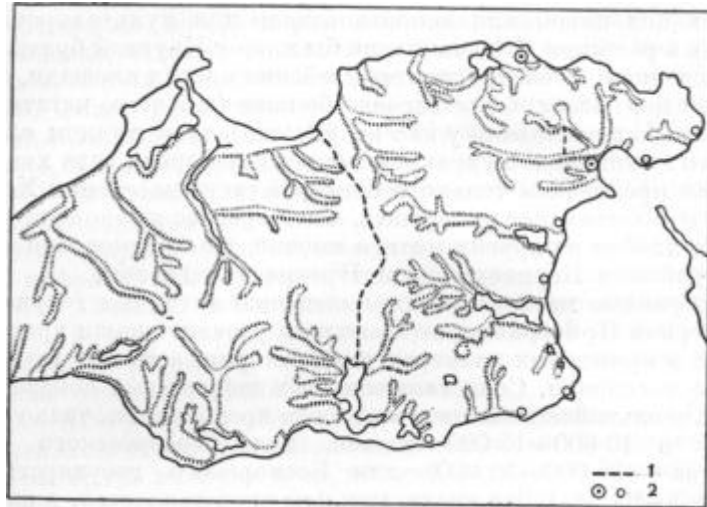

Рис. 91. Схематический план восточной части Керченского полуострова

1 — валы; 2 — античные города

Другой специфической чертой античного земледелия в Северном Причерноморье было следующее. Земледелие развивалось в значительной мере в укрепленных районах: на Керченском полуострове под защитой оборонительных валов¹ или на Маячном полуострове, огороженном стеной с башнями. Самые усадебные постройки, как показывают сооружения на Гераклейском полуострове и отчасти на Боспоре, представ-

¹ Разведки на Керченском полуострове, производившиеся автором настоящей работы в 1951 г., позволили установить следующее. Древний вал, который идет от Узунларского озера к Азовскому морю, защищая с запада значительную часть Керченского полуострова, проведен таким образом, что под его охрану входят все долины, примыкающие к Керченскому проливу. Каждая из этих долин в древности была сельскохозяйственным районом, тяготеющим к ближайшему боспорскому городу: Мирмикию, Пантикапее, Ди-Тиритаке, Нимфею, Китею, Киммерику и другим. Надежная защита валов и рвов позволяла сельскому населению этих местностей жить и в неукрепленных поселениях — *χωμαι*.

ляли собой крепкие замки, служившие надежным укрытием их владельцам на случай внезапного нападения. Сельский рабовладелец на Северном Понте был всегда вооружен и всегда был готов отразить нападение².

Наконец, можно отметить и некоторые черты своеобразия в организации сельского хозяйства в различных городах Северного Причерноморья. В Херсонесе оно, нужно думать, имело чисто рабовладельческие формы. Этим экономические основы Херсонесского государства резко отличались от хозяйства соседивших с ним тавров, которые находились на значительно более примитивной стадии развития. В силу этого сколь-нибудь серьезного взаимодействия между Херсонесом и таврами, во всяком случае в сельском хозяйстве, не было и не могло быть.

Совершенно иную картину наблюдаем мы на Боспоре, где уже со времени Левкона I значительная часть земледельцев приходилась на местные племена низовьев Кубани. Положение зависимых землепашцев у племен, вошедших в состав Боспорского государства, едва ли существенным образом отличалось от положения пахарей у соседних с ними независимых племен. Нужно думать, что и у тех и у других племен в это время происходили близкие экономические и социальные процессы, да и культура³ их была довольно близка. И те и другие постоянно находились в тесных экономических взаимоотношениях с боспорскими городами и, в частности, с Пантикапеем. Наконец, весьма примечательна отмеченная Страбоном⁵ изменчивость восточных границ Боспорского государства, обусловленная тем обстоятельством, что то одно, то другое племя отпадало от Боспора.

¹ О необходимости постоянно носить оружие при сельскохозяйственных работах, вероятно, несколько преувеличенно, говорит Овидий (Ovid. Trist., V, 10, 23—26).

² Особенно характерна в этом отношении роспись склепа Анфестерия в Пантикапее, относящаяся к концу I в. до н. э. — началу I в. н. э., где представлен выезд в степь знатного пантикапейца с вооруженными слугами, вероятно для обработки полей и выпаса скота (см. стр. 183, рис. 83).

³ Н. В. Анфимов, специально исследовавший вопрос о земледелии у меото-сарматских племен Прикубанья, приходит к выводу, что плужное земледелие получило применение в бассейне Кубани еще в раннескифское время (Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, № 23, стр. 147).

⁴ О тесных экономических связях меотов с Боспором свидетельствуют многочисленные находки различных античных предметов в Среднем Прикубанье, в том числе значительного количества пантикапейских монет, которые были обнаружены на Елисаветинском городище (В. А. Городцов, Елисаветинское городище и сопровождающие его могильники, по раскопкам 1935 года. СА, I, 1936, стр. 179).

⁵ Strab., XI, 2, 11.

В силу этого между земледелием племен азиатской части Боспора и их восточных соседей не было и не могло быть сколько-нибудь существенного различия¹. Здесь было совершенно иное положение, чем в Херсонесском государстве, отделенном резкой гранью от тавров. Недаром Боспорское государство было полумеотским, а в дальнейшем подверглось сарматизации.

Наконец, следует отметить, что социальный состав производителей в сельском хозяйстве Боспора, по имеющимся у нас данным, не был неизменным. Если в IV в. до н. э. мы наблюдаем наличие рабов, трудившихся в средних и мелких обрабатыва-
ПРИЛОЖЕНИЕ 1
дельческих хозяйствах, по всей видимости, свободных производителей и зависимых земледельцев, то в сарматскую эпоху намечается большее единообразие, вызванное увеличением роли близких колонам пелатов, труд которых постепенно вытесняет труд рабов.

О БЮДЖЕТЕ БОСПОРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Рассмотренные нами материалы по истории сельского хозяйства и хлебной торговли Боспора позволяют поставить вопрос о размерах бюджета государства Спартокидов. Поднимая данный вопрос, мы ясно представляем гипотетичность предлагаемых построений. Тем не менее, признавая их недостаточно надежными, мы все же считаем вполне допустимыми наши расчеты, так как они дают хотя бы приблизительное представление о размерах бюджета Боспора.

Выше мы уже неоднократно упоминали, что, по словам Демосфена¹, Левкон I (389/8—349/8 гг. до н. э.) ежегодно отправлял в Афины 400 000 медимнов, т. е. около 16 700 т хлеба. Если принять во внимание цену медимна пшеницы в Афинах, которая в IV в. до н. э. обычно была 5—6 драхм, а иногда поднималась значительно выше этой суммы², то окажется, что стоимость боспорского хлеба, ежегодно отправляемого Левконом I, была не менее 333—400 талантов. Указанная цифра: 333—400 талантов дает некоторое представление не только о размерах оборота боспорской торговли, но также и о бюджете Боспорского государства в IV в. до н. э. Однако следует принять во внимание, что хлеб на Боспоре должен был стоить значительно дешевле, чем в Аттике, ибо хлебная торговля, как и всякая морская торговля, давала весьма значительные барыши. Свидетельство Демосфена в его речи против Лакрита³ показывает, что деньги для торговой операции, производившейся посредством рейса корабля из Афин (через Менду или Скиону) на Боспор и обратно, давались в долг по 22,5 или 30%, в зависимости от продолжительности операции. Если считать, что барыши делились примерно поровну между купцом и его заимодавцем, а доходы от продажи товаров, привезенных из метрополии на Понт, в известной мере соответствовали выручке за боспорскую пшеницу в Афинах, то тогда мы можем предполагать, что цена хлеба в Афинах была примерно на 22,5—30%¹ выше, чем на Боспоре. При таких обстоятельствах

¹ В этом отношении заслуживает внимания отмеченная нами выше близость форм мотыкообразных сельскохозяйственных орудий I—II вв. н. э., обнаруженных в Среднем Прикубанье и на Азиатском Боспоре, в Семибратнем городище (Н. В. Анфимов. Новые данные к истории Азиатского Боспора. СА VII, стр. 262).

¹ Demosth. adv. Lept., 32.

² A. Jardé. Les céréales dans l'antiquité grecque, Paris, 1925, стр. 179.

³ Demosth. adv. Laer., 10.

пшеница, стоившая в Аттике 333—400 талантов, должна была доставлять боспорскому правителю от 230—266 до 250—300 талантов ежегодного дохода, т. е. в среднем 260—270 талантов².

Помимо указанной суммы, боспорским правителям доставляли доходы пошлины с купцов, вывозивших хлеб из боспорских гаваней³. Вероятно, такой же пошлиной были обложены и другие предметы вывоза; к ним могли принадлежать упоминаемые Страбоном⁴ рабы, шкуры и другие товары кочевников. С Боспора мог вывозиться и скот. О значительном развитии скотоводства на Боспоре свидетельствуют многочисленные находки костей животных при раскопках боспорских городищ. Вывоз же скота с Понта надежно засвидетельствован Полибием⁵. Боспорским архонтам приносили также доходы и принадлежавшие им эргастерии, где изготовлялась кровельная черепица⁶.

Нужно думать, что были и другие источники пополнения государственной казны. При этом, однако, следует учесть, что жители Пантикапея, согласно Диодору⁷, пользовались правом беспошлинности (τὴν ἀτέλειαν).

Все остальные ресурсы, взятые вместе, вряд ли могли дать сумму, которую можно было бы сравнивать с доходами от хлебной торговли. Ведь получение боспорского хлеба, как мы говорили выше, обеспечивалось трудом громадного количества производителей, несоизмеримо большего, чем число рабочих рук, занятых в это время в какой-либо иной отрасли хозяйства Боспора. В силу этого, нужно думать, что ежегодные доходы боспорского государства едва ли могли быть много больше 300—350 талантов.

Самой крупной статьей расхода, вероятно, было содержание наемной армии. Как показывает одна из найденных в Пантикапее надписей⁸, в качестве наемников у Левкона I служили аркадяне. Более обстоятельные сведения сообщает нам Диодор Сицилийский⁹ о составе армии Сатира, сына Перисада, 310/309 гг. до н. э. В эту армию входили 2000 эллинских и столько же фракийских наемников. Вряд ли можно сомневаться в том, что эллинские наемники были гоплитами. Как нам известно, плата гоплитам-наемникам обычно колебалась от 4 оболов до одной драхмы в день¹⁰.

¹ Ср. В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., 1949, стр. 226.

² Необходимо отметить, что из этой суммы следует вычесть, вероятно, связанные с хлебной торговлей накладные расходы (на транспорт, хранение зерна и проч.), учесть размеры которых для нас не представляется возможным.

³ Demosth. adv. Lept., 32.

⁴ Strab., XI, 2, 3.

⁵ Polyb., IV, 38, 4.

⁶ Б. Н. Граков. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 202 и сл.

⁷ Diod., XX, 24.

⁸ IOSPE, II, № 482.

⁹ Diod., XX, 22.

¹⁰ P. Monceaux. Exercitus. «Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire des antiquités», Paris, 1892, II, 2, стр. 895, прим. 237; M. L a u n e y. Recherches sur les armées hellénistiques, Paris, 1950, стр. 758.

Исходя из этого расчета, 2000 гоплитов должны были получать в год примерно от 80 до 120 талантов. Судя по словам Фукидида¹, фракийские пельтасты оплачивались примерно так же, как и гоплиты: они получали по драхме в день, хотя эта плата и представлялась дорогой. В силу этого можно думать, что 2000 фракийских наемников на Боспоре также обходились суммой от 80 до 120 талантов в год. При таких обстоятельствах ежегодные расходы Боспорского государства на содержание армии² должны были составлять в среднем около 200 талантов.

Другой значительной статьей расхода, очевидно, было содержание флота. Афинский декрет 346 г. до н. э. в честь Спартока и Перисада³ свидетельствует о том, что боспорские правители нанимали афинян на службу в качестве матросов. Какова была эта сумма, мы не знаем, даже приблизительно, так как ни один из источников не упоминает о числе судов в боспорском флоте, а свидетельство Страбона⁴ о размерах пантикапейских доков, рассчитанных на 30 кораблей, дает слишком отдаленное представление. Ведь эти доки служили для постройки и ремонта не только военных, но и торговых судов и притом, конечно, как боспорских, так и иностранных.

О составе боспорского флота мы можем сказать, что во времена Левкона II в него, видимо, входили триеры, как это допустимо заключить из рассказа Поллена⁵ о войне с гераклеотами. Число боспорских военных кораблей едва ли могло быть очень значительным. Содержание экипажа боевого корабля (триеры) стоило довольно дорого. Если исходить из того, что обычное жалованье афинских моряков было равно 3 оболам в день⁶, а экипаж триеры состоял из 200 человек, то расходы по содержанию личного состава корабля равнялись 100 драхмам, т. е. 1 мине в день. При таком расчете приходилось расходовать на одну триеру примерно 6 талантов в год, не считая средств⁷, необходимых на обновление снастей и текущий ремонт корабля, не говоря уже о том, что приходившие в ветхость суда нужно было заменять новыми.

Учитывая все эти расходы, можно предполагать, что боспорский флот вряд ли насчитывал более 20 триер, и при всяких обстоятельствах едва ли был значительно больше этой цифры. В этом предположении нет ничего невероятного, ибо даже довольно сильное на море⁸ припонтйское го-

¹ Thucyd., VII, 27, 2.

² Боспорская конница, наличие которой засвидетельствовано Диодором (Diod., XX, 22), видимо, не была наемной и не требовала постоянных средств для ее содержания так же, как и союзники Боспора — скифы.

³ IG, II², 212; Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии..., № 3 (ВДИ, № 3, 1939).

⁴ Strab., VII, 4, 4.

⁵ Polyæn., Strat., VI, 9, 3.

⁶ Thucyd., VI, 31, 3; VIII, 45, 2.

⁷ Их определяли в количестве от 40 до 60 мин в год на одну триеру. См. P. Guiraud. La propriété foncière en Grèce, Paris, 1893, стр. 536.

⁸ Polyæn., Strat., VI, 9, 4.

сударство Гераклея, видимо, не располагало большим числом кораблей. По свидетельству Псевдо-Аристотеля¹, гераклеоты снарядили против боспорских тиранов 40 кораблей, что, нужно думать, превосходило морские силы Боспора². В III в. н. э. Гераклея посылала на помощь Никомеду I всего 30 триер³. Во времена Митридата Евпатора у гераклеотов было 30 кораблей⁴. По свидетельству Иосифа Флавия⁵, римское господство на Понте было обеспечено сорока восемью военными кораблями.

Далее нам известна еще одна статья расходов Боспорского государства а именно, привлечение на свою сторону путем подкупа тех или иных политических деятелей. Так, по свидетельству Динарха⁶, Демосфен получал ежегодно от боспорских тиранов по 1000 медимнов хлеба. При стоимости медимна от 5 до 6 драхм цена такого транспорта хлеба достигала 1 таланта.

Наконец, разумеется, значительные суммы шли на содержание двора боспорских правителей, на воздвигавшиеся ими храмы, статуи, а также и на оборонительные сооружения.

Очень ценное свидетельство о ресурсах Боспорского государства в I в. до н. э. мы находим у Страбона. Древний географ сообщает, что жители Херсонеса, т. е. Крымского полуострова, а также азиатских территорий возле Синдики давали дань Митридату в размере 180 000 медимнов хлеба и 200 талантов серебра⁷. Состав дани допускает предположение, что земледельческое население платило подать натурой, денежные взносы скорее всего должны были поступать от торговцев и владельцев эргастериев.

ПРИЛОЖЕНИЕ

2

О СТОИМОСТИ СКОТА В ОЛЬВИИ

Мы уже упоминали о найденном в 1866 г. ольвийском декрете коллегии семи¹. Этот декрет близок по времени знаменитой надписи в честь Протогена (III в. до н. э.), но, вероятно, был составлен немного раньше, чем последняя². В декрете коллегии семи говорится о размерах сумм, которые подлежали взносу в сокровищницу за различных животных, приносимых в жертву. Согласно этому постановлению, за быка нужно было вносить 1200 (вероятно, медных монет), за овцу и козу — 300, за кожу — 60. По мнению В. В. Латышева³, исчисление сумм в данном декрете имеет место в халках и речь идет о налоге, огромные размеры которого объясняются тяжелым финансовым состоянием Ольвии.

Если принять очень убедительное предположение А. Н. Зографа⁴ о характере денежного обращения в Ольвии во времена Протогенова декрета, то тогда приходится признать, что сумма, уплачиваемая за быка, была равноценна трем аттическим золотым статерам, а за овцу или козу — 3/4 золотого статера. Эти суммы не только чрезмерно велики для налога, но к тому же они сравнительно мало уступают обычным ценам на скот, известным нам в греческой метрополии в IV—III вв. до н. э.⁵ Между тем

¹ IOSPE, I², № 76.

² Там же, стр. 105.

³ В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии, СПб., 1887, стр. 101.

⁴ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 130 и сл.

⁵ На Делосе около 300 г. до н. э. бык стоил 72 драхмы, т. е. 3³/₅ статра. Paris, 1951, стр. 136).

стр. 128). Весьма примечательно также свидетельство Полибия (Polyb., IV, 38, 4), который, говоря о понтийской торговле, относит рабов и скот к тому, что необходимо для жизни (τάς ἀναγκαίαις του βίου), а в числе предметов роскоши называет соленую рыбу. Цена амфоры (χερίμιον) понтийской соленой рыбы, покупавшейся римлянами, по словам Афиня (Athen. Deipn., VI с, 109), равнялась 300 драхм (т. е. 15 золотым статерам).

тера		(E.	Cavaignac		L'économie	grecque.	
В	начале	III в. до н. э.	в Греции	и	в Частная	барашек	общественная
тера	1 (см.	Ps.-Arist. Polyaen. Memn., 18.	Fecon., И, II, 4.				
	3	Memn., 50.	Strat., VI, 9, 4.				
	4						
	5	Ios. Fl. Bell. iud., II, 16, 4.					
	6	Din. adv. Demosth., 43.					
	7	Strab., VII, 4, 6.					

коль скоро, по свидетельству Полибия¹, в его времена скот ввозился в метрополию из припонтийских стран, стоимость последнего в Причерноморье должна была быть значительно ниже. Если для хлеба эта разница могла составлять 20—30%, то для живого груза, подверженного опасности повреждения и даже падежа при трудном морском пути, это различие, вероятно, было большим. Напомним, что прибыли купцов, занимавшихся морской торговлей, могли достигать 100%².

В силу этого мы решаемся высказать предположение, отнюдь не настаивая на нем категорически, что в данном декрете речь идет не о налоге, а о тех суммах, которые вносились в казну жертвователем за тех животных, которых он получал для заклания. При таких обстоятельствах указанные в декрете суммы дают нам представление о продажной цене скота в Ольвии в III в. до н. э.

В подобном предположении нет ничего невероятного. Храм Аполлона на Делосе продавал пожертвованных святилищу животных и шкуры закланных быков³.

Как отмечает В. В. Латышев⁴, при греческих святилищах на принадлежащих им землях иногда содержались стада животных, время от времени приносимых в жертву божеству. В связи с этим вспомним о возможном наличии около Ольвии, в конце III — в первой половине II в. до н. э., пастушеского поселения (**Νορία κοπή**), о котором мы неоднократно говорили выше⁵.

Наконец, особого внимания заслуживает вопрос о кожах, за которые взималась довольно большая сумма, равная $\frac{1}{20}$ удержания за быка и $\frac{1}{5}$ — за овцу или козу. Весьма сомнительно, чтобы в Ольвии существовал необычный для античного мира вид жертвоприношений — жертвование кожи, и притом столь распространенный, что вызвал особое законодательство. Более вероятно иное истолкование этих взысканий. Скорее можно ожидать, что в Ольвии, так же как и в Афинах, денежные суммы от продажи шкур жертвенных животных поступали в государственную казну⁶. В таком случае при установлении твердой цены за голову животного, очевидно, стоимость кожи его не принималась во внимание, а жертвователь, желавший взять себе кожу, должен был платить за нее особо.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АДЖ — М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913.
- ВДИ — Вестник древней истории.
- ДАН — Доклады АН СССР.
- ДБК — Древности Босфора Киммерийского.
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
- ЗРАО — Записки Русского археологического общества.
- ИАК — Известия Археологической комиссии.
- ИОН — Известия АН СССР. Отделение общественных наук.
- ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.
- ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
- ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
- МАК — Материалы по археологии Кавказа.
- МАР — Материалы по археологии России.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- НС — Нумизматический сборник.
- ОАК — Отчет Археологической комиссии.
- СА — Советская археология.
- СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры.
- ПИМК — Проблемы истории материальной культуры.
- CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum.
- CIA — Corpus Inscriptionum Atticarum.
- IOSPE — В. Latyshev. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis-Ponti Euxini.
- IG — Corpus Inscriptionum Graecarum.

¹ Polyb., IV, 38, 4.

² В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., 1949, стр. 226.

³ Homolle. Comptes des Hiéropes du Temple d'Apollon Délien. Bulletin de Correspondance Hellénique, VI, 1882, стр. 69 и сл.

⁴ В. В. Латышев. Очерк греческих древностей. Часть 2-я, СПб., 1899, стр. 44.

⁵ Сб. «Ольвия», т. I. Киев, 1940, стр. 259 и сл., № 1.

⁶ В. В. Латышев. Очерк греческих древностей. Часть 2-я, стр. 90 и сл.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
1. Значение земледелия в античных государствах Северного При- черноморья. Торговля хлебом. Земледельческие культы . . .	7
2. Сельскохозяйственная территория североопонтийских государств. Землевладение	25
3. Организация сельскохозяйственной территории	56
4. Вопрос о применении искусственного орошения. Земельные улучшения	63
5. Способы восстановления плодородия почвы	70
6. Полевые культуры	74
7. Огородные культуры. Сады. Виноградники	84
8. Системы полеводства	90
9. Техника земледелия	93
10. Животноводство	97
И. Сельскохозяйственные орудия	105
12. Сельскохозяйственные постройки	116
13. Обработка и хранение продуктов сельского хозяйства	129
14. Вопрос об урожайности растений	158
15. Вопросы организации труда и эффективности рабочей силы. Социальный состав производителей	161
П р и л о ж е н и е 1. О бюджете Боспорского государства . . .	201
П р и л о ж е н и е 2. О стоимости скота в Ольвии	205
Список принятых сокращений	207

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
25	8—9 сверху	αλλάς, χα>ρας	αλλάς χώρας
27	19—20 сверху	τό πεδίων	τό πεδίων
33	9 снизу	(?)	(?)]
46	3 снизу	κυρ.ος	κύριος
51	12 сверху	^λαία	Υλαία
62	12 снизу	υσί.θεο[υ	Λυσιθέο[υ
90	5 снизу	Οπδ(ση)ν αν	Οπό(ση)ν άν
105	8 сверху	τηΧόντος	τυχόντος
125	6 снизу	gresques	gresques
125	8 сверху	квадратов	квадров
129	1 снизу	1946	1945
158	11—12 сверху	ουν	Χουν
168	3 снизу	άνθρωπω	άνθρώπω
170	2 сверху	Κώνον	Κώνον
186	4 снизу	χωρίς εις	χωρς εις
186	3 снизу	προσευχών θωπείας	προσευχών θωπείας
194	6 сверху	рматизацией	сарматизацией
194	7 снизу	άπασαν	άπασαν

В. Д. Блавагский

Утверждено к печати Институтом истории материальной культуры
Академии Наук СССР

Редактор издательства. Н.Трофимова Технический редактор Т. В. Алексеева

РИСО АН СССР № 78-56В. Т-07683. Издат. № 41. Тип. заказ № 1661. Подп. к печ.
14/ХІ 1953 г. Формат бум. 60х92¹/1*Бум.л. 6,50. Печ. л. 13.Уч.-издат. 13.Тираж 3000.
Цена по прейскуранту 1952 г. 8 р. 60 к.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10